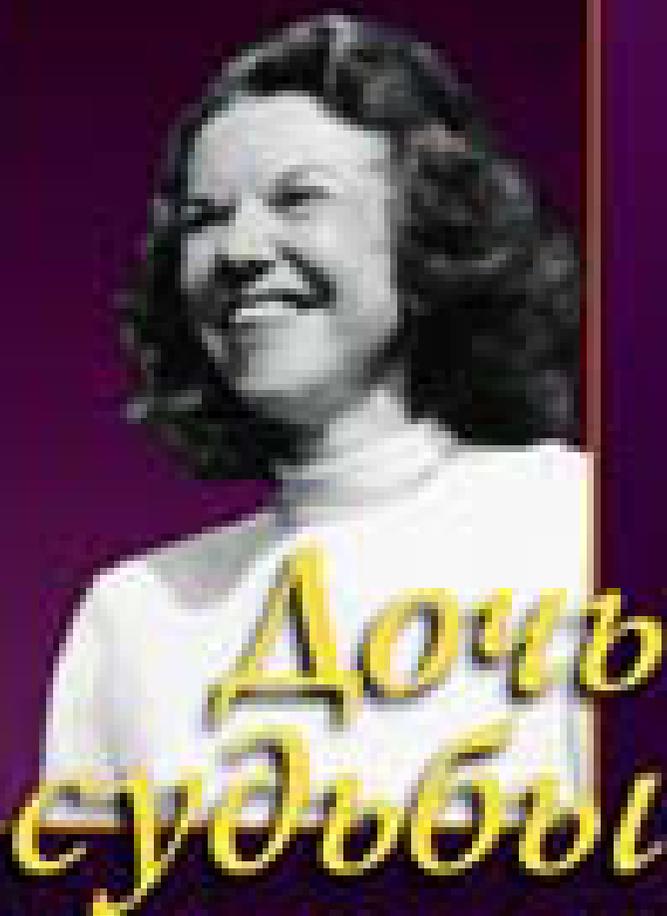

ДИСТРИБУЦИОННО-ПРОДАЖНОЕ ПИИ

Джемми Бакмингем

Классика культуры — это история

Дочь судьбы

Кэтрин Кульман
...ее история

Джеми Бакингом

Оглавление

Предисловие	1
Предисловие издателя	5
ГЛАВА I Смерть с грифом «секретно»	7
ГЛАВА II Я не могу снова вернуться домой	11
ГЛАВА III Палатки и индюшатники	30
ГЛАВА IV «Проповедуй и не останавливайся»	49
ГЛАВА V Поражение египтянина.....	70
ГЛАВА VI И куст горит	79
ГЛАВА VII Питтсбург	100
ГЛАВА VIII Палатки и храмы	112
ГЛАВА IX За закрытыми дверьми	127
ГЛАВА X Мудрость ожидания	145
ГЛАВА XI Привет! Вы, конечно, ждали меня?	158
ГЛАВА XII Нерассказанные истории	165
ГЛАВА XIII Поклонение в «Святыне»	177
ГЛАВА XIV Служение с чудесами	192
ГЛАВА XV Отдавая всегда и никогда не опустошаясь.....	218
ГЛАВА XVI Предательство!	235
ГЛАВА XVII Последняя работа	249
ГЛАВА XVIII Последнее помазание	263
ГЛАВА XIX Послесловие: оглядываясь назад	274

Предисловие

Написание биографии подобно вскрытию трупа. Биограф, если он просто делает свою работу, должен всего лишь выписать факты, поговорить с людьми, почитать, что сказали другие, и вывести свое собственное независимое заключение. Но как выполнить подобные операции в отношении Кэтрин Кульман, которую помазал Сам Бог? Это невозможно! Задача была бы по силам тому, кто не только знал ее, но также знал и ее Бога. Ее мог бы выполнить тот, кто смог бы сказать правду, подобно тому, как авторы Библии сказали правду о прелюбодеянии Давида, о ненадежности Или и о плохом настроении Павла. Все же работу должен был сделать тот, кто выделил бы здоровые части в большей мере, чем больные. Написать ее историю — это буквально коснуться Божьего помазанника. Другими словами, это могло бы быть сделано кем-то со слезами на глазах. Надо писать правду. Но еще больше того — с любовью.

Работая рядом с Кэтрин Кульман, написав восемь из ее девяти книг, я уже сделал ряд положительных выводов о ее жизни. Впрочем, после ее смерти, когда я разговаривал с ее критиками, — а их было много, — мое собственное отношение стало более резким и критическим. Я слышал самого себя, обсуждающего ее жизнь и служение, касающегося скорее некоторых недостатков ее характера, неких теневых моментов ее прошлого или тайны, окутывающей ее смерть, нежели того хорошего, что она сделала. Производя как бы собственноручное вскрытие, я словно стал патологоанатомом, который сообщает мужчине о теле его любимой словами «сердечный приступ» или «рак молочной железы», в то время как муж скрежещет зубами в мучениях и говорит: «Она не рак молочной железы, она — моя жена вот уже сорок лет».

Любовь изменяет все.

Две ночи назад я уединился, чтобы сделать последний набросок этой книги. И мне приснился сон. В том сне я был с Кэтрин. Мы были любовниками, не в половом смысле, но в истинном общении сердец. Она была такой, какой я ее

помнил как раз перед смертью: болезненной и стареющей, не очень красивой на вид. Все же мы прыгали по полю, шли по затененной тропинке, держась за руки, и стояли обнявшись. Я не только любил ее, но я был влюблен в нее.

Прошло уже четыре месяца, как она умерла, и сон испугал меня. Это было неестественно.

На следующую ночь мне снова приснился сон. На сей раз я был одет как шериф. Кэтрин была со мной, вроде бы на скамье подсудимых. Затем откуда-то появились присяжные, все в униформе. Но вместо того чтобы помогать мне, они начали высмеивать Кэтрин, расхаживая вокруг нее, имитируя ее голос и манеры, передразнивая ее. Все это время она сидела на обочине грунтовой дороги, склонив голову, выслушивая обвинения, но не делая ни одной попытки защитить себя. Злой и разочарованный, я встал, чтобы защитить ее.

Я рассказал своей жене об этих снах, и также двум близким друзьям. И все согласились, что сны были посланы Богом, чтобы я особо смог выделить одну составную часть, совершенно необходимую, чтобы описывать и истолковывать жизнь Кэтрин Кульман, — любовь.

Предисловие издателя

В течение последних лет своей жизни Кэтрин Кульман сознавала, что ее служение подходит к концу. Она захотела, чтобы ее история была рассказана, и без колебаний выбрала Джеми Бакингема для написания своей биографии. Ее инструкции были очень просты: «Расскажи все, Джеми, расскажи все!» Джеми согласился с ее просьбой. Так, «рассказывая все», эта книга раскрывает гуманизм Кэтрин вместе с ее глубокой духовностью.

Мне посчастливилось присутствовать на нескольких замечательных служениях госпожи Кульман. Когда бы ни происходили чудесные исцеления на ее собраниях, она аккуратно отдавала всю славу Богу. Она сознавала, что ее призвание не было основано на ее собственных способностях. Кэтрин любила говорить: «Бог избирает немудрые вещи этого мира, чтобы посрамить мудрые».

Перед каждым богослужением у нее было обыкновение молиться: «Не отними у меня Твоего Святого Духа», и этот подход помогает объяснить феномен Кэтрин Кульман и те сверхъестественные явления, которые сопровождали ее служение. Слышать, как она говорила, видеть, как она молилась за больных, наблюдать, как она высвобождала любовь Бога для простых людей и служителей, — значило осознавать, что ты находишься в присутствии Самого Бога. На международном съезде «Общины полноевангельских бизнесменов» в Вашингтоне в 1969 году, например, я наблюдал, как Кэтрин вызвала вперед служителей и священников, присутствовавших там. Сотни человек, представлявших многие религиозные традиции, включая протестантских служителей, римско-католических и греко-православных священников, а также еврейских раввинов откликнулись на призыв. Госпожа Кульман подходила к каждому, смотрела прямо в глаза и говорила: «Брат, ты жаждешь Бога». Когда Кэтрин Кульман возлагала руки и молилась за этих Божьих людей, они обыкновенно «падали, сраженные силой», осознавая лишь Бога и Его великую любовь. И было чувство, что каждый из

них вернется в свою церковь с необыкновенным рвением и посвящением.

Издатель одной оригинальной книги писал: «"Дочь судьбы" — это аккуратное и полное любви изложение жизни Кэтрин, какой мы ее знали. Оно говорит о женщине, которую осмеивали одни, которой поклонялись другие и которая, несомненно, будет иметь свое уникальное место в Зале Божьей славы».

Хотя «Дочь судьбы» поднимает много вопросов, она также дает ясные ответы о мотивах и источнике силы, которые стояли за необычно благословенным служением госпожи Кульман. Мы верим, что эта книга даст тебе новый уровень понимания и объективную информацию о жизни и служении Кэтрин Кульман. Мы молимся, чтобы особое помазание, бывшее в ее жизни, продолжало течь со страниц этой книги, касаясь тебя Божественной исцеляющей любовью и силой.

*Ллойд Б. Хильдебранд,
Главный редактор «Бридж Паблишинг»*

Глава 1

Смерть с грифом «секретно»

В смерти, как и в жизни, она была окутана тайной. Она появилась на экранах наших телевизоров и далеких платформах как некая фантастическая фигура — бойкая в своих проповедях и нежная до слез, когда она провозглашала исцеление толпам больных. Весь мир, от манекенщиц с Пятой авеню и звезд Голливуда до рабочих в защитных касках с дробилок в Питтсбурге, стекался на ее служения с чудесами. На планете, пораженной болезнями и духовной темнотой, она представляла тот ингредиент, без которого человеческий род обречен, — надежду. Многие были исцелены. Другие, видя в ней славу Бога, посвящали жизнь Христу, которого она провозглашала. В своей речи, в стиле жизни она словно демонстрировала здоровье, любовь и процветание от Бога, которому она так благоговейно служила. Многим она казалась практически бессмертной. Мэгги Хартнер, личный секретарь Кэтрин и ее «альтер эго», однажды сказала мне: «Госпожа Кульман никогда не умрет. Она будет здесь до тех пор, пока Иисус не придет снова».

Но она умерла. 20-го февраля 1976 года — в незнакомом госпитале, в незнакомом городе, окруженная едва знакомыми людьми, и тот человек, которого она раньше презирала, стоял в ожидании, когда можно будет начать служить панихиду. Женщина, которую журнал «Тайм» назвал «подлинной святыней Лурда»*, умерла в возрасте 68 лет. Когда она умерла, на ее рабочем столе лежало более пятидесяти приглашений провести служения с чудесами в общинах по всему миру. Представитель армии США в Таиланде выписал ей приглашение на Дальний Восток. Было приглашение из Новой Зеландии. Два из Австралии. Пять из Европы. И десятки из городов Америки. Самое трогательное было от первой леди Вайоминга, миссис Эд Хершлер, жертвы множественного склероза, она просила приехать в Шайенн.

***Лурд — город во Франции. — Прим. пер.**

Хотя смерть Кэтрин аннулировала все приглашения, она усилила тайну и интригу, окружавшие ее жизнь.

Все было не так уж и хорошо. Почти четыре месяца Кэтрин была настоящим заключенным в двух госпиталях: один в Лос-Анджелесе и другой в Талсе. Тинк Вилкерсон, торговец автомобилями в Талсе и член правления Университета Орала Робертса, мистически ворвался в ее жизнь восемь месяцев назад. Фактически будучи чужими для нее до этого, он и его жена, Сью, оставили свой бизнес, дом и семью, чтобы постоянно сопровождать Кэтрин. В своем ослабленном состоянии она никому больше не доверяла. Вилкерсоны управлялись со всеми ее личными нуждами, включая финансовые дела.

На следующий день после ее смерти Вилкерсон, его жена и личный охранник Орала Робертса сопровождали тело Кэтрин от Талсы до Лос-Анджелеса. В воскресенье утром в 10 часов Вилкерсоны и охранник, господин Джонсон, прибыли на кладбище «Лесная Полянка» с одеждой Кэтрин и ее косметической сумочкой. Они дали строгие инструкции, чтобы никто, абсолютно никто не мог видеть ее тело. Служители кладбища, называя это «похоронами с грифом "секретно"», положили тело Кэтрин на втором этаже в комнате с одним входом и окнами с решетками, которые были закрыты. Господин Джонсон сел за дверь в холле, охраняя вход. Никто, ни Мэгги Хартнер, ни другие близкие друзья Кэтрин, не были допущены к ее телу, только Вилкерсоны.

После похорон было обнародовано, что за два месяца до своей смерти Кэтрин сделала новое завещание. Хотя она оставила 267 500 долларов для своих двенадцати работников и троих родственников, остаток от ее более чем двухмиллионного личного состояния был отдан Вилкерсонам. Передовицы всех национальных газет сообщали: «Кэтрин Кульман, евангелистка, которая выклянчила миллионы долларов в качестве пожертвований у своих последователей, не оставила ничего из своего состояния ни своей «Организации», ни церкви».

Ее последователи были обижены и злы. Но изменение завещания было только верхушкой айсберга. Каждый день после ее смерти всплывали новые будоражающие факты. Я

позвонил Джину Мартину, давнему помощнику Кэтрин, который занимался «пробиванием» ее поездок. Он участвовал в съезде «Ассамблеи Божьей»* в Сан-Диего и согласился меня встретить, если я приеду в Калифорнию. Мы должны были встретиться в холле отеля «Эль Кортес» 22 апреля в 2 часа 30 минут пополудни. Когда я прибыл, проделав путь из Флориды до Лос-Анджелеса и затем взяв напрокат автомобиль до Сан-Диего, я нашел только записку для меня, оставленную у портье. Мартин таинственным образом передумал и отказался от разговора.

Я полетел в Талсу, где мрак еще более сгустился. Орал Роберте, который так блестяще говорил о Кэтрин на похоронах (они были организованы Тинком Вилкерсоном), отказался повидаться со мной. Информация просочилась из госпиталя «Хилквест» в Талсе. Оказалось, что все информационные сообщения, подготовленные Тинком Вилкерсоном, где говорилось, что якобы она идет на поправку, были ложью. Медсестры засвидетельствовали, что она не только находилась в критическом состоянии после операции в конце декабря, но чуть не умерла три раза, и пришлось прибегать к реанимации. Наконец-то я понял, что давление шло от «источников вне госпиталя», и медсестрам приказали молчать. Эта конспирация только увеличила таинственность. Интрига усилилась, когда разные люди в Талсе стали говорить мне о своих снах, которые они видели в ночь перед смертью Кэтрин, и в этих снах им якобы было сказано, что Кэтрин еще не пришло время умирать. Я уезжал из Талсы, удивляясь, почему никто не хотел говорить и кто велел всем молчать.

Уже в Питтсбурге, Дэвид Верзилли, вот уже 22 года бывший пастором в Янгстауне, штат Огайо, который помогал Кэтрин и которого (по словам его жены в язвительном письме к Мэгги Хартнер) женщины «лишили всякого чувства самоуважения» как в жизни, так и в служении, также отказался разговаривать.

Я связался с Дино Картсонакисом, бывшим пианистом Кэтрин. Год назад, когда его публичные разоблачения о ней появились на первых страницах национальных газет, он ска-

зал мне, что готов «раздеть» Кэтрин. Но теперь и он набрал в рот воды.

Из всех людей, имеющих отношение к делу, помимо ее верного персонала, только Тинк Вилкерсон, милый, приятный, но хитрый человек, решился поговорить. Я провел с ним более трех часов в когда-то красивом доме Кэтрин в Фокс-Чэпеле, пригороде Питтсбурга. Дом был окружен вооруженными сотрудниками безопасности. Тинка сопровождали два охранника. Грузчики опустошали дом, увозя все бесценные картины и антикварные изделия на хранение. Тинк сказал, что он говорит мне правду, и я искренне хотел верить ему. Все же некоторые вещи, о которых он сказал, я едва мог уразуметь. Во-первых, он утверждал, что получит чистыми только 40 000 долларов из своей доли в завещании. Во-вторых, он сказал, что «как и все, был удивлен», когда узнал, что Кэтрин сделала новое завещание и объявила его главным наследником, хотя именно его личный нотариус по его инструкции вылетел в Лос-Анджелес и подготовил на подпись завещание для госпожи Кульман, когда она была смертельно больна.

Что же было скрыто? Что за странные силы сделали все это с теми, кто вошел в жизнь Кэтрин в последний год ее жизни? Почему так много людей скрывали и даже искажали истину? Были ли там всякого рода грязные делишки, как многие подозревали? Или же Бог, как другие полагали, убрал Кэтрин с лица земли, потому что ее миссия закончилась, подобно тому как Он убрал Моисея? Или же — и это было наиболее интригующим — та самая вещь, что мучила Кэтрин больше всего, случилась с ней? А именно: Святой Дух ушел от нее, оставив ее неспособной даже просто продолжать жизнь. Где же была разгадка той тайны, что окружала ее смерть?

Ответы на эти вопросы, похоже, были в Кэтрин самой, а не в тех, кто был рядом с ней. Чтобы найти их, я знал, мне придется пройти весь путь назад до истоков, до корней ее происхождения, и начать оттуда.

Глава 2

Я не могу снова вернуться домой

В центральных фермерских районах штата Миссури, когда зима гуляет по прериям с воющим северным ветром, гоня перед собой снежинки и крупные хлопья, мороза крапиву, тогда, как говорят, единственное, что остается между Конкордией и Северным полюсом, — это забор из колючей проволоки, да и тот уже упал.

Лето же обыкновенно плохое, ибо нет на всей земле такого жаркого места, как Миссури в августе, разве что Канзас в июле. Но в промежутке, когда земля дышит свежестью и зеленью весны, или же осенью, когда пшеница уже заскирдована и повенчана с желтыми тыквами, Миссури можно назвать самым красивым местом на всей земле.

Кэтрин родилась здесь, в пяти милях к югу от Конкордии, на ферме в сто шестьдесят акров, 9 мая 1907 года. Ее возраст, вплоть до ее смерти, был одним из самых больших секретов в мире. «Это никого не касается, кроме меня, — сказала Кэтрин Карлу Забия в госпитале Святого Иоанна в Лос-Анджелесе, когда он пришел к ней в палату, чтобы спросить о ее возрасте, для того чтобы заполнить историю болезни. — Напишите, что мне за пятьдесят».

«Извините, мисс Кульман, — доктор-еврей улыбнулся, — но мне нужно знать Ваш точный возраст, чтобы выписать точную дозировку лекарств».

«Никто, — она почти шептала, разглядывая его с подушки, — никто не знает, сколько мне лет. Но, дорогой доктор, если Вы дадите мне клочок бумаги, я напишу это, — теперь она уже подсмеивалась. — Но не вздумайте проболтаться хоть одной живой душе».

Кэтрин была почти права. Лишь немногие люди знали ее возраст. Мэгги Хартнер была одной из них. Но когда я попытался добыть от нее сведения, она посмотрела на меня так же, как и Кэтрин однажды, и сказала: «Зачем? Я не открою вам даже мой возраст. Почему женщина должна делать это?»

Будучи не в силах победить этот вид женского тщеславия, я решил подождать, пока не доберусь до паспорта Кэтрин или не смогу поднять ее документы в Конкордии.

Кэтрин нравилось заставляя людей гадать. Она сказала канадскому журналисту Аллеку Шрагетту еще в 1966 году, что ей 84 года, но была шокирована, когда он написал это в книге «Необъяснимое». Когда она умерла, заголовок на первой странице утреннего выпуска «Лос-Анджелес Тайме» гласил: «Кэтрин Кульман умерла на 66-м году жизни». Они ошиблись на два года. Должно быть, она подсмеивалась даже на небесах. Она любила надувать прессу. И ввести в заблуждение престижную «Лос-Анджелес Тайме» — был один из ее лучших трюков, особенно, когда открылось, что газета черпала информацию от сотрудников госпиталя. Уже умирая, она все же надула доктора. Ее тщеславие победило даже в самом конце, а вместе с ним и ее чувство юмора и удовлетворения от того, что она унесла в могилу секрет своего возраста.

Конечно, записи в Конкордии дали настоящую цифру и в то же время прояснили другую тайну — загадку того, где она родилась. Кэтрин почти удалось заморочить всем голову, что она родилась в большом двухэтажном доме номер 1018 по улице Святого Луиса в Конкордии, крошечном скоплении из 1200 домов, прижавшихся к железной дороге, соединяющей Сент-Луис с Канзас-Сити. Но почему она настаивала, что родилась в городе, а не на ферме, похоже, никто так и не узнает.

В интервью мне она говорила: «Когда папа женился на маме, он обещал ей, что если она переедет с ним в деревню, после полной выплаты за ферму он построит ей самый большой дом в Конкордии. Когда посуда после ужина была вымыта, мама обычно шла рисовать картинку того большого дома, который папа обещал ей, когда кредит за ферму будет выплачен. И вот этот день пришел. Ферма была оплачена. Папа построил маме такой дом, какой она хотела. И я появилась на свет вместе с этим домом. Это был большой дом. И знаете что? С того времени, как я родилась в этом доме, до этого самого дня все шло отлично. У меня не было

комплекса неполноценности, поскольку я знала, что любима. Я знала, что была желанным ребенком. Это большое наслаждение для ребенка — знать это. Я всегда знала это. Я всегда знала, что была отрадой папиных глаз».

Никто не спорил с этим. Но все спорили с тем, что она родилась в большом доме в Конкордии.

Ее отец, Иосиф А. Кульман, был стройным курчавым фермером немецкого происхождения, как и почти все жители Конкордии, маленькой лютеранской крестьянской общины в шестидесяти милях к востоку от Канзас-Сити. Ему было двадцать пять лет, когда он женился на Эмме Валькенхорст, которой было всего семнадцать. Они сразу переехали на ферму Кульмана — крупный участок земли в пяти милях южнее Конкордии в деревне Джонсон. Старшая сестра Кэтрин, Миртл, была рождена там, так же, как и ее старший брат Эрл. Миртл было пятнадцать лет а Эрлу — десять, когда Эмма Кульман родила третьего ребенка.

Тетушка Гасти (Августа Паулина Кульман-Барроу), старшая сестра Джо* Кульмана, приехала в тот самый вечер. Это было в четверг, около четырех часов. Она погоняла чалую кобылу, впряженную в двухместную повозку. Перекинув вожжи через дышло и привязав лошадь позади остроконечного двухэтажного дома, разместившегося посреди северных сорока акров фермы, она направилась к спальне, где Эмма ухаживала за новорожденной девочкой. Гасти, у которой было четверо детей, была мягкой женщиной, которая никогда не вмешивалась в дела своего брата Джо. Но сейчас, если то, что она услышала от своей двенадцатилетней дочери Фаниты, было правдой, она считала необходимым высказаться.

***Джо — сокращенное от «Иосиф». Так называли отца Кэтрин Кульман. — Прим. пер.**

«Эмма, я слышала, ты собираешься назвать малышку Кэтрин». — «Верно. Перед самой смертью твоей матери мы с Джо как раз говорили с ней. Мы сказали ей, что назовем ребенка в ее честь, если родится девочка, хотя мы изменим написание». (Катерина Мария Боргстедт родилась в земле Вестфалия, в Германии, в 1827 году. Она вышла замуж за

Иоханнеса Генриха Кульмана в 1851 году, и молодожены переехали в Соединенные Штаты два года спустя, осев в немецкоязычной общине в Конкордии, в штате Миссури. Она умерла в возрасте восьмидесяти лет, за три месяца до того, как ее невестка родила ее тезку).

«Это хорошее немецкое имя, — мягко сказала Гасти, — но вам следует помнить, что никого из девочек мамы не назвали Катериной». — «Ну, тогда как раз время назвать этим именем внучку».

«Вы что, не понимаете? — продолжала Гасти. — Имя не звучит правильно здесь, в Миссури. Каждую ослицу в штате зовут Кэйт. На самом деле, ту ослицу, что забила насмерть сына нашей сестры Марии Магдалины, Ясока, звали Кэйт. Такое имя опозорит всю семью Кульман».

Эмма уперлась: «Но это не опозорит семью Валькенхорстов. Кроме того, ее имя не Кэйт, а Кэтрин Иоханна. Иоханна — в честь моей мамы. И она не опозорит Кульманов, это я обещаю».

Это обещание, когда пройдут годы, как часто боялась Эмма Кульман, не будет сдержано. Но ничто не могло изменить ее упрямый немецкий нрав. Обращаясь к пятнадцатилетней Миртл, стоявшей в другом конце комнаты, Эмма сказала: «Я думаю, это будет складно звучать: Кэтрин Кульман. Как по-твоему, Миртл?»

Миртл живо кивнула, и спор утих.

Гасти больше ничего не сказала. Она посмотрела еще на малышку, пристроившуюся у груди Эммы, и затем спустилась к повозке. «Это достаточно плохо — родиться рыжей, — сказала она своей лошади, отвязывая ее, — но пройти всю жизнь с именем типа Кэйт — это больше, чем ребенок сможет вынести».

Только два года спустя, Джо Кульман — а надо сказать, что его ферма уже была оплачена, и в его карманах водились денежки — пришел к Вильяму Х. Петерингу, местному разносчику почты, и заключил сделку на крупную сумму о покупке земли на улице Святого Луиса в Конкордии. Покупка была совершена 23 февраля 1909 года и была должным образом зарегистрирована в суде провинции Лафейетт.

Строительство началось в следующем году, но лишь в 1911 году Кульманы — Джо, Эмма и три их ребенка: Миртл, Эрл (которого звали Кули) и четырехлетняя Кэтрин — въехали в него.

Но почему Кэтрин всегда утверждала, что родилась в большом белом двухэтажном доме, — это еще одна из тех тайн, которые окутывали ее жизнь. Все же она никогда не отступала от этого мифа. В 1972 году, вскоре после получения ею степени почетного доктора гуманитарных наук в Университете Орала Робертса в Талсе, штат Оклахома, восхищенный обожатель Кэтрин Кульман Руди Плаут из Конкордии начал местную компанию за сооружение постоянного мемориального знака в честь Кэтрин, предлагая поместить его у автострады. Надпись на знаке, в частности, содержала слова: «Здесь родилась Кэтрин Кульман, она была членом Баптистской Церкви, рукоположенным священником Церковного евангелического союза, известна своей верой в Святой Дух».

Но горожанам это не понравилось. Кэтрин была везде в чести, кроме своего родного города. Просачивались сообщения о ее несметных богатствах. Похоже, что многие из ее телефонных разговоров с матерью прослушивались местным оператором на станции, пока Эмма была жива. Когда Кэтрин хвасталась маме суммой какого-либо особого пожертвования или тем, сколько человек пришло на собрание, это сразу становилось известно всему городку. Поскольку большинство людей в Конкордии жили хуже среднего или едва дотягивали до среднего уровня, то было общее чувство, что того, кто зарабатывает больше, особенно если он связан с религией, нужно презирать. Некоторые прихожане местной баптистской церкви полагали, что Кульман должна была помогать им в строительстве, поскольку она никогда не просила вычеркнуть ее из списков прихожан. Были и другие причины, заставлявшие маленькую консервативную общину быть более чем неважного мнения о ее наиболее знаменитом члене. Люди знали, что она общается с пятидесятниками, практикует чудотворные исцеления и что однажды она отказалась принять своего

старого школьного приятеля, когда приехала в Канзас-Сити для служения с чудесами. Все это вызывало ревностный гнев части горожан. И когда маленькая группа во главе с Руди Плаутом предложила установить мемориальный знак, утверждающий, что Кэтрин родилась в Конкордии (хотя все старожилы знали, что она родилась на ферме в деревне Джонсон), — это было уже чересчур.

31 июля 1972 года Кэтрин писала Гарри Р. Войту, местному историку и профессору Колледжа Святого Павла в Конкордии: «Этим письмом я удостоверяю, что разрешаю установить предложенный знак на автостраде, утверждающий, что Конкордия является родиной Кэтрин Кульман».

Группа разгневанных горожан собрала городское собрание, на котором было много спора и криков. К сожалению, люди из Конкордии забыли, что название их городка означает «гармония». Гарри Байзенхерц, редактор местной газеты «Конкордиан», решил попытаться уладить дело. Он написал письмо Кэтрин, прося ее дать точные данные о месте и времени ее рождения. Естественно, Кэтрин проигнорировала вопрос о дате, а на вопрос о месте рождения написала: «Я уверяю Вас, что чувствую себя глубоко польщенной тем, что люди из «моего родного города» почтили меня воздвижением мемориального знака, определяющего Конкордию моей родиной!

Я всегда гордилась тем фактом, что родилась в Конкордии, где люди все еще самые лучшие в мире, и они продолжают оставаться солью земли...»

Когда письмо зачитали в Конкордии, соль земли потеряла свой соленый вкус. Люди, которых Кэтрин окрестила «самые лучшие в мире», разозлились и запретили строить знак на дороге. Если вообще должен быть какой-то знак, он должен быть на Стэйт-Роад, 23, в деревне Джонсон. Есть некоторые вещи, которыми Конкордия могла бы гордиться, но эта «подручная Господа» не из их числа. Хотя люди из Конкордии, возможно, и хотели бы отречься от Кэтрин, после того как она стала знаменитой, она никогда не выражала ничего, кроме доброты и благодарности к тому городу, где она выросла.

Джо Кульман пошел в извозный бизнес, управлял платной конюшной для извозчиков и возглавлял контору доставки имущества. Он был известен как самый состоятельный член общины. Хотя он был отпавшим от веры баптистом и не переносил на дух всех проповедников, несмотря на это, его выбрали мэром в городе, который на 90% состоял из лютеран.

Кэтрин было всего 6 лет, когда ее старшая сестра Миртл вышла замуж за молодого студенческого евангелиста Эверетта Б. Парротта и переехала в Чикаго. Это было за три года до того, как Эмма произвела на свет последнего из детей Кульманов — Женеву. Кэтрин и ее брат вили из отца веревки. Папа давал им все, что они только желали, и оставлял всю дисциплинарную сторону маме. Эта несбалансированная ситуация портила характер Кэтрин всю ее жизнь.

Когда шестнадцатилетний Кули (которого дома звали «мальчик») мучился приступами аппендицита, а вся семья тогда находилась у дедушки Валькенхорста на рождественском ужине, Джо почти сошел с ума от беспокойства. Мать Эммы умерла в раннем возрасте от аппендицита, который рассматривался как почти смертельная болезнь в начале XX века. Джо превратил одну спальню в большом доме на улице Святого Луиса в больничную палату, привез доктора и двух медсестер из Канзас-Сити и потратил целое небольшое состояние, выхаживая «мальчика». Однажды после обеда он с помощью двух сестер поднял «мальчика» с постели и подвел его к окну, чтобы он мог видеть новую игрушку, купленную для него. Это была высокоскоростная гоночная автомашина новой марки «Дюзенберг», той самой марки, что использовалась на обкатке гоночной трассы в Индианаполисе. После того как Кули поправился, отец купил ему также спортивный самолет, который он осваивал, путешествуя по Среднему Западу с предвыборными речами. Когда он не летал, то гонял на автомобиле на местных ярмарках. Мама не одобряла этого, но сердце папы было мягким и щедрым. Кули получал все, что просил. Те, кто знали Кули, говорили, что он был «буйный». Некоторые говорили, что он входил в «Ночную шинную

компанию», группу людей, которые по ночам воровали шины для перепродажи. Позднее он женился на Агнесс Вартон, которую люди в Конкордии характеризовали как чудесную женщину, помогавшую ему сойти с плохого пути. Он пошел на работу к Хайпи Валькенхорсту (не родственнику) в качестве автомобильного механика.

Кэтрин боготворила своего отца. Обычно он тихо сидел, пока она расчесывала его вьющиеся волосы или запускала гребень в его густые усы. Часто, даже после того как она стала подростком, он любил держать ее на коленях, и она клала свою голову ему на плечо. «Папа никогда в жизни не наказал меня, — говорила она мне. — Он никогда не поднял на меня руки. Никогда. Ни разу. Только мама дисциплинировала меня. Она била меня в подвале, так, чтобы соседи не слышали, как я кричала. Затем, когда папа приходил домой, я бежала к нему, садилась на колени, и он успокаивал мою боль.

Я не могу вспомнить, чтобы мама проявляла какую-либо привязанность, когда я была ребенком. Никогда. Мама была отличным надсмотрщиком. Но она никогда не говорила мне, что она гордится мною или что я поступаю хорошо. Ни разу. Это только папа дарил мне любовь и привязанность».

После того как Кэтрин стала знаменитой, она, бывало, садилась к телефону вечером и говорила с матерью часами кряду. По словам телефонистки, Кэтрин все время пыталась доказать своей матери, что у нее большие успехи. «Она посмеивалась и подхихкивала, — рассказывала бывшая телефонистка. — И мы, конечно, сидели, прослушивая разговор, и хихикали тоже. Затем она говорила матери о том, что она получила. «Мама, я получила самую большую елку на Рождество в городе. Она такая высокая, и на ней больше 5000 лампочек!» Она рассказывала о размере пожертвований на ее чудесных служениях, словно она пыталась убедить мать, что у нее все отлично».

Пожалуй, Кэтрин заслуживала те взбучки, что она получала ребенком. Однажды, когда она гостила у своего дедушки Валькенхорста на его ферме, он показал ей свой участок с арбузами, объяснив, что хотя снаружи арбузы зеленые,

внутри они уже почти красные. Кэтрин до самого дня ее смерти ни во что не ставила чужие слова. Ее пытливый характер требовал проверять все своими руками. Когда дедушка Валькенхорст вернулся домой, его ждала ужасная картина: девятилетняя Кэтрин взяла разделочный нож и вскрыла каждый арбуз на участке — более сотни штук, — просто чтобы удостовериться, что они все красные внутри. Дома мама уже ждала ее на лестнице, ведущей в подвал.

Мамин день рождения был 28 августа, и когда Кэтрин было девять лет, он выпал на понедельник. В понедельник у Эммы Кульман всегда была стирка. Это было, по словам Кэтрин, «частью ее теологии». Она стирала белье по понедельникам и гладила по вторникам так же регулярно, как люди посещают церковь по воскресеньям. Кэтрин подумала, что лучшее, что она могла бы сделать для мамы, которая всегда порола ее, была бы неожиданная вечеринка ко дню рождения. Она знала, как ее мама любила развлечения. Она любила надеть свое платье до пола с высоким воротником, длинными рукавами и манжетами на шнурках, сделать высокую прическу, водрузить шляпу с маленькой вуалью и подавать чай в своем классе в методистской Воскресной школе или членам «Королевского Герильда» — миссионерской организации в церкви. Никто, похоже, не видел госпожу Эмму Кульман одетой нечопорно или с бигуди в волосах. Кэтрин позднее говорила: «Я не помню, чтобы я видела мою мать, спускающуюся к завтраку в халате. Когда мама приходила к завтраку, она уже была полностью одета. Она хотела быть готовой на тот случай, если посторонний зайдет в дом».

Но стирка — это было другое дело. В день стирки мама запирала дверь и проводила целый день, возясь с тазами с горячей водой. Используя ребристую стиральную доску, она скребла белье, полоскала его в оцинкованном тазу, пропускала через ручной отжиматель, закрепленный на другом тазу, и затем развешивала на веревке позади дома. Как говорила Кэтрин, стирка белья по понедельникам была частью «маминой теологии». Даже в те хлопотные августовские дни, когда подсолнухи вдоль забора жухли от жары,

Эмма Кульман склонялась над горячими тазами, стирая белье.

Маленькая Кэтрин не учла этого, когда она за неделю до события задумала сделать матери сюрприз в день ее рождения. Она обошла дома маленькой общины и пригласила тридцать самых выдающихся женщин города на вечеринку — сюрприз для мамы. Это должно было произойти в два часа в понедельник. Не говоря об этом больше никому, она просила каждую из женщин принести с собой пирог.

После обеда 28 августа Эмма сказала Кэтрин, что она устала: «Я пойду наверх прилягу на пару минут и отдохну, чтобы потом закончить стирку». Кэтрин выскочила на крыльцо встретить дам.

Ровно в два часа раздался стук в дверь. Эмма, которая успела задремать, соскочила с кровати. Забыв о том, как она одета, она спустилась вниз. Ее волосы, по крайней мере те, что не были уложены в неловкие детские завитки, висели беспорядочно, закрывая лицо. Длинное платье было сильно мятым, и все в мокрых пятнах. Ее лицо было грязным и покрыто потом. Открытые до локтей руки, с закатанными рукавами, покраснели от полоскания в едком растворе. Она была в старых туфлях с застежками наверху, расстегнутыми на лодыжках, без чулок.

Эмма пришла в ужас, увидев двух дам в дверях. Осознав, как она одета, она повернулась и бросилась назад наверх. Но было слишком поздно. Они уже увидели ее сквозь застекленную дверь. Ей ничего не оставалось сделать, как впустить их.

«С днем рождения, Эмма!» — сказала госпожа Лохоефенер. Эмма Кульман стояла в дверях, взирая на дам. Перед ней были госпожа Лохоефенер и госпожа Хэервальд, две женщины, занимающие высокое положение в городе, одетые так, словно они только что вышли из модного салона. Обе держали в руках белые слоеные пироги, превосходно украшенные. Она впустила их и едва успела закрыть дверь, как услышала еще шаги на деревянном крыльце. К ней пришли г-жа Тиман, г-жа Шриман и г-жа Хильда Шредер — все с пирогами, одетые, словно в Пасхальное воскресенье

утром. Затем леди стали прибывать так часто, что Эмма уже не успевала закрывать дверь. Она просто стояла у входа, пока они «вплывали». Но между дамами она заметила улыбающееся веснушчатое лицо своей озорной рыжеволосой дочери, которая смотрела сквозь папоротники, которые заполняли всю огромную цветочницу на белой подставке, стоявшую у крылечка. Эмма заскрежетала зубами. «Только погоди, милая барышня, — проговорила она про себя. — Ты только погоди».

Весь остаток вечера Эмма Кульман обдумывала наказание. Впрочем, ей приходилось думать в процессе лихорадочной работы: уборки горшков с плиты, нагревания воды к чаю и подачи его дамам, которые, похоже, были несказанно рады вечеринке. Но в тот вечер, когда ушла последняя из дам, мама схватила свою преступницу за руку и поволокла ее вниз по лестнице, ведущей в подвал. Позднее Кэтрин рассказывала, что пирогов у них осталось на две недели вперед, однако большую часть ей пришлось съесть стоя, так велик был гнев матери.

Джо Кульман никогда не понимал грубых методов воспитания Эммы. «Мальчик», дабы улизнуть от них, давно уже покинул дом. Миртл вышла замуж. Когда Джо пытался прекращать порки и осуждал критику поведения Кэтрин, Эмма набрасывалась на него. В итоге он стал все больше времени проводить вне дома. Оборудовав маленькую комнату позади платной конюшни, он оставался там часто всю ночь. Когда же Джо Кульман был дома, он проводил время с Кэтрин, ища и получая ту любовь, которой не находил у своей жены. В ответ Кэтрин обожала папу почти так, как аборигены поклоняются истуканам; и это обожание было настолько сильно, что каждый раз, когда она говорила о нем — даже спустя 35 лет после его смерти — слезы появлялись в ее глазах.

Папа начал брать Кэтрин с собой, когда он собирал чеки. Торговцы привыкли видеть ее. Они прозвали ее «маленький Джо». Позднее ей самой понравилось ходить в разные места типа: «Производство домашней птицы г-на Брокмана», «Бакалейная лавка г-на Руммера», аптечный магазин,

универмаг, мясной рынок; и она собирала там денежные чеки* для папы сама. Джо был толковым бизнесменом, и он учил Кэтрин всяким приемам и принципам бизнеса — эти уроки ей сильно помогали в последующие годы. Даже когда «Фонд Кэтрин Кульман» был уже создан, Кэтрин часто пользовалась принципами бизнеса, которым она выучилась у отца. И она редко ошибалась.

***В США распространена оплата услуг и товаров чеками, а не наличными деньгами. — Прим. пер.**

Несмотря на долгое время, проведенное вместе, Джо Кульман никогда, в сущности, не понимал свою озорную рыжую дочку. Было проще дать ей денег или купить платье, чем пытаться разобраться в ее проблемах. Его бессилие понять глубину ее духа проявлялось особенно сильно в том, как он отреагировал на глубокое духовное переживание, которое было у нее в методистской церкви — в той церкви, где Эмма нашла для себя удовлетворение.

Джо Кульман не был религиозным человеком. Он презирал проповедников, говоря, что все они «делают это за деньги». Он был глубоко опечален, когда Миртл уехала из города, чтобы выйти замуж за разъезжающего евангелиста, предсказывая, что замужество будет недолгим (и оказался прав). Если он вообще посещал богослужения в баптистской церкви, где был записан, то лишь на Рождество или когда у Кэтрин было там выступление. Кроме этого он никогда не молился, не читал Библию или не выражал свои религиозные чувства как-то иначе. Все же, видимо, он имел больше понятия, чем думали о нем церковные люди. Иногда нерелигиозные люди способны видеть вещи более ясно, поскольку их ум не забит мякиной традиционной религии. Похоже, так думала и Кэтрин. И всю жизнь у нее было нежное отношение к людям типа отца, которые не были околдованы организованной религией, но жаждали Бога.

Преподобный Хуммель, баптистский евангелист, был в Конкордии на двухнедельном служении пробуждения в крошечной методистской церкви. На собраниях произошло некоторое возбуждение. Одна из городских фанатичек, бабушка Крессе, которая посещала все собрания пробуждения во всех

церквях, была исключительно активна на этом собрании. Хотя лютеране и члены «Объединенной Церкви Христа» хмурили брови, наблюдая ее фанатичную активность, методисты, находившиеся, скорее, в традициях пробуждения начала 1900-х годов, не считали, что это выходит за рамки обычного, если кто-то ходит взад и вперед по проходам «в поисках потерянных душ» во время традиционного призыва к покаянию. Бабушка Крессе была из такой породы, и как только евангелист кончал проповедь, она вставала и, начиная с первого ряда, говорила с детьми, побуждая их выйти вперед и взыскать Господа прямо у алтаря.

Кэтрин, которой только что исполнилось четырнадцать лет, посетила все собрания на этой неделе. Иногда она садилась рядом с матерью, но чаще — с группой девчонок ее возраста, таких же хохотушек, как и она сама. Всю неделю она видела, как бабушка Крессе ходила вдоль рядов. Сначала девчонки смеялись над ней. Но по мере того как неделя шла к концу, и они видели, что все больше их подружек приходят к покаянию, они начали пугаться. Что если бабушка Крессе подойдет и к ним?

Но не бабушка Крессе «заколдовала» Кэтрин. Воскресным утром, стоя с матерью на богослужении, Кэтрин начала плакать, как только проповедник призвал к покаянию. И только годы спустя, когда она была в состоянии оценить то переживание в перспективе прошедшего времени и с учетом ее нового опыта, она поняла, что ее коснулся Святой Дух. Ее всхлипывания становились все сильнее и сильнее, ее начало трясти. Эмма смотрела на свою щуплую долговязую 14-летнюю дочку и в растерянности не находила слов, чтобы поддержать ее или утешить. Как и у многих в церкви, ее отношения с Богом были скорее социальными. Они ограничивались продажей куличей, собраниями миссионерского общества, послеобеденным чаем (где она была надлежащим образом одета, разумеется) и посещением церковных собраний. Но не было никаких учений, как отвечать на неожиданную встречу со Святым Духом. Действительно, некого и вспомнить, кто имел бы такую встречу со Святым Духом, во всяком случае, — с такими результатами. Эмма

вернулась к книге с гимнами, сосредоточив взгляд на словах и нотах, не в силах понять, что происходит рядом с ней.

Кэтрин уронила свою книжку с гимнами на полочку, прикрепленную к полированной церковной скамье в ряду перед ней, и рванулась в проход. Ее подружки по школе, сидевшие в двух рядах от нее, смотрели широко открытыми глазами, как она прошла вниз по проходу и упала в первом ряду. Уронив голову на руки, она плакала так громко, что ее было слышно во всей церкви.

Марта Иохансен, больная женщина, которую подобно бабушке Крессе считали «слишком религиозной», поскольку она верила в ад, перегнулась через спинку скамьи и подала Кэтрин платок: «Не плачь, Кэтрин. Ты всегда была такой хорошей девочкой».

Даже «религиозные люди», похоже, были не в состоянии понять обличающую силу Святого Духа, сошедшего на молодую девушку. Все же переживание Кэтрин не сильно отличалось от того, что описано в Библии. Самуил, Исайя, Павел, Мария, мать Иисуса, и многие другие персонажи Библии имели встречи с Богом, которые были глубоко эмоциональными, часто шокирующими событиями. Но, как и в библейские времена, так и в Конкордии в 1921 году, похоже, никто ничего не понял.

Весь остаток своей жизни Кэтрин любила рассказывать о том, что случилось тем утром после богослужения: «Идя домой с мамой, я чувствовала, что весь мир изменился. Я заметила цветы, растущие вдоль дороги. Я никогда раньше их не замечала. И небо: оно было лазурно-голубое, с белыми, пушистыми облаками, которые смотрелись подобно завиткам волос ангелов. Господин Креноке по-новому покрасил свой дом. Но дом не изменился! Кэтрин Кульман изменилась. Это была та же самая краска, та же улица, тот же город. Но я была не той же самой. Мягкий бриз касался моих щек и развеивал мои волосы. Я думаю, что Кэтрин Кульман плыла всю дорогу домой в то воскресенье».

Папа был на кухне, когда Эмма и Кэтрин вошли в парадную дверь. Кэтрин подбежала к нему, обняв его за талию: «Папа, что-то случилось со мной. Иисус вошел в мое сердце».

Джо Кульман посмотрел вниз, вглядываясь в лицо своей дочери. Его лицо не выражало эмоций. «Я рад», — сказал он. Это было все. Он повернулся и пошел прочь. Позднее Кэтрин говорила: «Понял он или нет, я не знаю. Я так никогда и не узнала».

Но, впрочем, в одном Кэтрин была уверена — ее жизнь вышла в новое измерение. Перемена не была мгновенной, но новые возможности доступа к Богу через Иисуса Христа должны были привести к чудесным изменениям. Но пока этого не произошло. Увы, все продолжало развиваться, как и прежде, — постоянно хуже и хуже.

На следующий день вечером на собрании пробуждения евангелист попросил тех молодых людей, которые решили полностью посвятить себя на служения Богу, — а таковых было несколько — выйти вперед.

«Теперь скажите людям, как вы планируете распорядиться своей жизнью», — сказал он.

Не моргнув глазом Кэтрин ответила: «Я собираюсь найти миловидного проповедника и выйти за него замуж». Она заставила смеяться все собрание, когда повернувшись к преподобному Хуммелю, который был холост, недвусмысленно подмигнула ему. Все помнили, что ее старшая сестра вышла замуж за молодого евангелиста, который проводил собрания в этой же церкви восемь лет до этого.

Но Эмма Кульман не смеялась. Она знала, что Кэтрин была кокеткой. Она также знала, что если она положит глаз на какого-либо мужчину, на любого мужчину, она завоюет его. Поэтому она видела в церкви единственную надежду для Кэтрин. Она начала побуждать Кэтрин войти в состав церкви и быть активной в организационной работе.

Но Кэтрин все же предпочла вступить в папину баптистскую церковь, а не в мамину методистскую. Она была себе на уме.

«Не знаю, как и совладать с Кэтрин, — говорила Эмма Кульман своей близкой подруге, когда дочери было шестнадцать лет. — Она провалила экзамен по математике, и ей придется пересдавать. Она совсем как мальчик. Она отбилась от рук».

Поскольку папа полагал, что Кэтрин не может сделать ничего дурного, Эмме было не к кому обратиться, кроме как к ее старшей сестре, Миртл, которая приехала к ним на несколько дней в начале лета. Это был 1923 год, и истерия *флэпперов** косила нацию. Спиртное было под запретом, но, пожалуй, на каждой ферме в провинции Лафейетт был спрятан самогонный аппарат. Бары «Говори прямо»** пользовались огромным успехом. Молодежь танцевала чарльстон, колесила по грязной «Главной улице» в машинах с открытым верхом и откидными сиденьями, крича: «Двадцать три — с дороги вали» и поглощая самогон бочками. Эмма знала, что если что-то не случится и не изменит Кэтрин, то та не устоит перед искушением времени.

***Флэппер — молодая девушка, презирующая общепринятые нормы в поведении и одежде. Движение флэпперов было популярно в Америке в 1920-х годах. В современном английском языке этот термин не употребляется. — Прим. пер.**

****«Говори прямо» — подпольный бар по продаже и распитию спиртных напитков во время сухого закона в США, 1920-1933 гг. — Прим. пер.**

Средняя школа в Конкордии заканчивалась десятым классом. В шестнадцать лет Кэтрин уже получила полное светское образование, необходимое для поступления в Лютеранскую академию. Миртл попросила маму позволить Кэтрин поехать к ней и Эверетту на время проведения палаточных собраний на Северо-Западе. Они хотели, чтобы она была с ними все лето и вернулась осенью.

Это было идеальным решением, но Эмма пока воздерживалась. Миртл вышла замуж за Эверетта Парротта, который приехал в Конкордию для проведения собраний пробуждения в методистской церкви. Он заканчивал свой курс обучения в Библейском институте Муди в Чикаго и был молод и привлекателен. Через неделю после этих собраний он написал Миртл, спрашивая, не хочет ли она приехать в Седалию, где он жил, поиграть на пианино во время воскресного богослужения. Она могла бы пожить у его родителей.

Ни Эмма, ни Джо не были в восторге от этого. Эмма не хотела, чтобы ее дочь ушла с посторонним кавалером. А Джо не хотел, чтобы она ушла с проповедником. В конце концов они дали свое согласие, и Парротт прислал повозку, чтобы отвести Миртл за двадцать пять миль от Конкордии — до Седалии. Она не играла там на пианино. Эверетт просто хотел показать ее родителям. Он писал ей каждый день в течение трех последующих недель, а потом их повенчал суперинтендант методистской церкви в Седалии 6 октября 1923 года. Позднее Миртл призналась, что никогда не любила своего мужа, но, как и большинство девушек в маленьких общинах, решила, что лучше будет принять первое предложение, чтобы поскорее уехать из города. А кроме того, у нее могло и не быть другого шанса.

Это было стремительное замужество, наполненное проблемами с самого начала. После короткой остановки в Чикаго молодая чета «ввинтилась» в бурную жизнь разъезжающих евангелистов, оставляя после себя, как они любили говорить, «хвост из опилок»*. У Парротта была палатка.

***В США во время проведения палаточных собраний пол обычно засыпали опилками. — Прим. ред.**

Они переезжали с места на место, главным образом, на Среднем Западе, проводя палаточные собрания. Случалось, что Миртл сама проповедовала. Главным образом, все же она была деловым помощником своего мужа. Когда прошли слухи, что доктор Чарльз Прайс, учитель и евангелист со служением чудесного исцеления, прибыл из Канады и проводит богослужения в Олбани, штат Орегон, Парротты специально поехали на Запад, чтобы посидеть на его собраниях. В отличие от многих евангелистов, проводящих собрания на Западе США, собрания доктора Прайса проходили в минорном ключе. Основное время он тратил на изучение силы Божьей. Он также говорил об одном переживании помимо спасения, которое называется «крещение Святым Духом». Однажды в Олбани он пригласил Эвереста Парротта и провел с ним несколько часов, объясняя ему по Писанию этот момент. Парротт внимательно слушал. Но даже проповеди Прайса не принесли необходимых перемен.

Несмотря на удочерение маленькой девочки, Вирджинии, брак закончился разводом через несколько лет.

Впрочем, прежде чем проблемы развились настолько, что привели к разводу, Миртл вернулась в Конкордию на короткое время.

«Мама, послезавтра мне надо уезжать. Позволь мне взять Кэтрин с собой, только на лето. Я пришлю ее обратно, если ты захочешь, чтобы она пошла в школу осенью». — «Мы обговорим это с отцом, — мрачно сказала Эмма. — Мы подумаем и решим, как можно скорее».

Миртл всю ночь провела в молитве. Почему-то ей казалось обязательным, чтобы Кэтрин уехала с ней.

На следующее утро она загнала мать в угол: «Так вы решили?»

Эмма отвела взгляд, не желая смотреть на свою взрослую дочь: «Она еще мала, Миртл. Ей только шестнадцать».

«Мама, — в голосе Миртл прозвучало отчаяние. — Она должна поехать. Я знаю, что Господь хочет этого. Ты хочешь идти путем Божьим?» — «Как ты можешь быть уверена? Как ты можешь знать, что Бог припас для Кэтрин?»

«Я просто знаю, — сказала Миртл сквозь слезы. — Я просто знаю».

«Папа и я будем обсуждать этот вопрос еще раз за обедом, — сказала Эмма. — До ночи мы скажем тебе, как мы решили».

Было ровно 4 часа. Миртл запомнила, как пробили часы на стене гостиной, когда Эмма спускалась по лестнице. Ее лицо было серьезным. Миртл стояла рядом с молитвенной скамеечкой в торцевой комнате, протирая очки в металлической оправе.

«Мы решили отпустить ее, — медленно произнесла Эмма. — Но я не хотела этого». Почему-то Эмма Кульман подозревала, что если Кэтрин уедет, она уже не вернется.

Она была права.

После обеда на следующий день Джо и Эмма посадили обеих дочерей на поезд до Канзас-Сити. Кэтрин была серьезна. Она тоже догадывалась, что в ее жизнь войдут иные силы. Силы конфликтующие, борющиеся друг с другом. Одна

сила побуждала ее оставаться и наслаждаться свободой. Другая тянула ее прочь от дома. Она пыталась — Бог знает, сколь сильно она пыталась — убежать от этого призыва. Но каждый раз Он приводил ее к раскаянию. Всякий раз, когда она грешила, — а за последние два года было много случаев — она снова оказывалась на коленях у своей кровати в молитве о прощении грехов. Но теперь Бог делал нечто иное. И у нее было чувство, когда поезд шел вдоль перрона, что случится что-то плохое, если она посмотрит назад через плечо. Она помахала рукой маме и папе сквозь пыльное вагонное окно, затем устроилась на сиденье, смотря прямо перед собой. Как и ее мать, она знала, что Конкордия уже никогда не будет ее домом.

Глава 3

Палатки и индюшатники

Убежденность в том, что именно Бог призвал ее уехать из Конкордии, а не сестра Миртл, утвердилась после прибытия Кэтрин в Орегон. По этой причине она чувствовала вину, что вмешалась в шаткий брак сестры. Чтобы загладить как-то свою вину, она отказалась от всяких привилегий, настаивала, что должна спать на полу в гостиной, и, по меньшей мере, два дня в неделю занималась стиркой. Она стирала по понедельникам и гладила по вторникам. Это был ее первый опыт ведения домашнего хозяйства на регулярной основе. Это помогло ей усвоить, что хотя брак и жизнь с мужчиной может быть приятным (хотя два примера, известные ей, — мамин и Миртл — были не очень привлекательными), все же необходимость заботиться о мужчине, который ждет, что женщина будет готовить еду и стирать его грязное белье, еще раз навели ее на мысль, что супружество — это профессия.

Все понедельники проходили у стиральной доски, в то время как вся семья переезжала с места на место, оставляя после себя «хвост из опилок». По вторникам, конечно, утюжка. Сильно крахмаленные белые рубашки Парротта могли послужить доказательством высокого профессионализма любой жены, тем более, свояченицы-подростка. Кэтрин наблюдала за мамой и знала процедуру. Нагреть тяжелые металлические утюги прямо на газовых конфорках. Пока они нагреваются, sprysнуть крахмаленные рубашки водой и свернуть их слегка, так, чтобы вся рубашка стала влажной. Положить гладильную доску на кухонный стол и ровно разложить рубашку. Поднять утюг за литую металлическую ручку, используя стеганую подушечку, чтобы не обжечь руку, полизать один палец и быстро коснуться им дна утюга. Если послышится «п-с-с-с», то утюг готов к работе. Но нужно постоянно им двигать. У Парротта не было денег купить рубашек про запас. Если бы Кэтрин прожгла рубашку, он не смог бы снять свой пиджак во время проповеди, даже если бы была ужасная жара.

Но не все время уходило на стирку и глажение. Северо-Запад летом 1923 года был красив. Миртл и Кэтрин ходили разглядывать витрины, проезжая через маленькие городки в штатах Вашингтон и Орегон, где Парротт собирался раскинуть свой лагерь. Миртл нуждалась в общении с жизнерадостной Кэтрин, Кэтрин же нуждалась в строгой зрелости сестры и доброте, что исходила от Миртл. Это была хорошая пара.

Вечерами они ходили на собрания пробуждения, где Кэтрин получила свое «боевое крещение» в палаточных собраниях. У Эверетта Парротта было лишь одно послание: «Покайся и будешь спасен». Он кричал, он был активным проповедником. Он проповедовал свое единственное послание снова и снова, используя набор текстов. В конце лета Кэтрин слышала все его тексты по несколько раз, и она начала понимать, почему Мирл уклоняясь от посещения собраний, хотя ее муж настаивал, часто со злобой, чтобы она приходила помочь ему собирать пожертвования и играть на пианино.

Независимый дух Парротта раздражал Кэтрин. Она выпытывала у Миртл, почему он отказывался сотрудничать с местными церквями. Ей казалось, что проще было бы работать с церквями и местными пасторами, чем просто приезжать в незнакомый город, ставить палатку и начинать проповедовать.

Миртл устало смотрела на Кэтрин: «Милая, мы делаем это годами. Вначале мы пытались сотрудничать с пасторами, но они боялись нас. Баптисты хотели знать, крещены ли мы в воде полным погружением. Методисты выпытывали, достаточно ли мы освящались. А *назарей** хотели знать, учим ли мы о святости. Это было похоже на то, что каждый строит свое царство, а мы в него никак не вписываемся. Тогда Эверест решил построить свое царство вокруг своей палатки. И он стал таскать меня из города в город, пока я совсем не измоталась, так что уже едва терплю это».

***Назарей — последователи учения Джона Весли. Прим. пер.**

«Но не было ли проще, — настаивала Кэтрин в своей наивности, — просто приехать в город и осесть в нем, основав центр пробуждения. Вам не нужно будет иметь своих прихожан, что пугает пасторов. Просто проповедуйте спасение. Пусть они спасаются, и если они хотят вступить в местные церкви, то пусть идут. Я бы сделала так».

Миртл грустно улыбнулась и сказала: «Ты не понимаешь, сестричка. Эверест чувствует свое призвание в том, чтобы евангелизировать — зажигать свет спасения в сердцах потерянных. Задача церквей — поддерживать огонь после нас. Если мы осядем где-либо, мы просто станем еще одной церковью. Они и так критикуют нас все время за то, что мы собираем пожертвования. И они отнюдь не рады тем людям, которых мы достигаем посланием об Иисусе. На деле многие из тех, кто спасаются в нашей палатке, пытаются записаться в местные церкви, когда мы уезжаем, но их не берут. Если уж кто-то и ценит наши служения, то это маленькие миссионерские церкви в трущобах».

Кэтрин быстро изучала внутренние «интриги двора». Она начала понимать, почему папа всегда предпочитал оставаться дома по воскресеньям. Все же где-то глубоко внутри, перед тем как лечь спать, свернувшись калачиком на своей убогой постели в гостиной, она любила помечтать об обществе, где люди всех деноминаций собрались бы вместе, не борясь друг с другом, но славя Бога в гармонии и единстве, стоя плечом к плечу против тьмы этого мира. «Я знаю, что это возможно, — думала она. — Я знаю, что именно так Бог задумал это, подобно тому, как это описано в Книге Деяний, когда все они были единомышленно вместе. Я побьюсь об заклад: если это случится, у нас будет вторая Пятидесятница прямо здесь, на земле».

Кэтрин не могла знать в столь юном возрасте, что те мечты и видения были частью Божественного плана: излить Его Дух на Свою подручную, которая станет духовной Жанной д'Арк, ведущей армию Господа в новую свободу и силу по мере того, как мир приходит к своему концу.

Случалось, что Кэтрин и Миртл пели дуэтом или играли в четыре руки на пианино. Дважды тем летом Парротт просил

16-летнюю рыжую девчонку выходить на сцену и давать «свидетельство», которое состояло из истории ее «спасения» в маленькой методистской церкви в Конкордии. Оба раза она завершала свидетельство, декламируя длинную поэму и сопровождая ее драматическими жестами. Люди живо откликались на это. Им нравилось ее выступление и ее манера произносить слова. Парротт быстро смекнул, что если не остановить Кэтрин, то она станет для него как Давид для Саула (вспомните, как пели женщины: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» (!Цар.18:7). Он понял, что если позволять Кэтрин собирать пожертвования сразу после ее выступления, то люди дают щедрее.

«Все же, если ты решишь остаться в «Палаточном пробуждении» Парротта, то я даже позволю тебе немножко проповедовать», — заигрывал он с ней.

Это льстило Кэтрин, поскольку во время ее одиноких размышлений она почитывала Библию и подготовила выписки для проповеди — так, на всякий случай. Но этот случай, похоже, все не приходил. Лето кончалось, Парротты стали готовить планы на осень, но Кэтрин не была в них включена.

Папа прислал денег на дорогу назад, а Эверетт съездил на железнодорожную станцию в Портленд, проверил расписание поездов до Конкордии и купил ей билет. В пятницу перед *Днем труда** Миртл помогла Кэтрин упаковать вещи. Старый пузатый чемодан был поставлен на батарею в маленькой комнате. Все было аккуратно сложено. Осталось только закрыть крышку. Миртл стояла в середине комнаты, печально глядя на все это. Кэтрин, стоя спиной к сестре и укладывая последние свои вещи, вдруг начала плакать.

***День труда — первый понедельник сентября, выходной во многих штатах США и Канады. — Прим. пер.**

«Я не хочу возвращаться», — всхлипывала она.

«Тебе не нужно возвращаться!» Миртл испугалась, услышав голос Эверетта Парротта, который только что вошел.

Это было слишком хорошо, чтобы быть правдой. «А как же билет на поезд?» — заикаясь пролепетала Миртл.

«Мы можем получить деньги обратно, — спокойно сказал Парротт. — Я спросил об этом вчера, когда брал билет. Я подумал, что она может захотеть остаться, но я хотел оставить решение за ней. Она может здорово помочь в служении».

Были еще разговоры, но Кэтрин уже не слушала. Она была вся в слезах от счастья и облегчения. Спустя годы она говорила, что часто видела во сне тот чемодан на батарее. «Иногда во сне, — говорила она мне, — я все вижу его. Я вижу все вещи внутри и ту кривую застежку на крышке. Этот сон преследует меня, поскольку это было большим поворотом в моей жизни. Если бы я вернулась в Конкордию, то застряла бы там навсегда. Нечего и говорить о том, что бы тогда получилось. Но даже тогда Святой Дух работал в моей жизни, направляя мой путь. Начиная с того момента я вошла в служение, и я никогда не раскаивалась ни в чем».

Эти первые несколько лет были трудными для Кэтрин — она сопровождала Миртл и ее мужа, переезжая из одного города в другой. Обычно они приезжали в город, находили свободный участок земли и разбивали палатку. Затем Кэтрин и Миртл обходили город, звоня в колокольчики и приглашая людей на вечернее богослужение. Вечером на собрании Кэтрин садилась в первом ряду, в то время как Миртл обычно была на сцене с мужем. Миртл постоянно предостерегала Кэтрин от того, что может «опозорить служение»: «Кэтрин, не клади ногу на ногу вот так. У тебя ноги такие длинные, что все это заметят. Скрещивай только лодыжки и смотри, чтобы колени были вместе».

Влияние Миртл было благотворным. Хотя ее суровость и непреклонность были такими же, как у мамы, она все же была только сестрой. Следующие пять лет, несмотря на то, что были тяжелыми, остались лучшими в жизни Кэтрин.

В течение этого периода Парротт нанял пианистку доктора Прайса, выдающуюся музыкантку Эллен Галлифорд. Несмотря на то, что Эллен была на одиннадцать лет старше Кэтрин, они быстро подружились. Многие думали, что они сестры, так они были похожи. Хотя Эллен была ростом пять футов шесть дюймов (168 см), что на два дюйма (5 см)

меньше, чем ее молодая подруга, обе могли носить одну и ту же одежду. Им нравилось быть вдвоем. Мало-помалу привязанность Кэтрин перешла от Миртл к этой незамужней женщине, которой предстояло сыграть важную роль в ее жизни. Она будет той женщиной, которая встала между Кэтрин и ее разбитым сердцем, но и она не смогла удержать упрямую молодую евангелистку от разрушения ее служения.

Дела обстояли не слишком хорошо в «Палаточном пробуждении» Парротта. Миртл и Эверетт все время цапались. Она обвиняла его в общении с другими женщинами, становясь всё более и более похожей на маму, твердой и неумолимой. А когда они приехали в Бойсе, что в Айдахо, их отношения из очень плохих стали ужасными. Парротт даже не начал свои собрания, но предпочел забрать палатку и уехать в Южную Дакоту. В Бойсе богослужения проходили в женском клубе, и Миртл проповедовала. Пожертвования были так малы, что они не покрывали даже расходов на аренду помещения, и уж тем более их не хватало на то, чтобы платить за крошечную квартиру. В течение двух недель их рацион состоял из хлеба и рыбных консервов из тунца.

Поскольку Парротт распоряжался деньгами, то единственная надежда Миртл была в том, чтобы найти его в Южной Дакоте. Эллен заупрямилась. Ей уже все надоело. Концертная исполнительница, она не любила играть на расстроенных пианино в маленьких залах перед пятнадцатью или двадцатью слушателями. Кэтрин тоже была сильно разочарована. Хотя ей нравилось помогать на собраниях, она не видела никакой надежды на будущее, пока оставалась с Пароттами.

После последнего собрания, за ночь до их отъезда, (Миртл решила вернуться к мужу, а Кэтрин и Эллен еще не знали, куда ехать), пастор Назареев подошел к ним около женского клуба.

«Не уезжайте, — сказал он Миртл. — Я понимаю, что дела шли весьма плохо, но вы нужны нам здесь».

Миртл покачала головой: «Мы не сможем остаться. У нас кончились деньги».

«Хорошо, пусть останутся девушки, — предложил он. — Я — пастор в маленькой миссионерской церкви поблизости. Они, по крайней мере, могут петь и играть у нас на пианино».

Миртл посмотрела на Эллен и Кэтрин, которые слышали разговор. Обе кивнули. «Отлично, — сказала Миртл с нотой смирения. — Кэтрин все равно хочет проповедовать. Почему бы не дать ей попробовать? Посмотрим, что у нее получится».

«Чудно, — засиял маленький пастор, — они могут начать завтра вечером».

Вот так это и началось. Это была первая самостоятельная проповедь Кэтрин — в маленькой грязной миссионерской церкви, которую привыкли использовать как место для посиделок в бедном районе Бойсе. Несколько старых стульев вносили внутрь, через заднюю дверь вкатывали пианино, принадлежавшее бару по соседству. Оно устанавливалось рядом с расшатанной кафедрой в углу помещения.

В качестве последней просьбы Кэтрин попросила у Миртл займа 10 долларов: «Я хочу купить новое желтое платье для моей первой проповеди».

«Кэтрин, — Миртл качала головой и выговаривала слова, словно вещала для всего мира, как мама, — тебе не купить такое платье, как ты хочешь, за 10 долларов. Нужно в два раза больше. Кроме того, у меня нет столько денег. Я даже не уверена, что у нас есть 10 долларов на счете «Палаточного пробуждения» Парротта в банке в Су-Сити».

«Но у тебя еще есть подписанные чеки, которые тебе дал Эверетт?» — спросила Кэтрин.

Миртл кивнула.

«Так дай мне один из них. Заполни его на десять долларов. Я не обналичу его, пока не буду уверена, что у тебя достаточно денег, чтобы покрыть его».

«Но все равно тебе не хватит 10 долларов на то платье, что ты хочешь, — упорствовала Миртл. — Тебе же не нравится дешевая одежда. Ты всегда хочешь лучшее».

«У меня все учтено, — сказала Кэтрин. — Возможно, я не успею купить его к первому собранию, но я точно буду его иметь до того, как уеду отсюда. Я куплю материал за 10

долларов. Затем я отдам его портнихе и попрошу сшить мне платье. После того как я получу мое первое пожертвование на проповеди, я расплачусь с портнихой. Ну, как тебе это?»

Миртл покачала головой: «Я никогда бы не поступила так. Никогда!»

Но она выписала чек и отдала его Кэтрин. Перед концом недели у Кэтрин уже было новое платье — желтое кафедральное платье с пышными рукавами и каймой, которая доходила до лодыжек. И это не все: она еще уговорила торговца, у которого она купила материал, позволить ей расплатиться с первого пожертвования, а также убедила портниху сшить ей платье бесплатно в качестве «служения Господу». Она хранила чек три месяца и наконец реализовала его в Су-Сити, когда нанесла короткий визит Миртл и убедила ее, что она и сама смогла справиться.

И будьте уверены, что она справилась. В один пасмурный день Кэтрин и Эллен прибыли в Покателло, что в Айдахо. Единственным помещением, пригодным для проповедей, был старый оперный театр, который так долго пустовал, что возник вопрос, выстоит ли он после уборки — казалось, грязь была его самой прочной арматурой. Но нужно было нечто большее, чем просто грязь, чтобы остудить соединенный пыл Кэтрин и Эллен, которые объявляли себя «девушками Бога». «Даже тогда, — говорила мне Кэтрин, — я знала, что может сделать Бог, когда провозглашается Евангелие во всей его простоте». Перед тем как две молодые женщины покинули город, в течение шести недель вечерних собраний, которые часто заканчивались за полночь, весь партер и балконы были заполнены.

Их прибытие в Твин-Фоллс, в Айдахо, было настолько же теплым, насколько была холодна погода в тот январский день. На следующий день, как раз когда Кэтрин уходила из здания, где проходила проповедь, она поскользнулась на льду и сломала ногу. Эллен повела ее к доктору, который принимал неподалеку от городского муниципального зала, где и проходили богослужения. Он наложил на ногу гипс и велел две недели не вставать на нее. Впрочем, доктор ничего не знал о горячей целеустремленности этой молодой

женщины, которая только начала чувствовать свой путь в жизни. И сломанная нога не могла удержать ее от того дела, к которому призвал ее Бог. Она не пропустила ни одного собрания, проповедуя до конца месяца — каждый вечер, — опираясь на костыли, с загипсованной ногой.

Опытная медсестра, ветеран Первой мировой войны, посетившая собрания, написала письмо редактору местной газеты, в котором говорила: «Я видела храбрость и целеустремленность на поле боя во Франции. И я увидела ту же храбрость и целеустремленность прошлым вечером в молодой леди, которая стояла на сцене, проповедуя спасение».

Ее критики, а они начали у нее появляться уже в начале 30-х годов, говорили, что Кэтрин продавала «микстуру из секса и спасения». И до известных пределов они были правы. Две незамужние барышни были весьма привлекательны, и частично их призыв состоял в особом способе подачи Евангелия. Обычно они засиживались после собраний, пока оставались те, кто нуждался в помощи. А нуждались в ней зачастую холостые мужчины, неспособные отличить любовь Небесного Отца от полового влечения к молодой женщине, которая была абсолютно свободна в своем общении с мужчинами и женщинами. По счастью, Эллен Галлифорд была более консервативна, чем Кэтрин, и часто предупреждала ее о том, что та становится чересчур приветливой с некоторыми из мужчин, в восхищении толпившимися у алтаря перед началом ее молитвы. Кэтрин, похоже, стала осторожнее, чем в первые дни своего служения, и благодаря постоянным предупреждениям Эллен пыталась быть сдержанной даже когда она чувствовала, что нужно остаться до утра, помогая некоторым бомжам из трущоб «промолить спасение».

Как раз на одном из таких «собраний после собраний» она впервые столкнулась с явлением, которое называется «говорением на языках».

Кэтрин и Эллен приехали на три месяца в Джолиет, в Иллинойсе, для проведения богослужений на втором этаже старого склада. Как раз здесь, кстати, группа верующих, известная как «Евангелический церковный альянс», уговаривала

ее пройти рукоположение в сан. Она согласилась (это было единственным церковным разрешением, которое она имела).

Единственным посланием Кэтрин было спасение, и оно было в тот вечер простым и по существу. Толпа, насчитывавшая несколько сотен человек, уже разошлась, и Кэтрин осталась с полдюжиной верующих, которые преклонили колени перед алтарем в молитве. Одной из них была Изабель Дрейк, учительница, каждый день ездившая из Джолиета в Чикаго. Кэтрин сидела с матерью Изабель на одной из скамеечек в первом ряду, пока молодая учительница была у алтаря, то всплакивая тихонько, то молясь. Внезапно Изабель встала на колени, подняла лицо вверх и начала петь. Кэтрин говорила: «Я никогда не слышала такой музыки. Это было самое чудесное пение, самым чудесным голосом, какое я когда-либо слышала. Она пела на незнакомом языке, он был такой неземной, такой красивый, что я почувствовала, как мурашки побежали по спине.

Ее мать, сидевшая рядом, схватила мою руку так, что чуть не сломала мне пальцы. "Это не моя дочь поет!.. — сказала она. И в ее голосе было изумление. — Изабель не может даже подпевать. Моя дочь не может спеть ни одной ноты!"».

Кэтрин сказала, что мать Изабель была почти в истерике. И все, что Кэтрин могла делать, — это удерживать ее, чтобы та не бегала и не металась по комнате. Наконец, они сели вместе и стали тихонько слушать эту чудную музыку и сверхъестественный поток слов, что лились из уст молодой учительницы. Иногда ее голос поднимался до верхнего «до», затем опускался в минорном ключе, переходя почти в шепот, чтобы затем снова взлететь вверх. Хотя слова напоминали по звучанию старые греческие или финикийские песнопения, Кэтрин знала, что их происхождение было неземным.

Пение продолжалось почти 15 минут. Молодая учительница опустила голову и оставалась тихо сидеть у алтаря, затем встала, подошла к матери и обняла ее. Хотя Кэтрин слушала учение Чарльза Прайса и знала о существовании пятидесятнических групп (их звали тогда «трясунами»*), которые говорили на неизвестных языках. Сама она никогда такого не слышала. Впрочем, что-то в ее сердце подска-

зывало ей, что это было от Бога. Изабель никогда не слышала о «даре языков», она и не мечтала, что ее молитвы приведут ее в такие новые измерения Духа. Все, что она делала, — это просила Бога наполнить ее Собой больше, не зная, что ее молитва будет услышана и что ее ждет посещение Святого Духа.

***«Трясуны» — презрительное название общин верующих (в том числе и в России), искавших водительства и даров Святого Духа. Употреблялись также названия: «бегуны», «прыгуны». — Прим. пер.**

Много лет спустя Кэтрин была свидетельницей похожего случая в Портленде, в Орегоне. Это было во время большого служения с чудесами в 1973 году. Кэтрин провела собрание в субботу и вернулась в воскресенье после обеда на заключительное служение. Муниципальный зал был набит битком. Тысячам не нашлось места. Во время собрания монахиня-католичка, одетая в монашеское платье, вышла вперед — только что она получила исцеление от опухоли в бедре. Когда Кэтрин расспрашивала ее о том, какая болезнь у нее прошла, она была очень застенчива. Наконец слабым шепотом она рассказала о том, как это случилось. Она сидела в партере с шестью другими монахинями и двумя священниками, когда почувствовала жжение в ноге.

Она ощупала то место, где была большая опухоль, и не нашла ее там. Священники настояли, чтобы она подошла к сцене рассказать об исцелении.

«О, дорогая, это так здорово, — сказала Кэтрин. — Я так рада».

Кэтрин плакала. Она часто плакала, когда кто-то вот такой — тихий священник или монахиня, старый пастор или, возможно, тщедушный миссионер, прошедший свою жизнь в служении Богу, — выходил вперед, чтобы свидетельствовать об исцелении. У нее было особое место в сердце для старых, бедных, маленьких детей, молодоженов, и особенно для служителей Божьих.

«Я благодарю Бога за вас», — нежно сказала Кэтрин, когда монахиня робко улыбнулась и пошла прочь от сцены.

Маленькая монахиня, едва сделав два или три шага, повернулась к Кэтрин, стоявшей у микрофона. Почти шепотом она сказала: «Госпожа Кульман, я так жажду быть наполненной Святым Духом».

Затем, еще до того как Кэтрин смогла дотянуться до нее, чтобы возложить руки, еще до первых слов молитвы, монахиня свалилась на пол. Обычно рядом наготове были мужчины, чтобы подхватить тех, кто испытывал то, что называлось «сошествие силы» или «быть сраженным Духом». Но в тот раз не было поблизости никого, кто успел бы подхватить монахиню. Она просто соскользнула на пол и в то же время начала говорить на красивом неземном языке.

«Благоговейная тишина воцарилась в собрании, — говорила Кэтрин, описывая этот случай, — тысячи пришли в тот день в Муниципальный зал. Все молчали. Я стояла там в священном трепете перед тем, что происходило, когда эта дорогая католическая сестра, которая практически ничего не знала о крещении Святым Духом, говорила на языках. Ее глаза были закрыты, и исходящая из ее уст речь была такой же совершенной, как и та, что лилась за годы до этого из уст Изабель Дрейк. Это был не лепет типа «бла-бла-бла», ибо Святой Дух не лепечет. Это был совершенный язык, словно Святой Дух использовал ее уста, чтобы вознести хвалу и восхищение Небесному Отцу».

Многих теологов и религиозных комментаторов удивляло, что Кэтрин Кульман никогда не давала ясного свидетельства о своем собственном опыте. Хотя ее обращение к вере в четырнадцать лет было ярким переживанием, это не было чем-то таким, что колеблет жизнь, изменяет характер, а многие считали, что нужно пережить именно нечто подобное, чтобы начать проповедовать. Ее обращение, скорее, только началось с тем переживанием — это было взросление с подъемами и падениями, своего рода процесс спасения длиною в жизнь. У нее было много «проколов» в жизни, которые, поскольку она всегда была на глазах у публики, были чрезмерно преувеличены. Даже в последний год ее жизни христианский мир обнаружил некоторые моменты ее жизни, далекие от совершенства.

Все же она никогда не претендовала на то, что она представляет из себя что-то большее, чем безыскусный, обычный, простой человек. «Я — самый простой человек во всем мире», — часто провозглашала она. Лишь немногие из ее поклонников воспринимали ее серьезно, впрочем, смотря на нее как на своего рода суперсвятую. Даже когда она говорила, что не нужно ей поклоняться, ей поклонялись. Ее критикам, с другой стороны, не было нужды особо выискивать ее промахи. Так же, как чудеса сопровождали ее служение, ее промахи всегда были видны всем, словно выставленные напоказ.

У нее всегда было больше критиков внутри Церкви, чем вне ее. Мирские люди, жадные до фактов, стекались на ее служения, ожидая увидеть своими глазами то, о чем другие проповедники лишь говорили. Эти «люди мира», как их называла Кэтрин, везде искали доказательств существования иного мира и сверхъестественных сил. Многие погрузились в оккультные науки, спиритизм и магию, надеясь там найти ответы на их внутренние вопросы. Во всяком случае, они могли быстрее распознать чудо, чем люди, ослепленные церковными традициями из лживой и мертвой религиозности, которая учила, что время чудес давно прошло, — дабы лучше защитить свое бессилие. Кэтрин не была повержена этим пустым рационализмом. Снова и снова она проповедовала: «Мы должны прилепиться к Слову Божьему. Оставаться с ним. Ничего, кроме него, и ничего не добавлять к нему. В тот момент, когда вы уйдете от него, вы начнете скатываться в фанатизм, и тогда мы станем тем, что не подлежит восстановлению. Ибо в тот момент мы навлечем хулу на самую прекрасную личность в мире, на Третью Личность в Троице — Святой Дух».

Кэтрин знала, что каждый человек на планете Земля создан с осознанием Бога внутри. С жадной жаждой Бога. Она полагала, что в человеческой природе есть томление по Богу, желание снова войти в общение с Ним — в общение, разорванное грехом Адама и заблокированное ныне грехом человечества.

Обращаясь к международному съезду «Общины полноевангельских бизнесменов» в Далласе в 1973 году, Кэтрин

говорила об этом: «Мы должны сохранять уважение, ибо мы представляем Бога Отца, мы представляем Иисуса Христа — великого Первосвященника, и в этот час великого харизматического движения мы представляем великую невидимую личность — Святой Дух. Мы представляем Его в этот час, в самый великий час Церкви. Глаза миллионов смотрят на нас. На нас смотрит око официальной Церкви, на тех, кто в этом великом харизматическом движении. Глаза еще не обновленных людей смотрят на нас. Называйте это как хотите, но нам нужно сохранить их уважение. Нам нужно оставаться со Словом Божьим».

Все же критики нападали на нее. «Она учит о необходимости «крещения Святым Духом», — говорили они. — Но она так и не сказала нам, когда у нее самой это было». Но Кэтрин не опиралась на ощущения. Она настаивала, что человеческая теология должна быть построена вокруг личности Иисуса Христа и прокалена на огне Святого Духа, а не строиться вокруг чьего-то опыта, своего ли, чужого ли. Таким образом, когда она сама имела то переживание, которое она определяла как «крещение Святым Духом», остается невыясненным. Она верила в него. Она желала его для других людей. Она жила им. Но Кэтрин, сама по себе, была уникальной.

На том же съезде в отеле «Хилтон» в Далласе в 1973 году она говорила: «Я верю в способность говорить на незнакомом языке. Я сама заявила об этом перед всем миром. Я должна заявить сама, ибо это по Писанию. Это есть в Слове Божьем. Но помните, Святой Дух не мямлит. Святой Дух — это совершенство. Знайте это! Нам нужно хорошее старомодное учение в этом харизматическом движении. Нам снова нужно вернуться к Слову Божьему. Если мы этого не сделаем, то мы потеряем уважение миллионов, смотрящих на нас, и тысяч, которые еще колеблются в ожидании, а внутри они — голодные, голодные.

Это самый великий час Церкви. Мы живем в самые последние дни Божьей благодати. Нам нужно забыть про наши личности. Мы должны забыть о нашем собственном желании вырваться вперед. Мы должны уйти от попыток

взобратся выше, чем другие, если даже у нас и было большее откровение, чем у других. Не нужно пытаться быть более выдающимся, чем другие; кричать громче, чем другие, быть более эмоциональным, чем другие. Возлюбленные, мы должны быть осторожны. Мы живем во время испытаний. Да, я верю в языки. Я верю, что сегодня это нужно Церкви. Я верю, что каждая национальная Церковь должна иметь языки и истолкование — все дары Святого Духа. Ибо я верю, что сегодня Бог возвращает Церкви все дары и все плоды, как это описывается в книге Деяний. И когда восстановление закончится, мы все переживем великое «восхищение», когда Иисус снова придет...»

Однако никто из помощников Кэтрин никогда не слышал, чтобы она сама говорила на языках, даже Мэгги Хартнер, которая была к ней ближе, чем кто-либо.

И потому ее критики как из пятидесятнических, так и из не пятидесятнических кругов продолжали нападать на нее. Пятидесятники — потому что она сама не говорила о своем крещении Святым Духом и потому, что она запрещала говорить другим на языках во время ее служений с чудесами; а непятидесятники — потому что она настаивала, что верит во все дары Святого Духа, включая языки, и поощряла людей пробовать их в своих церквях. Но Кэтрин, похоже, забывая всю критику, продолжала в своей уникальной манере.

По той же причине нет свидетельств, что Кэтрин сама испытала чудесное исцеление, хотя она и служила даром исцеления для многих миллионов больных людей. Те, кто были рядом с ней, знали, что в течение нескольких лет перед смертью она постоянно страдала от расширения сердца, и в течение последнего года она никуда не выходила без лекарств. Когда она должна была лечь на последнюю операцию на сердце в Талсе в ноябре 1975 года, она была осмеяна в светской прессе и в некоторых фарисейских журналах за проповедование исцеления при неспособности исцелить саму себя. Единственным объяснением, которое смог дать ее друг Тинк Вилкерсон, было то, что «Бог не избрал ее для того, чтобы дать ей исцеление сверхъестественным образом».

Видимо, Тинк своим простым, нетеологическим путем сумел прийти до самой сути теологии Кэтрин. Большинство из нас имеет свое собственное представление о том, как Бог должен управлять Вселенной, — представление, основанное на собственных ограниченных познаниях. Кэтрин, напротив, отрицала все традиции. Она выходила из тупиков, в которые люди пытались ее загнать. Когда ее спрашивали, почему многие, как были больны до ее собраний, так и ушли без исцеления, она лишь пожимала плечами и говорила: «Я не знаю, я не знаю». Однажды она призналась, что самый первый вопрос, который она задаст Иисусу, когда пойдет на небо, будет: «Почему некоторые все же не исцелились?»

У теологов были ответы. Сотни ответов. Но теологи сами никогда не творили чудес. У Кэтрин же, которая была одним из величайших инструментов в чудесной силе Святого Духа со времен Апостолов, ответа не было.

«У меня нет исцелительной силы, — говорила она снова и снова. — Я не могу исцелить ни одного человека. Все, что я делаю, так это проповедую веру. Бог совершает исцеление. Кого Он исцеляет и кого Он избирает не исцелять — это Его промысел. Я — только Его инструмент».

Таким образом, и те, кто критиковал ее позицию, или кто критиковал ее, потому что она не была совершенной, и те, кто указывал, что она не была достойна проповедовать, потому что была женщиной или потому что не закончила духовную семинарию, стояли на опасном пути.

Было время, вспоминает Миртл, когда чувствовалось, что Кэтрин была призвана проповедовать. Это случилось вскоре после того, как Кэтрин присоединилась к Парроттам в Орегоне летом 1923 года. Они посетили одно из собраний доктора Прайса, и когда они вышли на улицу в вечернюю прохладу, Кэтрин вдруг начала плакать. Миртл нашла скамейку рядом с церковью, и Кэтрин, будучи не в состоянии прекратить всхлипывания, положила голову на колени Миртл и несколько долгих минут рыдала.

«Все эти люди, — она, наконец, отдышалась, — все эти люди не приняли Иисуса как своего Спасителя».

«Что ты имеешь в виду?» — нежно спросила Миртл.

«Он призвал мужчин и женщин принять Христа, и никто не вышел. Они остались стоять там, умирая в своих грехах. Ты разве не почувствовала это?» — «Что я должна была почувствовать, Кэтрин?» — «Почувствовать ношу за потерянных. Я должна проповедовать, Миртл. Я никогда не успокоюсь, пока не сделаю свою работу».

Кэтрин больше никогда не говорила о том вечере. Она не любила вешать свою теологию на бельевую прищепку на долгое время. Она поклонялась Богу сегодняшнего дня, чей Святой Дух творит сегодня гораздо более великие дела, чем Он творил вчера. Однажды она сказала мне, что была так занята тем, чтобы не отстать от того, что Бог делает сегодня, что у нее совсем не было времени вспоминать свое прошлое. По этой причине она редко отвечала на критику. Она знала свое положение, и даже если людям это не нравилось, то потребовалось бы много времени, чтобы остановить движение и попытаться им все объяснить. Если им не нравились ее переживания (или отсутствие таковых), если они не любили, как она одевается, ведет себя, говорит или тратит деньги — что ж, это была их проблема. Она чувствовала, что ей вручен Божественный мандат. Как Неемия строил стены вокруг Иерусалима, так и она была слишком занята, чтобы спуститься вниз и спорить с противниками.

В один из редких приступов ностальгии Кэтрин говорила о своей теологии: «Когда до Миртл дошли слухи, что мы проводим большие богослужения в Айдахо, она прислала мне телеграмму из Спокана, в Вашингтоне, которая была немногословной, но глубокой по сути: «Смотри, чтобы твоя теология была прямой». Я даже и не знала, что такое «теология», — Кэтрин захохотала. — Я рада, что была глупой, настолько глупой, чтобы поверить, что все, что нужно, — это проповедовать Слово Божье, и Бог позаботится Сам о моей теологии».

Но нужно было кое-что еще помимо «проповедования Слова». Нужно было напечатать плакаты и маленькие приглашения. И нужно было организовывать собрания в каждом новом городе. Похоже, что она объездила их все вдоль реки Снейк от Пейетта до Покателло и далее до Ай-

дахо-Фолса, Берли, Блэкфута, Бэзельта и Боуна. «Назовите любой маленький городок в штате Айдахо, — говорила позднее Кэтрин репортерам, — и окажется, что я работала в нем, пытаюсь евангелизировать».

В Рексберге, рядом с границей с Монтаной, Кэтрин и Эллен нашли маленькую баптистскую церковь, закрытую вот уже два года. Порасспросив местных жителей, они отыскивали одного дьякона, у которого сохранились ключи от этого здания. Он почесал голову и удивленно посмотрел на двух молодых и приятных дам, которые спрашивали, смогут ли они проводить служения в маленькой церквушке.

«Хорошо, милые барышни, — сказал он медленно, — церковь сейчас закрыта, и я не надеюсь, что вы сумеете донести нам в своих проповедях больше, чем мы уже имеем».

Кэтрин и Эллен открыли дверь, убрали внутри и стали обходить маленький городок, объявляя о предстоящих собраниях. Вдова, приютившая двух «нахлебниц» и не имевшая лишних кроватей, поручила сыну подмести в индюшатнике. Кэтрин и Эллен провели там три ночи, прежде чем другая семья предоставила им комнату и кровати.

Зимы в Адайхо были холодные, и порой в комнатах для гостей не было отопления. Чтобы согреться, Кэтрин сворачивалась калачиком под огромной кучей стеганых одеял и лежала неподвижно, пока эта часть кровати не нагревалась. Затем она переворачивалась на живот, брала Библию и часами напролет штудировала Слово Божье, пока оно не становилось частью ее самой.

«Я получила мое образование на коленях у величайшего учителя в мире, — говорила она позднее. — Это происходило не в каком-то великом университете или духовной семинарии. Это было в молитвенной школе, руководимой Святым Духом».

«Иногда, — Кэтрин посмеивалась, — я читала Библию всю ночь, поскольку боялась выключить свет. По какой-то странной причине люди в Адайхо любили вешать огромные портреты своих предков на стенах в комнатах для постояльцев. Там обязательно была или бабушка, в высоком

кружевном воротнике, или дедушка, с длинной бородой. Они сурово смотрели, словно надзирая за мной с их высокого положения. И иногда я лучше себя чувствовала, если при свете лампы всю ночь читала Библию».

Проехав на юг от Адайхо через пустыни Юты, Кэтрин и Эллен прибыли в Пуэбло, штат Колорадо, где они сняли старое здание в районе Монтгомери на Главной улице. Там они пробыли шесть месяцев.

«Я была такой добропорядочной, — говорила Кэтрин, — что боялась: вдруг меня будут критиковать за то, что у меня больше одного платья. Тогда я сшила три Платья из одного рулона желтой ткани. На последнем собрании в Пуэбло, когда головы всех были склонены в тихой молитве, внезапно тишину разорвал пьяный ревуший голос из задних рядов: «Боже милостивый, куда же мне скрыться от этого желтого платья? Я вижу его во сне по ночам... Я вижу его весь день. Оно преследует меня!»

Это был хороший повод для Кэтрин уйти, ибо служение едва-едва удалось продолжить после незапланированного вмешательства.

Денвер, в 100 милях к северу, манил ее. Здесь ей предстояло начать строить свое собственное царство и впервые обрести славу, а также понять, что наказывающая рука Бога сильнее ее собственных бунтарских порывов. Ибо именно там она впервые вкусила горечь унижения и неудач, оставившую во рту привкус пепла после того, как она выпила из пьянящей чаши человеческих страстей.

Глава 4

«Проповедуй и не останавливайся»

Все, что делала Кэтрин, было великим. Когда она проповедовала, даже если в зале было с дюжину человек, она говорила так, словно там было десять тысяч. Она никогда не сдавалась. Когда Кэтрин призывала к покаянию, то полагала, что все присутствующие должны немедленно покаяться и отдать свои жизни Христу — даже если все они были проповедниками и миссионерами. Много лет спустя, когда она встретила пастора в одном крупном городе перед началом служения с чудесами, она призвала их покаяться и стать «заново рожденными». Многие вышли вперед в слезах, прося ее за них помолиться. Она ничего не принимала как само собой разумеющееся. Ее часто упрекали в глупом восхищении перед какой-нибудь голливудской звездой или знаменитой политической фигурой. Но она также восхищалась каким-то неизвестным священником, который дал обет бедности, или рабочим с автострады, который был исцелен на одном из ее служений. Она одинаково относилась и к водителям такси, и к сенаторам — они были одинаково важны в глазах Бога, и, следовательно, в ее глазах тоже.

Я вспоминаю два примера — они являются прекрасными иллюстрациями. Первый раз я встретил Кэтрин в ее анфиладе офисов на шестом этаже «Карльтон-Хаус» в центре Питтсбурга. Офисы были шикарные, они занимали весь конец крыла отеля. Чтобы войти в дверь с выбитым золотом названием «Организация Кэтрин Кульман» на внешней стороне, нужно было позвонить в колокольчик. Когда снаружи нажимали кнопку, в офисе раздавался перезвон Вестминстерского колокола. Поэтому посетитель не просто входил, но его сопровождали при входе в офис. Внутренняя атмосфера была домашней, теплой, доверительной, хотя за каждым столом сидели «трудолюбивые пчелки» и старательно «гудели». Оформление было женственным — отражением самой Кэтрин. Стены были выкрашены в кремовый и бежевый цвет,

большой шерстяной ковер — цвета морской волны, и повсюду — обилие цветов, настоящих и искусственных.

Один конец комнаты занимала софа бледно-палевого цвета, заваленная книгами и журналами — подарки, пришедшие по почте. На приставном столике была куча маленьких подарочных коробочек, внутри которых лежали ручки с выгравированным золотом крестом — их Кэтрин посылала на Рождество особым своим друзьям.

Комнаты были наполнены сувенирами. Была там красивая, ручной работы деревянная шкатулка для драгоценностей, подаренная мадам Тью в благодарность за служение во Вьетнаме. Были и антикварные люстры, которые Кэтрин купила сама в маленьком подарочном магазине в Риме. Огромный нависающий портрет глухого Бетховена разместился над столом Мэгги Хартнер, видимо, даже на подсознательном уровне напоминая занятой секретарше, что наличие препятствий не должно побуждать человека делать свое дело хуже, чем он в принципе может делать, — это то, чего Кэтрин добивалась от всех своих сотрудников.

Везде были фотографии: школа в Гонконге с плоской крышей — она была построена на деньги «Организации Кэтрин Кульман»; Кэтрин во Вьетнаме в окружении солдат в полной боевой форме; папа римский Павел и Кэтрин, стоят на расстоянии нескольких дюймов и пристально смотрят друг на друга; Кэтрин плечом к плечу с Тедди Колеком, мэром Иерусалима; и ее любимое фото — проповедь в Стокгольме перед 16000 человек, вместе с переводчиком Иосифом Маттсон-Бозе, стоящим рядом. Маленький шведский мальчик стоит перед ней сам по себе, с пристальным, словно в трансе, взглядом.

На одном из столов под стеклом лежал аннулированный чек на 10 долларов, выписанный «Банком национальной безопасности» в Су-Сити. Он выписан на имя Кэтрин Кульман, подписан Эверетгом Б. Парроттом из «Палаточного пробуждения Парротта» и датирован 14 июля 1928 года. Кэтрин никогда не забывала, «откуда она ниспала».

Когда она появилась в тот вечер, это было подобно синтезу появления английской королевы и вихря могучего ветра

Пятидесятницы. Она буквально ворвалась в комнату, замерла на мгновение в боевой стойке, а затем, подавшись вперед, резко схватила обе мои руки: «Ох... и Вы проделали весь этот путь из самой ФЛАА-РРИ-ДДЫ!» Затем, также стремительно она сказала: «Идемте, здесь есть кое-кто, с кем Вам надо встретиться. Давайте скорей, она очч-чень особенная!»

Кэтрин удерживала меня, ее тонкие пальцы слегка царапали мою руку, она увлекла меня за собой. В шестьдесят лет она была совершенной комбинацией привлекательности, представительности, духовности и материнской деспотичности. Она быстро провела меня в свою личную комнату. Там, сидя в огромном обитом кожей кресле, на меня смотрела ужасно стеснительным взглядом старая тучная женщина в ситцевом платье. На голове ее был цветной платок, пальцы нервно теребили старый ридикюль*.

***Ридикюль — дамская сумочка старомодного образца. — Прим. автора.**

«Это госпожа Романская, — бойко представила Кэтрин. — Она — одна из близких мне людей. Полька, живет ближе к северу, не очень хорошо говорит по-английски, но не пропускает ни одного собрания в «Карнеги-холл». Она не смогла дать сегодня утром пожертвование на собрании с чудесами, поскольку ее муж болен. И вот, она проехала весь этот путь, чтобы сказать, что любит меня и молится за меня».

Кэтрин стояла в наступившей тишине, смотря вниз на маленькую старую полячку, которая сидела, смиренно склонив голову, теребя нитку, оторвавшуюся от старого запачканного ридикюля.

«Вот таких-то людей Бог дал мне в этом служении, — сказала Кэтрин, качая головой; она продолжала качать головой, словно подтверждая, что здесь происходит что-то неординарное. — Вот таких-то людей Он и дал мне».

Она вдруг заплакала, вытирая слезы тыльной стороны ладони. Маленькая полька плакала. И я — тоже. Я почувствовал, что открыл дверь и вошел в сердце женщины, которую никогда не встречал, но знал всю свою жизнь, ибо ее сердце, похоже, билось в унисон с сердцем Бога.

Другая сцена имела место семь лет спустя. Я был с Кэтрин за кулисами в ее гардеробной комнате в «Священной аудитории» в Лос-Анджелесе. Она только что закончила собрание с чудесами, длившееся четыре с половиной часа, простояв на ногах все это время. Ей было 67 лет (хотя тогда никто точно не знал ее возраста), и она была истощена. Я уже собирался уходить, когда раздался стук в дверь. Норин Беннетт, жена богатого агента по недвижимости Вердеса Пенинсулы из Палоса, которая была исцелена несколько лет назад от склеродермии* и теперь работала добровольным контролером на входе в зал, просунула голову в дверь: «Госпожа Кульман, здесь один человек хочет Вас видеть».

***Склеродерма — болезнь, при которой кожа в местах поражения становится жесткой и омертвелой. — Прим. автора.**

Я взглянул на Кэтрин. Она поникла в кресле, каждая капля силы, казалось, была выжата из ее изнуренного тела. Но она знала, что Норин не вошла бы в дверь без необходимости. Она не спросила, кто это. Она приподнялась в кресле и пробормотала: «Да, конечно, пусть войдет, пусть войдет».

Дверь приоткрылась шире, и вошел старый мужчина, отлично выглядевший для своих 80 лет, с военной выправкой. Норин сказала: «Госпожа Кульман! Позвольте мне представить Вам генерала Армии Омара Бредли».

Мгновенно Кэтрин снова стала «королевой английской и могучим ветром». Она подскочила к двери и вернулась к обычному своему образу. Вся усталость улетучилась, на ее место пришли цветение и жизнь. Взяв его руки в свои, Кэтрин отступила назад и в восхищении посмотрела на великого героя второй мировой войны, который стоял плечом к плечу с Дуайтом Эйзенхауэром и Дугласом Макартуром: «Ох, Боже правый! И Вы были здесь на служении с ЧУ-ДЕСААМИ!»

«Генерал отсидел все собрание, — сказала Норин. — И настоял на том, чтобы прийти сюда и повидать Вас».

Я стоял в стороне, думая о госпоже Романской, сидевшей в большом, обитом коричневой кожей кресле, нервно теребящей свой ридикюль шишковатыми пальцами. Кэтрин обходилась с этим пятизвездочным генералом так же, как и с

бедной маленькой полькой из-под Питтсбурга. Оба были детьми Божьими. И за обе эти души умер Христос.

Они говорили о духовных вещах в течение нескольких минут. Затем генерал поведал об особой нужде в своей жизни.

«Дорогой Иисус», — начала речитативом Кэтрин, закрыв глаза и протянув руку для молитвы над ним.

Но это все, что она успела сказать. Его ноги подкосились, и он свалился назад — «сраженный Духом». Дон Барнард, путешествовавший с Кэтрин в качестве ее телохранителя, вошел в комнату вместе с генералом. Он подхватил его и опустил на пол, где тот лежал несколько минут, словно заснул. Когда он начал слегка двигаться, Дон помог ему встать на ноги и осторожно поддерживал его под руку. Генерал еще плохо стоял на ногах.

«Наш чудесный Господь может ответить на любую вашу нужду, — сказала Кэтрин с расстановкой, ее лицо сияло верой. — Я знаю, как сильно Он должен любить Вас сейчас».

Она двинулась ему навстречу, но колени генерала опять ослабели, и он соскользнул в сильные руки Дона.

После его ухода Кэтрин принялась ходить взад и вперед по комнате, доходя до одной стены, поворачиваясь и маршируя до другой, ее руки были вознесены в молитве и восхвалении. «Благословенный Иисус, — она повторяла снова и снова. — Я воздаю тебе хвалу! Я воздаю тебе славу!»

Вокруг Кэтрин не было «маленьких людей». Каждый был важен. Каждый был большим. Это был один из ее секретов успеха служения. Все ее помощники знали, что они важны, а зная это, они начинали понимать, что они важны и для Бога. Все, что делала Кэтрин, было большим. «Думайте о большом. Делайте большие дела. Говорите о большом, — повторяла она своим сотрудникам, — ибо у нас великий Бог».

Именно эта философия помогла ей подняться на ноги в Денвере в 1933 году. Эрл Ф. Хьюитт, бизнесмен, присоединился к ней незадолго до того, как она приехала в Пуэбло, и стал ее управляющим делами. Это было во время Великой депрессии. Многие национальные банки были закрыты. В каждом городе стояли очереди за хлебом. Безработица

достигла своего пика за всю историю США. Сотни тысяч предприятий и контор не работали. И тем бизнесом, который, похоже, страдал больше всех, был Божественный бизнес — Церковь. Лишь посвященное меньшинство, составлявшее подлинное Царствие Божие, давало пожертвования в те дни нужды. Все же остальные, огромная армия «воскресных прихожан» ждала, когда снова начнутся дни изобилия, чтобы давать пожертвования. Церкви враждовали. И Кэтрин, которая отнюдь не была частью официальной Церкви, но находилась на «опушке», служа тем, кого отвергли и общество и Церковь, должна была довольствоваться теми крохами, что ей доставались. Казалось, что ничто не могло сломить ее дух, или же заставить ее верить во что-то меньшее, чем Бог избытка и щедрости.

«Вы едете в Денвер, словно у Вас есть миллион долларов, — говорила она Эрлу. — Мы возьмем этот город штурмом».

Хьюитт криво улыбнулся в ответ: «Но у нас нет миллиона долларов. У нас есть только пять долларов — это все».

— Кэтрин только рассмеялась: «Если мы служим Богу, Который ограничен нашими финансами, то мы служим фальшивому богу. Он не ограничен тем, что у нас есть или что мы есть. Если Он может использовать **КОГО-ТО** Вроде меня, чтобы приводить души в Царство, то Он, конечно же, может использовать наши пять долларов и размножить их так же легко, как Он размножил буханки хлеба и рыбы для людей на холме. Сейчас же поезжай в Денвер. Найди мне самое большое здание, какое только сможешь. Возьми лучшее пианино для Эллен. Поставьте в зал как можно больше стульев. Опубликуй большое объявление в «Денвер пост» и дай объявления по радио на всех местных радиостанциях. Это дело Божье, и мы будем делать это Божьим образом. Большим способом!»

Здание, которое нашел Хьюитт, представляло собой почти точную копию того, что было у нее в Пуэбло. Оно также служило складом фирмы «Монтгомери», и располагалось по адресу 1733-37 на улице Чампа в центре Денвера. Используя комбинацию веры, медяков и кредитов, Хьюитт взял в аренду 500 стульев и большое пианино, объяснив людям, что

заплатит за них через две недели, в конце серии собраний. Двухнедельная кампания, однако, затянулась на целых пять лет. С самого первого вечера Кэтрин фактически стала местным священником в Денвере.

Эллен прибыла несколькими днями раньше, чтобы подготовить музыкальное сопровождение для богослужений. Она заручилась поддержкой трех дочерей А. К. Андерсон — Милдред, Люсиль и Байни, которые составляли «Трио Андерсон». Девушки помогали Эллен и пели на первом богослужении в здании старого склада. Они продолжали петь почти на всех собраниях в течение последующих пяти лет. Эллен также спланировала вечерние субботние богослужения, которые превратились в большие музыкальные концерты.

Люди в Денвере жаждали той духовной пищи, которую готовили Кэтрин и Эллен. Церкви, подобно экономике, были больны и умирали. Многие закрылись. А из тех, что оставались открытыми, большинство посещались редко, служения стали сухими и безжизненными — отражение той эпохи, в которую люди жили. Кэтрин же, напротив, представляла не депрессию. Она являла величие Бога. Вместо того чтобы говорить о скудости, она проповедовала об изобилии. Вместо того чтобы говорить о пустых карманах и пустых желудках, она вдохновляла людей приходить и веселиться на брачном вечере Агнца. И свершалось нечто чудесное. Люди приносили свои «хлеба и рыбки», свои скудные пожертвования, и те волшебным образом умножались тысячекратно. Вместо того чтобы посылать людей в мрачные очереди за бесплатной похлебкой, организованные правительствами штатов, она побуждала тех, у кого была пища, приносить ее и делиться с теми, у кого ее не было.

«Мы — святые, мы — не нищие, — говорила она своей бедной общине. — Бог обещал в Псалме 36, стих 25, что праведник не будет оставлен и что его потомки не будут просить хлеба».

И люди ей верили. На первом собрании — 27 августа 1933 года — было только 125 человек. Но она проповедовала, словно присутствовало 12 тысяч. В оборудованном на скорую

руку складе было жарко, поднимались испарения, но на передних окнах большими буквами были написаны объявления, что Кэтрин Кульман, молодая евангелистка, начинает специальную серию собраний. С первых звуков, которые извлекла из пианино талантливая Эллен, люди поняли, что это не будет обычным богослужением. Они поверили, что Сам Бог послал эту женщину в их среду, чтобы дать им надежду во время отчаяния, любовь во время ненависти и упование во время безверия и сомнения. Она пришла, чтобы восстановить в них данное им Богом человеческое достоинство, чтобы напомнить, кто они есть. На следующий вечер пришло более 400 человек, и с того дня старый склад уже не мог вместить всех желающих.

Они приходили из хижин и гетто, из трущоб и квартир, кишаших крысами. Они приходили из мебелированных комнат и из «Миссии Спасения»*. Богослужения затягивались далеко за полночь. Кэтрин, Эллен, Хьюитт и десяток других, кто захотел участвовать в служениях, молились с теми, кто остался до конца собрания.

***«Миссия Спасения» — религиозная организация, занимающаяся перевоспитанием и трудоустройством опустившихся людей. — Прим. пер.**

Не все, приходившие на собрания, были «потерпевшими крушение». Иные приходили из фешенебельных пригородов Денвера и хотели помочь служениям, но не имели возможности сделать это в своих местных церквях. Служения проходили каждый вечер, и огромные толпы выплескивались на тротуары.

Кэтрин трудилась неустанно. Она жила в Денвере дольше, чем где-либо еще, где она проповедовала. Столь долгое пребывание означало, что еще немного — и ей придется заниматься руководством церкви, а этого-то она и не хотела. После пяти месяцев непрерывной работы она объявила общине в пятницу вечером, что выполнила свою задачу и собирается уезжать.

Это объявление было встречено громкими протестами. Люди вскочили со стульев с криками: «Нет! Нет!». Затем

встал один мужчина, которого Кэтрин знала только в лицо, — он посещал служения всего в течение нескольких недель.

Сквозь шум он закричал: «Милая барышня, пришло время прекратить ездить. Вы нам нужны здесь. Если Вы согласитесь остаться в Денвере, я лично оплачу аренду самого большого здания, которое Вы выберете. Мы назовем его «Скиния пробуждения Денвера» и поместим вверху большую неоновую вывеску: «Молитва изменяет мир».

Крики, аплодисменты и обещания других пожертвователей от общины убедили Кэтрин, что ей надо остаться. Начался поиск места, где бы основать «Скинию». А тем временем, поскольку фирме «Монтгомери» нужен был ее склад, место проведения собраний переместилось в склад «Монитор пейер компани» по адресу: 1941, улица Кертис. Была сооружена вывеска: «Скиния пробуждения г-жи Кульман». Богослужения шли полным ходом.

Эллен Галлифорд организовала хор из более чем 100 голосов, сочиняя сама большую часть того, что они пели. Специально приглашались проповедники со стороны для некоторых собраний. Кэтрин понимала, что ее ресурсы ограничены. Она не была учителем. У нее было лишь одно послание: «Вам надлежит родиться заново». Она понимала, что, для того чтобы удержать людей, им нужно давать духовную пищу. И это делалось через музыкальную программу и других проповедников, которые с радостью принимали ее приглашение приехать с проповедью в самую быстрорастущую общину Запада.

Любимыми учителями были евангелисты и супруги Растхой, которые «пасли» независимые церкви в Калифорнии, Орегоне и Миссури. Сменяя друг друга в течение двух месяцев подряд, они вели собрания: один проповедовал, а другой (или другая) руководил пением. На некоторых собраниях им помогал молодой евангелист Фил Керр, выдающийся сочинитель церковных песен и проповедник на радио.

Типичное расписание на неделю выглядело так (запись от 11 января 1935 г.):

Воскресенье, 11.00. Кэтрин Кульман: «Тебе надлежит родиться заново».

Воскресенье, 15.00. Фил Керр: «Вера, передвигающая горы».

Воскресенье, 19.30. Госпожа Растхой: «Барьер перед вратами ада».

Понедельник, 19.30. Говард Растхой: «Почему я женился на моей жене».

Вторник, 19.30. Фил Керр: «Самое большое молитвенное собрание в мире».

Среда, 19.30. Госпожа Растхой: «Превознесем Отца Небесного».

Четверг, 19.30. Говард Растхой: «Является ли Муссолини Антихристом?»

Пятница, 19.30. Фил Керр: «Что говорит Библия о чудесном исцелении».

Суббота, 19.30. Особое музыкальное служение.

Именно на собраниях в здании бумажного склада на улице Кертис Кэтрин познакомилась с концепцией чудесного исцеления. Фил Керр часто об этом проповедовал, как и другие приезжавшие евангелисты. «Собрания с исцелениями» часто проводились параллельно с евангелизацией, и проповедник обычно приглашал больных выйти вперед для специальной молитвы. Случалось, что проводили также помазание елеем. В других случаях людей приглашали в специальную комнату для особой молитвы. В отдельных случаях бывали удивительные исцеления, и люди на следующий вечер выходили свидетельствовать о них. Это вызывало интерес у Кэтрин, ибо, хотя она сама редко молилась за больных, она всегда была удивлена и обрадована, когда люди исцелялись.

К сожалению, многие начали ее отождествлять с Эмми Симпл Мак-Ферсон, сверкающей проповедницей-пятидесятницей из Лос-Анджелеса. Сестра Эмми, как ее называли последователи, построила свой «Ангельский храм» на пять тысяч посадочных мест в Лос-Анджелесе в 1923 году — в том же году, когда Кэтрин оставила свой дом, чтобы присоединиться к Парроттам на Западном побережье. И если

Кэтрин была актрисой, то Эмми была супер актрисой. Ее невероятно драматизированные проповеди, представленные на сцене с полной сменой декораций, цветными прожекторами, звуковыми эффектами и сотнями людей, занятых в массовках, люди называли лучшими шоу в Лос-Анджелесе. Позднее она основала «Международную Церковь четырехугольного Евангелия».

В 1926 году Эмми была загадкой номер один для Америки. В течение пяти недель, с 18 мая по 23 июня, ее не могли найти. Последний раз ее видели на пляже и думали, что она утонула.

После неистовых поисков, в которых были задействованы несколько полицейских подразделений, армия частных детективов и даже сам президент Мексики, Эмми объявилась и сообщила, что ее похитили. Впрочем, полиция поставила под сомнение ее рассказ и обвинила ее в том, что она укрывалась в любовном гнездышке на севере Калифорнии вместе с бывшим радиооператором из «Ангельского храма». В конце концов ее привели в суд и предъявили обвинение в развращении общественной морали и лжесвидетельстве. Все обвинения были в конечном счете сняты.

Служение Кэтрин все время росло в ходе этого скандала. Эллен постоянно увещевала ее быть благоразумной. «Довольно всяких людей, которые порочат Царствие Божие, чтобы еще и ты занималась тем же», — предупреждала она. Хотя Кэтрин и провела позднее гигантское служение с чудесами в «Ангельском храме» зимой 1968 года, сама она никогда не встречалась со знаменитой «целительницей верой», сестрой Эмми. «Непосредственное» их свидание состоялось, когда она посетила могилу Эмми где-то через 20 лет после ее смерти. В статье для журнала «Христианство сегодня» Кэтрин писала: «Я никогда не встречала ее (Эмми Симпл Мак-Ферсон). Но несколько лет назад мы с Мэгги Хартнер посетили ее могилу. Там мы увидели молодого человека и женщину, вероятно его мать, которые смотрели на монумент, воздвигнутый в память о госпоже Мак-Ферсон. Женщина рассказала, как проповеди Эмми зримо представили ей Иисуса. «Я нашла Христа, глядя на ее

жизнь», — говорила женщина. В тот момент Кэтрин Кульман подумала, что если хоть один человек вот так будет стоять у ее могилы и говорить: «Я нашел Христа, потому что она проповедовала Евангелие», тогда и она прожила жизнь не зря.

Такой была Кэтрин. И даже если у нее были подозрения в показной балаганности и хвастливой жизни знаменитой евангелистки, она никогда не говорила о них публично. Хотя сама Кэтрин презирала всех людей, выдающих себя за исцеляющих верой, ибо видела то разрушение, которое они оставляют за собой, она старалась говорить о них с добротой и делала все возможное, чтобы сохранить единство в Царстве. Таким образом, хотя некоторые в Денвере уподобляли служение Кэтрин шоу сестры Эмми, у них было общим лишь то, что обе были женщинами и обе пытались служить Богу особым образом.

Одним из величайших огорчений Кэтрин был тот факт, что ее отец, которого она так сильно любила, никогда не слышал ее проповедей. Она всегда утверждала, что папина нелюбовь к проповедникам выросла из того, что они редко проповедают подлинное Слово Божье, если вообще когда-либо делают это. Она была уверена, что человек создан, чтобы иметь общение с Богом, и если однажды он услышит настоящее Слово Божье, то посвятит себя Автору Слова. Поэтому она полагала, что папа отнесся бы благосклонно к ее служению. Не только потому, что она была его «дитя», а потому, что она проповедовала истину.

У папы так и не было этого шанса, и потому тот факт, что он умер, а Кэтрин не была уверена, принял он Христа как своего Спасителя или нет, оставался одним из самых больших огорчений в ее жизни. В 1973 году, когда я специально приехал в Питтсбург, чтобы взять интервью у Кэтрин для передовой статьи в журнале «Гайдпост», она сказала: «Есть только одна история, о которой я хочу рассказать — это о том времени, когда умер папа».

Это случилось в полвторого дня в воскресенье после Рождества — 30 декабря 1934 года, когда 27-летняя девушка сняла трубку телефона. Она только что пришла с утреннего

воскресного служения. — «Кэтрин, твой отец ранен. Его сбила машина».

Ей звонила старая подруга, которая пыталась дозвониться до Кэтрин в течение двух дней, но линии были повреждены из-за сильного снегопада. Джо Кульман работал допоздна в пятницу 28 декабря, проверяя и перепроверяя все платежи после рождественского ажиотажа. Мама позвонила ему и попросила принести домой дюжину яиц. Джо, которому было 68 лет, отправился покупать яйца в «Дом домашней птицы г-на Буффмана». Улицы были покрыты льдом, и налипающий снег слепил ему глаза. Он уже почти дошел до дому, купив яйца, когда упал, разбив их все в коричневом бумажном пакете. Поднявшись с земли, он решил, что «безопаснее» будет презреть лед и вернуться назад за новыми яйцами, чем пытаться объяснить свою неуклюжесть маме. С воодушевлением он пошел назад к Буффману. Он пожалел, что у него нет пары специальных носков, как у многих, кого он встречал по дороге, он смог бы натянуть их поверх кожаных ботинок, чтобы сила трения о толстый лед стала больше.

Войдя в магазин, он обратился к Секл Буффман: «Секл, мне нужна еще дюжина яиц. Я упал и думаю, что Эмма будет недовольна, если я приду домой без яиц».

С новым пакетом с яйцами он отправился домой снова по Главной улице. Он дошел до 9-й Авеню, что рядом с его извозной конторой, когда решил перейти на другую сторону дороги. С этого момента точно неизвестно, как все произошло. Свидетели говорили, что якобы, когда он дошел до середины улицы, господин Катце из кафе «Топси» проезжал по этой улице на своем «бьюике». Катце попросил вести машину своего сына-подростка, поскольку полагал, что мальчик лучше водит на скользких дорогах. Шурин Катце сидел на заднем сиденье. Внезапно мальчик увидел Джо Кульмана, стоящего посередине дороги. Пытаясь объехать его, он круто свернул в сторону, съехал в кювет и юзом въехал во дворик доктора Шолле. Выскочив из машины, они увидели Джо Кульмана, лежавшего на дороге. У него был поврежден череп, но на теле не было видно других следов удара. Все же никто не мог сказать с уверенностью, сбила ли

его машина или он сам упал на лед и разбил голову. Он оставался в коме два дня и умер 30 декабря.

Кэтрин, ведя «Форд V-8», мчалась по штату Колорадо сквозь слепящую пургу. Она вспоминала: «Только Бог знает, как быстро я ехала по обледенелым дорогам, но я не могла думать ни о чем, кроме папы. Папа ждал меня. Папа знал, что я приеду».

За 100 миль до Канзас-Сити она остановилась у телефонной будки и позвонила. Тетя Белле, сестра ее матери, подошла к телефону.

- Это Кэтрин. Скажи папе, что я почти доехала.

В трубке было молчание, затем Белле ответила:

- Разве они тебе не сказали?

- Что они должны были мне сказать? — Кэтрин спросила, уже чувствуя, как отчаяние перехватило горло.

- Папа умер. Он умер сегодня рано утром.

Оставшиеся мили были для нее кошмаром. На дороге не было машин, лишь ее фары врезались в снежную белизну, и дворники на ветровом стекле тщетно сражались с мокрым снегом, который жалил своими иглами.

Приехав домой рано утром, она застала всю семью в гостиной вокруг открытого гроба ее любимого папы. Все находились в традиционном «бдении у гроба», как было принято в Средней Америке. Кэтрин отказалась смотреть на лицо того человека, которого она боготворила. Она много раз бывала дома после того, как десять лет назад уехала отсюда. Ничего не менялось. И только в этот раз все изменилось. Она знала, что теперь папа уже не будет ждать ее, когда она вернется домой. Она знала, что мама продаст большой дом, который был для нее убежищем в прежние годы. И ненависть поднялась в ней, подобно вулкану. Ненависть к тем, которые, как она полагала, отняли жизнь у ее отца.

Когда она рассказывала мне эту историю 37 лет спустя, она плакала. Мы сидели в ее личном офисе в «Карльтон-Хаус» в Питтсбурге. Она села на пол, прислонившись к стене, а я сидел рядом с ней в коричневом кожаном кресле.

«Я все еще вспоминаю это, — рассказывала она, вытирая слезы, катившиеся из глаз, — так живо, как если бы это было

вчера. Мы все сидели в первом ряду в маленькой баптистской церкви. Я просто не могла поверить в смерть папы. Этого не могло быть. После богослужения люди встали и выстроились позади гроба, мрачно смотря на папино лицо. Когда они все подошли, распорядитель на похоронах тоже подошел и встал рядом с семьей. Он пригласил нас подходить к гробу прощаться. Дядя Херман остался один из всех братьев, тетя Гасти умерла годом раньше. Мама, Миртл, Мальчик и Женева медленно двинулись по проходу и прошли мимо гроба. Я осталась одна, и я не хотела подходить.

Затем, уж не знаю как, я внезапно оказалась у первого ряда, глядя вниз. Но я не могла посмотреть ему в лицо. Вместо этого я стала смотреть на его плечо. Это было то самое плечо, на которое я часто клала голову, когда у меня болели уши. У папы не было исцеляющей силы. Никакого исцеляющего могущества. Я даже не была уверена, что он был христианином. Но у него была любовь. И эта любовь заставляла боль уходить от меня.

Я протянула руку и слегка коснулась пальцами его плеча. И когда я это сделала, что-то случилось. словно я провела пальцами по мешку с мукой. Это был не мой папа. Это был просто черный шерстяной пиджак, покрывающий нечто, что было выброшено, что когда-то было любимо, а теперь отброшено. Там не было папы».

Кэтрин вернулась в Денвер, получив урок, который мог быть преподан только через ненависть и потерю. Урок прощения. Ее семья, невзирая на возражения матери, настаивала на подаче в суд иска против тех, кто, как они считали, был виновен в смерти отца. Однако Кэтрин сказала, что не будет участвовать в этом. Она ушла из суда до того, как дело было рассмотрено.

«Возмездие, — говорила она мне позднее, — всегда должно быть в руках Бога. Держать в душе недовольство, мстить тому парню — это ранило бы меня бесконечно сильнее, чем это ранило бы его. И по этой причине я никогда не преследовала никого судебным порядком, независимо от того, как сильно они обидели меня или как они пользовались мною. Я — Божий человек. Я принадлежу Ему. Я доверяю

Ему сделать со мной и с моими обидчиками то, что Он считает нужным».

Это утверждение проходило серьезную проверку много раз, особенно в тех случаях, когда кто-то из ее наиболее доверенных помощников обращался против нее и публично клеветал на нее. Но она никогда не сходила со своего пути прощения. Она все оставляла в руках Божьих.

В начале 1935 года люди, подыскивавшие здание в Денвере, сообщила, что они нашли идеальное помещение для «Скинии». Это был старый гараж для грузовиков, а до этого — конюшня для ломовых лошадей фирмы «Универмаг Даниила и Фишера». Здание располагалось на углу Западной Девятой и улицы Акома, и уже 5 февраля того же года начались ремонтные работы. Спустя четыре месяца гигантское здание на две тысячи посадочных мест было битком набито по случаю начинающейся 30 мая серии евангелизационных собраний. 72 – футовая* неоновая вывеска по всей длине здания гласила: «Скиния пробуждения Денвера». А под ней, уже меньшего размера буквами: «Евангелистка Кэтрин Кульман». Наверху здания была более яркая надпись из трехфутовых** букв: «Молитва меняет мир».

*72 фута = 22 метра. — *Прим. пер.*

**3 фута = 91 см. — *Прим. пер.*

Собрания, Впрочем, были такими же. Трио Андерсонов пело на большинстве из них. Эллен Галлифорд играла на пианино. Во время призыва к покаянию она ходила взад и вперед по проходам, отыскивая людей с поднятыми руками и приглашая их пройти к сцене для молитвы. Кэтрин проповедовала. После окончания собраний с 22.00 до 22.15 Кэтрин выступала на радио КВОД со своей программой «К Вам с улыбкой».

В ниспадающем кафедральном платье Кэтрин обычно входила в заднюю дверь, проходила по боковому проходу, махая аудитории рукой и пожимая руки. Люди вставали, чтобы дотронуться до нее. Она отвечала: «О, Бог так любит

вас, Бог любит вас». Улыбаясь, приветствуя людей и смеясь, она поднималась на сцену, пока Эллен играла на пианино на заднем плане. Она часто открывала собрание словами: «Разве это не здорово быть христианином?! Если вы согласны, то скажите мне от всего сердца: «АМИНЬ!» Здание оглашалось криками: «Аминь». Затем, когда они успокаивались, Кэтрин рассказывала им маленькую простую историю:

«Вы знаете, этим утром я проснулась в моей маленькой комнате в «Отеле святого Франциска». Номер 416. Это совсем крошечная комнатка. Госпожа Холмквист, да благословит ее Господь, делает все, что только может. Но вот обои шелушатся и отстают от стен, и лифт почти всегда неисправен, но за 4 доллара в неделю это почти что рай для меня».

Она обычно делала здесь паузу, дабы люди могли высмеяться, ознакомившись с ее образом жизни, и вела рассказ дальше:

«Пока я лежала поперек кровати и изучала Слово Божье, раздался легкий стук в дверь. Я попросила Бога простить меня, сказала Ему, что я сейчас же вернусь, и пошла открывать дверь. И там был такой мужчина, маленького роста... Вы еще здесь, господин? Если здесь, то помашите рукой. О-о, он там. Нет, нет, еще не все. Встаньте, сэр, пусть все люди увидят Вас. Я хочу, чтобы все знали, что это абсолютно правдивая история. Знаете, проповедники любят преувеличивать. На самом же деле, некоторые истории, которые я слышала от служителей, были лучше, чем реальность. Это так».

Смех усилился. Маленький человек в заднем ряду помахал руками и сел на свое место. Кэтрин продолжала:

«И вот какое дело, — сказала она, облокотившись на кафедру и смотря вниз в зал, словно разговаривала только с одним человеком. — Этот милый господин сказал, мне, что он выпивал три бутылки вина каждую ночь вот уже в течение 13 лет. Но три дня назад он подошел к сцене уже после окончания собрания, и брат Хьюитт преклонил колени вместе с ним, и они молились. Это продолжалось до часу ночи, но когда он поднялся с колен, он был избавлен от алкоголизма.

Он пришел сегодня утром, чтобы сообщить мне это. И сегодня вечером он здесь, чтобы показать всему миру, что Иисус Христос освобождает людей от рабства».

Ее голос, который сначала был дребезжащим шепотом, теперь возрос до громогласного крещендо. Люди уже были на ногах и начали аплодировать, когда Кэтрин снова показала на этого человека и сказала: «Давайте все вместе скажем ему громко: "Господь благословит Вас!"».

Еще до того, как стихли хлопки в ладоши, Эллен снова села за пианино, и хор начал петь. Очередное служение пробуждения пошло своим чередом.

Во время одного из этих собраний пробуждения случилось то, что позднее Кэтрин описывала как самое волнующее переживание в своей жизни. Как и папа, мама Кульман никогда не слышала, как ее дочь проповедовала. Теперь же, поскольку Кэтрин Кульман обосновалась в огромном здании с ее именем на стене, выведенным большими буквами, она почувствовала, что должна пригласить маму прийти на собрание. В тот вечер, когда Эмма пришла, Кэтрин проповедовала о Святом Духе. Закончив проповедовать, она пригласила: «Все те, кто хочет быть рожденным заново и познать третью личность в Троице, Святого Духа, могут выйти в молитвенную комнату позади кафедры. Я приду туда тоже, и кое-кто из моих помощников. Мы будем молиться за вас».

Кэтрин направилась прямо в большую комнату позади сцены и увидела, что она полна народом. Она переходила от одного стоящего на коленях к другому, молясь за них. Минут пятнадцать спустя, когда молитвенный пыл был еще силен, боковая дверь отворилась, в нее вошла Эмма Кульман. Кэтрин взглянула на нее и знаком показала ей встать рядом.

«Что ты об этом скажешь, мама? — прошептала Кэтрин. — Думала ли ты, что твоя маленькая девочка дойдет до такого?»

Эмма Кульман протянула руку и погладила Кэтрин по голове: «Детка, я не для того здесь, чтобы восхищаться тобой. Я здесь потому, что ты говорила правду на собрании, и я хочу узнать Иисуса так же, как ты Его знаешь».

Кэтрин начала было смеяться, но затем поняла, что мама говорила серьезно, абсолютно серьезно. Она не успела ничего сказать — мама уже была на коленях на полу, склонив голову на стул. Кэтрин, теперь уже вся в слезах, протянула руку и положила ее на голову мамы. В тот момент, когда ее пальцы коснулись головы, мама начала трястись, а затем и плакать. Это было почти то же самое, как и тогда — вспомнила Кэтрин, — когда она сама была 14-летней девочкой и стояла рядом с мамой в маленькой методистской церкви в Конкордии. Но на этот раз было нечто новое. Мама подняла голову и начала говорить, сначала медленно, затем быстрее. Но слова были не английские, это были чистые звуки, подобные звону колокольчиков, на каком-то неизвестном языке.

Кэтрин встала на колени рядом с ней, плача и смеясь в то же самое время, смешивая свое глубокое контральто с маминым голосом, и так они обе, каждая по-своему, прославляли Бога.

Когда Эмма открыла глаза, она протянула руки и крепко обняла Кэтрин. Это был первый случай на памяти Кэтрин, чтобы мама ее обнимала. «Кэтрин, проповедуй, чтобы и другие могли бы получить то, что я только что получила, — плакала мама. — Проповедуй и не останавливайся».

Кэтрин говорила: «Мама не спала три дня и две ночи после того события, так велика была радость Господа в ней. Она стала новым человеком. Любовь Божья струилась из нее. Его любовь и Его радость наполняли ее и переливались через край. Она вернулась в Конкордию, и до конца жизни у нее было чудесное общение со Святым Духом».

Айна Фукс, член Денверовской группы, писала о служении Кэтрин: «Госпожа Кульман крепко держится той идеи, что Бог может и будет использовать большой евангелизационный центр, где Евангелие проповедовалось бы в его сияющей полноте, и где всех ждал бы сердечный прием. Хотя принадлежность к какой-либо церкви является важной частью религиозной жизни многих, есть тысячи тех, как она полагает, которые не имеют связи с какой-либо поместной церковью и не будут иметь. Члены разных церквей найдут

возможность посетить «Скинию», когда в их местных церквях не будет службы, поскольку служения в «Скинии» проводятся каждый вечер, исключая понедельник. Нецерковный человек будет легко себя чувствовать и вполне насладится богослужениями, поскольку ему ничего не нужно будет делать, а только соединиться с Иисусом. Единственная задача работы «Скинии» — это спасение душ и углубление духовных переживаний тех, кто посещает собрания».

Впрочем, служение быстро вышло за эти рамки. Открылась воскресная школа. Три автобуса подвозили детей из дальних районов. Детская церковь проводила свои собрания по воскресеньям для ребятишек до 12 лет. Многие из прихожан объединились в группы и ходили проводить служения в тюрьмы, исправительные учреждения и дома престарелых. Женщины открыли «Женское общество», и Кэтрин получила приглашение проповедовать по всему городу — в школах и других церквях. Служения с водным крещением проводились в арендованном баптистерии* в местной баптистской церкви, и госпожа Кульман сама проводила погружения. И хотя она не называла себя пастором, предпочитая называться евангелисткой, она проводила отпевания на похоронах и председательствовала во время обряда венчания многих из членов общины.

***Баптистерий — часть церкви или, реже, отдельное здание, где происходит обряд крещения. — Прим. пер.**

Работа по реставрации «Скинии пробуждения Денвера» никогда, по сути, не была закончена. Кирпичные стены, котельная, проводка и водопровод — все нуждалось в постоянной заботе. В течение недели те мужчины, у кого не было работы, приходили в «Скинию» и работали группами. Женщины же, под руководством Кэтрин и Эллен, приносили еду. То, что оставалось после обеда, уносили домой те мужчины, у которых совсем не было денег купить себе еды.

Приглашенные проповедники часто оставались по несколько месяцев подряд. Вильбур Нельсон приезжал из Калифорнии для цикла собраний. Гарри Д. Кларк, который руководил музыкальной программой для Билли Санди после смерти Айра Сэнки, тоже приехал провести несколько

собраний. Канадский евангелист Норман Гринвей и оперный певец Гарри Парке Бонд — оба нашли время для служений в «Скинии» с музыкой и проповедью. Филл Керр возвращался несколько раз, иногда с целью собрать деньги для своего всеамериканского радиослужения. Кэтрин была щедра с этими людьми, побуждая прихожан давать столько, сколько они смогут. Раймонд Т. Ричи прибыл из Техаса с кампанией по исцелению и проповедовал одно место из Писания, Иеремия 33:3, каждый вечер в течение трех недель. Кэтрин даже пригласила Эверетта и Миртл провести серию собраний.

Но никто так не взволновал людей, да и Кэтрин тоже, как умелый евангелист из Остина, штат Техас, — Барроуз А. Волтрип. Никто и представить себе не мог, когда он впервые приехал проповедовать в «Скинию» в начале 1937 года, что меньше чем через 18 месяцев он станет тем человеком, из-за которого самая многообещающая молодая евангелистка разрушит свою карьеру.

Глава 5

Поражение египтянина

В 1970 году газетный обозреватель Лестер Кинсольвинг (рукоположенный епископальный священник) «вскрыл», что 32 года назад Кэтрин Кульман вышла замуж за Барроуза А. Волтрипа, а затем развелась. Лестер не мог понять, однако, что хотя Кэтрин и пыталась похоронить эту неудачную главу своей жизни, она не стыдилась ее.

«Поскольку эта ошибка была исповедована, она уже находится под действием крови Иисуса, — говорила она мне после опубликования статьи. — Но, к сожалению, господин Кинсольвинг ничего не знает о прощении Иисуса».

Это, пожалуй, был единственный случай, когда Кэтрин, хотя бы и в личном разговоре, говорила что-то против того, кто нападал на нее. Кинсольвинг, со своей стороны, показал свою библейскую безграмотность, назвав ее дар слова знания «телепатией», насмеялся над ее ораторским стилем, называя его «невероятной сентиментальщиной».

Кэтрин быстро набросала извинительное письмо, хотя священник-перебежчик и не собирался просить у нее прощения:

«Я всегда буду помнить две вещи — Вашу любезность, что Вы нашли время прислать мне личное уведомление и Ваш сердечный смех (однажды) во время нашего интервью в офисе. Помня эти два случая, я могу простить Вас за все.

Статья не была обидной, и я лишь сожалею, что не могу использовать высокий слог, как это делаете Вы, моя речь остается и всегда будет оставаться на сентиментальном уровне».

Открытость Кэтрин и ее любовь обезоруживали даже тех, кто нападал на нее. И хотя журнал «МС» — печальный орган «Движения за права женщин» — писал о ней с презрением, другие периодические издания, такие как «Тайм», смотрели дальше и видели в ней искру Божью.

Отвечая критикам, Кэтрин любила вспоминать одну из ее «папиных историй». Однажды, говорила она, папа проходил через вращающуюся дверь, «вертушку». Какой-то пьяница

стал петушиться и оттолкнул его. Человек, стоявший рядом, сказал: «И Вы собираетесь позволить ему уйти просто так?» На что Джо Кульман, бывший мэром и самым богатым человеком в городе, тихо ответил: «Я могу позволить себе такую роскошь».

Таково было и отношение Кэтрин к подобным вещам: «Я могу позволить себе дать им уйти просто так. Как Иисус не отвечал, судившим Его, так и я верю, что мой Небесный Отец достаточно велик, чтобы разобраться с любой ситуацией».

Но все же в 1938 году, похоже, даже Бог не был достаточно велик, чтобы «обуздать» Свою упрямую рыжую подручную. Ибо тогда она твердо решила все в своей жизни делать, как ей захочется, невзирая на то, что Бог или Его люди подумают об этом.

Брак Кэтрин с Барроузом Волтрипом, который ради ее любви оставил жену и детей, был больше чем просто ужасной ошибкой. Это был грех — бунт против Бога. В то же самое время это было также суровое испытание — подобно тому, как Моисей, поразив египтянина, вынужден был бежать в землю Мадиамскую, — и это испытание привело Кэтрин к ее полному подчинению совершенному Божьему плану для ее жизни.

Невозможно писать о Кэтрин Кульман, ничего не написав о Боге. Ее жизнь не принадлежала ей самой. Вполне вероятно, что она была дочерью предначертания. Избранной. Посвященной стать Его особым инструментом. И поскольку она предпочла, ввиду некоторых черт своего характера, делавших ее упрямой, бунтовать против Божьего плана для ее жизни, то Бог просто надавил, и она была вынуждена подчиниться Его повелениям. У Бога есть способ взять наше бунтарство, наши грехи, наше позорное неповиновение и переплавить все это в будущую силу и гибкость. Так, когда Кэтрин осознала позднее, что согрешила, она также поняла, что поскольку она все еще бродит по долине мрака, то сможет лучше увидеть Крест и понять значение собственного искушения. Ибо, несмотря на все это, даже когда она «убивала египтянина» и когда путешествовала по ужасной

пустыне, созданной ее неповиновением, все же и тогда рука Божья была на ней.

Все в церкви в Денвере пытались отговорить Кэтрин от брака с Барроузом Волтрипом. И никому это не удалось. Волтрип впервые приехал в «Скинию пробуждения Денвера» в 1937 году. Он приехал по рекомендации Фила Керра, радиопроповедника, и пробыл там почти два месяца. Ему было 38 лет — на восемь лет больше, чем Кэтрин. И он был, как позднее написала она сама, самый красивый мужчина, какого она только видела. Хорошая внешность и хорошие проповеди были удачной комбинацией, и Кэтрин пригласила его снова осенью того же года. В тот раз его жена, Джесси, и два его сына, шести и восьми лет, приехали вместе с ним. Ходили разговоры в то время, что Джесси чувствовала себя неуютно со своим статным темноволосым мужем, который проводил время с рыжей длинноногой Кэтрин. Она хотела быть поблизости, чтобы присматривать за мужем и за Кэтрин. Люди в Денвере находили, что Джесси Волтрип тиха и скромна — идеальная жена для разъезжающего проповедника.

Но что-то произошло во время второго визита Волтрипа в Денвер. Дело это темное. Госпожа Волтрип забрала детей и вернулась в Остин. Им было пора идти в школу. А месяцем позже Волтрип написал ей письмо, сообщая, что он не придет домой. В Денвере же он, однако, объявил, что Джесси ушла от него. Он говорил, что умолял ее остаться, но она отказалась. Обвинив ее в их разрыве, он отправился на север от Мейсон-Сити, в штат Айова, рядом с границей с

Миннесотой. Люди в Мейсон-Сити были в восторге от его проповедей. Они уговаривали его остаться и начать работу, похожую на ту, что вела Кэтрин в Денвере. Это было незадолго до того, как Волтрип получил большое здание, которое он отремонтировал и назвал «Радио-церковь», и с тех пор он также использовал ее для ежедневных радиопередач.

В начале 1938 года Волтрип сделал публичное заявление, что он будет поститься, пока не получит 10 тысяч долларов, необходимые для окончания работ в «часовне». Для поддержки в «выбивании» денег он пригласил группу про-

буждения для проведения собраний в почти отремонтированном здании. Его помощниками стали: Гарри Д. Кларк, руководивший пением, Эллен Галлифорд за пианино и проповедница Кэтрин Кульман.

Кэтрин, которую тогда называли «величайшая женщина-проповедник в Америке», будоражила целые толпы. А ее проповедь в пятницу вечером «Разыскивается человек», была освещена репортерами в «Глоуб газет». На следующее утро передовицы приветствовали читателей словами: «Молодая евангелистка-блондинка прибыла в Радио-церковь». Подзаголовок гласил: «Она подхватит его работу, пока Волтрип продолжает свой пост, чтобы собрать 10 тысяч долларов».

Газетные репортеры схватили самую суть дела: «Привлекательная молодая женщина, почти шести футов роста, со светлыми вьющимися волосами и смеющимися глазами, приехала в Мейсон-Сити, чтобы помочь евангелисту Барроузу А. Волтрипу в его кампании в Радио-церкви».

«Здесь нет какой-либо постоянной или романтической связи, — писала газета в следующем абзаце, — но госпожа Кульман утверждает, что она не хочет уезжать, пока ему нужна ее помощь здесь».

История продолжалась: «Когда репортер выразил удивление, что такая молодая и привлекательная женщина все еще остается незамужней в возрасте 25 лет, она улыбнулась и затем на секунду задумалась, прежде чем ответить: «Возможно, мужчины нашли бы это чересчур напряженным — быть женатым на женщине с моим расписанием работы», — сказала она, смеясь».

Можно предположить, читая пожелтевшие вырезки из январского номера «Глоуб газет» за 1938 год, что Кэтрин тогда уже начала привирать насчет своего возраста. На самом деле ей уже был почти 31 год, но по какой-то причине ей казалось, что будет лучше, если ее последователи будут считать ее моложе. Это была необъяснимая черта ее характера, которая оставалась с ней до самой смерти. Даже когда ей уже было за шестьдесят, она все еще настаивала, чтобы ее радиовыступление предварялось такими словами: «А

сейчас — Кэтрин Кульман, та молодая женщина, которую вы ждали». Когда репортеры «пытали» ее о возрасте, она обычно смеялась и говорила: «Ну, пишите просто — за пятьдесят». Когда же ее припирали к стене, требуя точной цифры, она уходила от ответа. Ее близкие оправдывали ее действия правом женщины скрывать свой возраст.

Кэтрин вернулась в Денвер, но лишь после того, как она и Барроуз выработали план их женитьбы — его развод уже был предрешен. Эллен Галлифорд видела, что этим кончится, еще задолго до того.

«Она начинала чувствовать, что жизнь проходит мимо, — говорила Эллен близкому другу, — что она может упустить наслаждение совместной жизни с мужчиной».

Эллен замечала, что Кэтрин начала меняться. Ее проповеди, когда-то такие динамичные, становились слабыми. Казалось, с сожалением вспоминала Эллен, словно Бог оставил ее саму по себе. У нее еще было довольно силы и личного обаяния, чтобы продолжать все самостоятельно, чтобы дурачить людей какое-то время. Но более наблюдательные члены общины начали осознавать, что «их Кэтрин» уже не была прежней. Упрямая, она была настроена идти своим путем, даже если это означало полное разрушение ее служения.

Но Кэтрин еще не понимала этого. Она часто говорила с А. К. Андерсоном, мудрым отцом Милдред, Люсиль и Байни — «Трио Андерсон». Фактически, Кэтрин проводила большую часть своих отпусков, Рождество и День

Благодарения на даче Андерсонов. У нее была особая любовь к матери Андерсон, и не раз Кэтрин вспоминала, что господин Андерсон сыграл важную роль в восполнении утраты ее отца. Но как только речь заходила о Барроузе Волтрипе, Кэтрин никого не хотела слушать. Она настаивала, что жена Волтрипа покинула его, а это означает, что он свободен и может жениться вновь. Кто-то дал Барроузу книгу, которую он затем передал Кэтрин. Эта книга проповедовала идею, что мужчина и женщина не женаты в глазах Бога, если они не любили друг друга, вступая в брак. На основе этой странной доктрины Волтрип и оправдывал свой развод,

говоря, что он никогда не был женат в глазах Бога (хотя у него было двое детей) и что он свободен жениться на Кэтрин. На самом деле, он утверждал, что поскольку он не любил свою жену, то он «жил в грехе», и вот теперь он раскаялся и начинает праведную жизнь. И, таким образом, теперь, как он говорил, он сможет следовать тому Божьему плану, который все время был у Бога для него, — жениться на стройной молодой рыжеволосой женщине из Денвера.

«Ничего хорошего из этого не выйдет», — предупреждал Кэтрин А. К. Андерсон после того, как Барроуз уехал из Мейсон-Сити. Он говорил ей это, когда они вдвоем ужинали в доме Андерсонов. Но Кэтрин никого не слушала: ни Андерсона, ни Эллен, ни даже Э. Ф. Хьюитта, который просил ее не выходить замуж за Волтрипа.

Андерсоны нанесли специальный визит в Мейсон-Сити, пытаясь урезонить Волтрипа. Они обнаружили, что никто из жителей Мейсон-Сити не знал, что он уже был раньше женат. Волтрип приехал в отель, где остановились Андерсоны, и проговорил с ними до двух часов утра. Временами реплики становились накаленными и даже враждебными. «Если я смогу убедить семью Андерсон, — взорвался Волтрип, — то я смогу завоевать Денвер».

Но ни Андерсоны, ни другие люди в Денвере не могли принять то, что этот брак якобы был частью Божьего плана. Все, что они могли, — это надеяться и молиться, что Кэтрин как-то придет в себя до того, как она совершит необратимое, что разрушит ее служение, над которым они так много трудились.

Кэтрин была одиночкой. Она не принимала советов от тех, кто окружал ее. Подчинение, особенно человеку или группе людей, было не ее учением. «Каждый христианин должен слышать прямо от Бога, — говорила она. Религия опутывает тебя, а христианство освобождает. Подчинение людям — это путы. Я хочу быть свободной и хочу позволить Богу прямо говорить со мной».

Если Кэтрин и имела какую-то большую слабость в ее долгой и плодотворной карьере, то это было ее нежелание подчиняться Божьим людям вокруг нее. Моисей подчинился

старейшинам. Апостол Павел учил христиан подчиняться «один другому». Но, по какой-то странной причине, эта идея пугала ее.

Кэтрин никогда не смогла увидеть, что послушание не отберет ее прав перед Богом и не превратит ее в подобие марионетки, которая подпрыгивает лишь тогда, когда другой дергает за веревочку. В подчинении она могла бы найти необходимый контроль и баланс для принятия решений в своей личной жизни. Если бы она подчинилась в 1938 году, то она не разрушила бы свое служение. Но, упрямая и независимая, она устремилась вперед, настроенная все делать по-своему.

Впрочем, все это является непостижимой истиной. Часто Божий план может быть разрушен неповиновением человека, но тогда должен быть изобретен другой план, который в умелых руках всемогущего Бога оказывается еще лучше, чем первый. Много лет потребовалось, чтобы в жерновах Бога перемолоть бунтарство Кэтрин в послушание, но когда работа была сделана, когда «большая волна» вернула ее к берегу, когда куст загорелся и голос Бога стал снова направлять ее, тогда она была готова к действию.

А в промежутке, однако, была пустыня, пучина моря, темнота отлучения от Бога. Несмотря на все это, она постепенно доедала запретный плод.

Стоя перед своей общиной в Денвере, Кэтрин объявила на воскресном богослужении 15 октября, что Бог открыл ей новый план. Она и Волтрип решили объединить свои служения. Штаб-квартира должна быть в Мейсон-Сити, в штате Айова. Она и Волтрип будут постоянно ездить в Денвер для проведения собраний — 800 миль. «Вместе мы оба сможем сделать гораздо больше, чем каждый порознь», — провозгласила она.

Хотя она и не обмолвилась о замужестве, все, похоже, уже знали об этом. Мрачная тишина повисла в зале. Слухи, которые ходили о том, что Волтрип разводится со своей женой, чтобы жениться на Кэтрин, — все они оказались правдой. Женщины начали всхлипывать. Несколько человек из хора встали и вышли. Мужчины сидели с каменными лицами на скамьях, смотря на Кэтрин с сомнением. Как - она

могла сделать это? Эта женщина, которая читала такие чудесные проповеди о чистоте и святости. Эта женщина, которая была образцом порядочности и духовного соперничества. Неужели все, что она проповедовала, было мифом? Неужели она была неспособна следовать за Господом так, как она старательно побуждала их следовать за Ним в течение последних пяти лет? Где же была внутренняя сила? Мощь? Другие могли согрешить и отпасть от Бога, но только не их лидер. Поскольку ей много было дано, то с нее много и спрашивалось. Она избрала трудную жизнь. Никто не сомневался в этом. Все знали, чем она пожертвовала. Браком, детьми. Только чтобы наладить служение в Денвере. И все это бросить? И от всего отказаться ради разведенного мужчины, оставившего жену и двоих детей? Поступок не стоил того.

«Нет, Кэтрин, не говорите так. Не делайте этого. Пожалуйста!» — это была Эллен Галлифорд, сидевшая за пианино, ее лицо было мертвенно-бледным, а глаза полны слез.

Эрл Хьюитт, управляющий делами Кэтрин и заместитель по проповедям, уронил голову на колени. Он был разбит. Господин Андерсон сидел молча. То, чего он так боялся, произошло.

Кэтрин театрально помахала руками и попыталась не придавать этой ситуации значения. «Разве вы не понимаете? — сказала она с деланным весельем. — Я не покидаю вас. Я еще вернусь».

Но именно Кэтрин-то и не понимала. Люди думали не о ней, а о служении и знали, что, если она последует своему «твердолобому» плану, все будет потеряно. И в тот момент они видели ее, стоявшую перед ними, лишенную Божественного помазания и еще не осознавшую этого. Она была подобна Самсону, который был уже острижен, но вышел принять вызов филистимлян, «...а не знал, что Господь отступил от него» (Суд.16:20).

Собрание кончилось крахом. Кэтрин уходила через боковую дверь. На следующий день рано утром она села на поезд в Де-Мойн, где Волтрип встретил ее и подвез до Мейсон-Сити. Они подали документы на вступление в брак, и она написала,

что ей будет 26 лет в ближайший день рождения, хотя на самом деле ей уже был 31 год. 18 октября 1938 года она была обвенчана в Радио-церкви Волтрипа методистским священником, преподобным Л. Э. Вордлом из Свейдейла, расположенного поблизости.

Только два человека из «Скинии пробуждения Денвера» присутствовали на брачной церемонии — Айна Фукс и Эрл Хьюитт. Перед этим Хьюитт встретился с Кэтрин и объяснил ситуацию. Эллен Галлифорд уволилась из организации Кульман. Она решила остаться в Денвере, чтобы работать с одной из групп, отделившихся от «Скинии». Хьюитт сказал, что Кэтрин больше никогда не пригласят в Денвер. Он предложил ей выкупить ее пай за здание. Она согласилась и вручила ему ключи от своего «царства». Подобно одержимому бесами, она не могла остановиться, раз уж она начала, даже если плата за это уже превысила то, что она могла снести.

На середине служения венчания она упала в обморок. Волтрип помог ей подняться. Держа ее за руку, он помогал ей исполнять оставшиеся обеты. Египтянин был поражен, и перед ней простиралась голая пустыня Мадиямская - пустыня, через которую ей предстояло идти в течение последующих восьми лет.

Глава 6

И куст горит

Как и многие Божьи служители, которые отправились в пустыню из-за своих грехов, Кэтрин вскоре была забыта теми, кого она оставила. Боль воспоминаний была слишком сильна для тех, кто любил ее и следовал за ней. Проще было стереть ее из памяти. А потому большинство ее последователей очистили свою память и быстро заполнили образовавшуюся пустоту новыми делами.

Хьюитт попросил Вильяма Ватсона, одного из лучших евангелистов, который проводил собрания в «Скинии», принять дела от Кульман на следующей неделе. Воскресным утром, однако, обнаружилось, что Ватсон ретировался из города в субботу вечером. Хьюитт сам провел богослужение, но ему не хватило силы. Паства стала разбредаться. Лишь некоторые остались с Хьюиттом. Другие, памятуя о Ватсоне, открыли свою собственную церковь в «Деловой школе Барнса». Одна группа в конце концов примкнула к молодому проповеднику-пятидесятнику, который только начинал работу в Денвере, — Чарльзу Блейру. Но многие, даже слишком многие, вернулись в мир — «побитые», лишенные иллюзий, потерянные для Царства.

Кэтрин возвращалась в Денвер несколько раз после этого. Всегда в одиночестве. И хотя ее всегда принимали в доме Андерсонов, она ни разу не обмолвилась о Барроузе Волтрипе. Слово она и не выходила за него замуж.

Айна Фукс, которая была одной из самых верных помощниц Кэтрин, посетила Радио-церковь в Мейсон-Сити несколько раз. «Все, что делает Кэтрин, — так это сидит позади своего мужа на сцене и плачет», — сообщила она, когда приехала в Денвер.

Когда люди в Мейсон-Сити обнаружили, что Волтрип обманывал их относительно своего первого брака, они тоже стали разбегаться от него. Радио-церковь была закрыта. Барроуз и Кэтрин упаковали чемоданы и незаметно ускользнули в пустоту ночи. Они объявлялись в Канзасе, Орегоне, Аризоне и даже провели некоторое время в Кон-

кордии. Но Кэтрин так же была забыта людьми, как и Моисей египтянами, пока он отбывал свое изгнание в Синайской пустыне.

Два случая во время этого «пустынного изгнания» заслуживают упоминания, ибо они имеют прямую связь с тем, что последовало за этим. Кэтрин начала чувствовать, что ей нужно «прощупать ситуацию», приняв некоторые приглашения проповедовать самостоятельно. Это беспокоило Волтрипа, который хотел, чтобы она была при нем. Впрочем, осознав, что она прежде всего — проповедница, а потом уж — домохозяйка, он позволил ей принять несколько «соло-приглашений». Одно из них было из Питтсбурга, в Пенсильвании. Джек Маньон, пастор большой межконфессиональной церкви, пригласил ее в «город крутых парней» для шестинедельной серии собраний в начале 1943 года. Это был первый визит Кэтрин в Питтсбург, и ее тепло встретили. Маньон полагал, что будет лучше, если люди не узнают о ее замужестве. Таким образом, хотя Волтрип прожил с ней часть этого периода в отеле «Вильям Пенн», Кэтрин согласилась «прятать его под одеялом». Однако пятилетний сынишка Маньона чуть было не разболтал секрет однажды вечером. Когда кто-то спросил его отца, где живет госпожа Кульман, маленький «козленок» стремглав ответил: «О, она живет в отеле с каким-то мужиком». Маньону пришлось наскоро придумывать объяснение, чтобы замять это дело.

Во время этого путешествия в Питтсбург, Кэтрин быстро подружилась со стройной и гибкой Мэгги Хартнер, инспектором телефонной компании, которая позднее сыграла большую роль в ее жизни. Мисс Хартнер жила со своей матерью и была членом церкви Маньона. Она продолжала переписываться с Кэтрин после того, как та вернулась на Западное побережье, и позднее стала ее секретарем и самой близкой подругой.

Другое событие произошло в Портленде, в штате Орегон, вскоре после того, как Кэтрин уехала из Питтсбурга. Груз ее замужества висел на ней. Несколько раз, когда ее «пытали» газетчики, она решительно отрицала свой брак, говоря, что

это всего лишь слух, распространяемый ее врагами в Денвере. Ее сестра, Миртл, рассказала своему пастору в Портленде о служении Кэтрин. Впрочем, она также не смогла упомянуть, что Кэтрин замужем за разведенным мужчиной. Пастор был восхищен Кэтрин, и после того как она нанесла визит в Портленд и проповедовала в его большой церкви, он пригласил ее снова для проведения серии собраний. Затем, в субботу перед началом этой серии, пастору срочно позвонил один из лидеров его церкви: «Вы знаете, что эта женщина-евангелистка, которую вы пригласили проповедовать для нас, замужем за разведенным мужчиной?»

Пастор был шокирован. «И это еще не все, — продолжал его собеседник, — тот мужчина оставил свою жену и двоих маленьких детей, чтобы жениться на Кэтрин. Это разрушило ее служения в Денвере и вызывало проблемы везде, куда бы она ни приезжала».

В тот же вечер пастор, не откладывая тяжелый разговор, позвонил ей. Когда Кэтрин, которая уже приехала в Портленд, сняла трубку, он сказал: «Если бы я знал правду заранее! Теперь же у меня нет иного выбора, как отменить собрания. В противном случае это разрушит и мое служение».

Это ранило ее. Сильно. Кэтрин села в машину и поехала по пригородам Портленда, рыдая. Она отсутствовала почти шесть часов, ведя машину и плача. Неужели это был ее жребий на всю оставшуюся жизнь? Не призвал ли ее Бог, чтобы проповедовать? Как выполнить ей Его задание, если слухи преследовали ее по всей Америке, заставляя двери церквей захлопываться перед ней? Снова и снова в тот темный вечер она продолжала задавать себе вопрос

Джона Мильтона: «Если Бог сделал свою дневную работу, то нужно ли тушить свет?» Все же она знала в своем сердце, что ответ Мильтона не годится в ее ситуации. Ибо решение просто «стоять и ждать» не исправит положения. Нужны были более решительные действия. Ноша вины становилась тяжелее, чем она могла нести.

Похоже, никто не знал наверняка, когда она ушла от него. В 1952 году в интервью для «Денвер пост» она сказала: «Он

обвиняет меня — и это правда, — что я отказалась жить с ним. Вот уже восемь лет, как я с ним не виделась».

Разрыв последовал в 1944 году, и, пожалуй, это правильная дата. Это означает, что они жили вместе большую часть тех шести лет. Она говорила мне в один из тех редких периодов, когда ей нравилось предаваться ностальгии: «Мне нужно было сделать выбор. Кому же служить: человеку, которого я люблю, или Богу, Которого я люблю. Я знаю, что не смогу служить Богу и жить с Мистером (она звала его «Мистер» с того первого раза, как они познакомились). Никто никогда не узнает ту боль смерти так, как познала ее я, ибо я любила его больше, чем я любила саму жизнь. А было время, когда я любила его больше Бога. И, наконец, я была вынуждена сказать, что я ухожу. Бог никогда не освобождал меня от первоначального призвания. И я жила не только с ним, я вынуждена была жить с моей совестью, и обличение Святого Духа было почти непереносимо. Я устала от попыток оправдать себя. Устала».

«Однажды вечером, — продолжала она, и глаза ее были полны слез, когда она рассказывала, — я ушла из квартиры — она была на окраине Лос-Анджелеса — и очутилась на тенистой улице. Солнце проглядывало сквозь большие ветви деревьев, что сплетались над дорогой. В конце квартала я увидела дорожный указатель. На нем было написано просто: «ТУПИК». И туг я ощутила боль в сердце, такую великую боль в сердце, что ее нельзя выразить словами. Если вы думаете, что легко идти на крест, то это просто только потому, что вы там никогда не были. Я была там. Я знаю. И мне нужно было идти одной. Я не знала ничего о силе Третьей Личности в Троице, которая была доступна всем. Я знала лишь, что было 4 часа в субботу вечером и что я должна вернуться на то место в моей жизни, где я смогла бы отбросить все в моей жизни — даже Мистера — и умереть.

И я сказала громко: «Дорогой Иисус, я полностью сдаюсь. Я все отдаю Тебе. Возьми мое тело. Возьми мое сердце. Все, что я есть, — Твое. Я вверяю все это Тебе, в Твои чудесные руки».

За 6 лет Кэтрин уже узнала, что она обманывала себя, пытаюсь найти Божье благословение и не желая жить по Божьим заповедям. И все это время она и Барроуз стояли вместе за кафедрой, проповедуя покаяние и все же понимая глубоко внутри себя, что они сами живут в нераскаянном неповиновении Богу. Они были сосудами, из которых другие пили воду жизни, а их собственные уста были запечатаны, они не могли утолить свою жажду из того самого источника, откуда они поили других. Многие вошли в новое общение с Иисусом Христом. Некоторые даже были исцелены. Ибо Бог обещал, что «...слово Мое, которое исходит из уст Моих, — оно не возвращается ко Мне тщетным, но исполняет то, что Мне угодно, и совершает то, для чего Я послал его» (Ис.55:11). Но с безграничной печалью Кэтрин осознавала, что она стала подобной тем большим каменным львам, чьи изображения она видела в Европе, — с водой, изливающейся у них из пасти. Они давали воду всем тем, кто жаждал, но сами не могли пить, ибо они были сделаны из камня. Ее сердце стало подобно каменному.

Месяцами, всякий раз, когда она открывала Библию, ее глаза сами останавливались на книге Притчей. Казалось, эта особенная книга была специально помещена в центре так, что почти каждый раз, когда она падала на кровать, плача, и ее Библия падала рядом, она открывалась сама собой на Притчах.

«Что город разрушенный, без стен, то — человек, не владеющий духом своим» (Пр.25:28).

«Сладок для человека хлеб, приобретенный неправдою; но после — рот его наполняется дресвою» (Пр.20:17).

«Скрывающий свои преступления не будет иметь успеха; а кто сознается и оставляет их, тот будет помилован» (Пр.28:13).

И про Барроуза: «Праведник ходит в своей непорочности: блаженны дети его после него!» (Пр.20:7). Все же дети его, тогда подростки, должны были расти без отца.

Кэтрин знала, изучая Слово Божье и имея опыт общения с Ним, как с любящим отцом, знала, что Богу по силам взять даже невозможную семейную ситуацию, рожденную в грехе и

бунтарстве, и обратить ее в нечто чистое и святое без разрушения семейных уз. Она много раз видела подобное среди своих друзей. Она видела, что другие делают то же самое, что и они с Барроузом, и замечала, как Бог слышал их крик исповедания грехов и их мольбу о прощении и как Он даровал им новые сердца вместе со Своим позволением оставаться вместе. И вот из-за этих примеров Кэтрин и Барроуз двигались вперед, им казалось, что Бог поступит с ними похожим образом. Но они совершали огромную ошибку. Они смотрели на то, как Бог поступает с другими, пытались извлечь уроки из этих случаев, но не пытались найти совершенный Божественный план для своих жизней. Кэтрин забыла, что она — уникальный человек. Ибо кому много дано, с того много и спросится.

Кэтрин узнала, когда ей было еще 14 лет, что ей предназначено быть иной. Она предизбрана заниматься делами ее Отца. И это наводило на мысль о том, что она должна быть непоколебимой. Но тогда как могла она продолжать жить в связи, которая не только раздражала Бога, но и фактически мешала ей достичь всего того, что Бог запланировал для нее?

Она думала о том времени, когда они сидели вместе за завтраком, а кровать в спальне была еще теплой и измятой, и они просили Бога благословить пищу, зная в то же самое время, что Он не может благословить их самих. В течение 6 лет они играли в свои игры. Но она не могла больше играть. Она должна была выбрать.

Раскаяться — означало вернуться назад. Кэтрин Кульман сделала это в тот субботний вечер на тенистой улице в Калифорнии. Она умерла в тот день. Она стала семенем, готовым упасть в почву и быть похороненным. Ничего не видя от слез, она повернулась и пошла обратно по той же улице, по которой она пришла.

Спустя три дня, стоя на железнодорожном вокзале в Лос-Анджелесе, теперь уже полностью выплакавшись, она в последний раз посмотрела на Мистера. Она стояла молча. Его черные как смоль волосы уже начинали седеть на висках. Его лицо, такое смуглое и гладкое, когда она его встретила,

теперь покрылось морщинами. Значительная часть ее жизни была уже позади, а ей нечем было особо гордиться. Все, что у нее было, — это билет в один конец до Франклина, в штате Пенсильвания, куда ее пригласили на две недели для проведения собраний. Они стояли на платформе, неловко держа друг друга за руки, ожидая, когда проводник скажет: «Садитесь в вагоны!» Кэтрин безучастно смотрела на тяжелые колеса пассажирского вагона и вспоминала тот день, когда они с Миртл в Конкордии садились на поезд до Канзас-Сити. Только на этот раз у нее не будет рядом любящей сестры. Теперь она была одна.

«А куда после Франклина?» — нервно спросил Барроуз, осознавая, что он прерывает размышления, в которых ему больше нет места.

«Я не знаю, — ответила Кэтрин, не отрывая взгляда от железных колес, стоящих на рельсах. — Я знаю лишь, что мне надо ехать. Я должна следовать за Ним».

Барроуз сжал ее руку. Нежно. Он тоже знал. Он знал, что они обманывали друг друга все это время. Он знал, что Кэтрин уже не его. И никогда не была. И сейчас они пришли к тому моменту истины, когда они снова должны отпустить друг друга. Кэтрин приняла решение. Она приняла его три дня назад, когда она пришла домой и сказала ему, что уходит. А что же он? Сможет ли он вернуться в Остин и воссоединиться со своей семьей? Мысленно он покачал головой. Если это означает, что он должен будет скитаться по морю жизни, словно корабль-призрак, никогда не приставая к берегу, ускользая в тупик, чтобы не быть обнаруженным, если это — его жребий, то он должен будет закалить свою душу и принять свою участь. Ибо несмотря на все, Барроуз Волтрип был, да, он был Божьим человеком — и он видел руку своего Господа на этой женщине, которая всего несколько дней назад была его женой. Он тоже знал, что она изменилась. Он чувствовал это изменение все время. Но он все же надеялся, что каким-либо образом он сможет сам установить правила игры и победить. Теперь же они оба, стоя рядом на грязной деревянной платформе вокзала,

знали, что они уже не принадлежат себе. Они принадлежали Другому.

И теперь Он требовал от нее того, что она обещала Ему на той тенистой улице. Паровозный пар ударил по рельсам, и загудел гудок. Молодожены, стоявшие рядом с ними на платформе, поцеловались, обняли друг друга, и мужчина стал подниматься по серо-зеленым ступеням в вагон.

«Все по вагонам!» — проводник бойко вскочил в вагон. Проводники других вагонов в белых костюмах подняли маленькие стульчики, стоявшие у входа, и вошли в тамбур.

«Если ты сядешь на этот поезд, ты никогда меня не увидишь, — мягко сказал Барроуз. — Я никогда уже не появлюсь в твоей жизни или на твоём служении».

Только одному Богу известно, что сказала Кэтрин в ответ, ибо никто до сего дня не знает, что стало с Барроузом А. Волтрипом старшим. После того, как она взяла протянутую руку проводника и поднялась в вагон Восточного поезда, Барроуз Волтрип исчез из ее жизни. Он сдержал свое обещание. До последней буквы.

Насколько мне известно, она никогда не получала от него известий. За исключением одного случая. Я был в ее офисе в «Карльтон-Хаус» в 1970 году, неделю спустя после Дня святого Валентина*. Она закрыла дверь и подошла к столу. Очень медленно она вынула поздравительную открытку из верхнего ящика, держа ее, как священный пергамент. Перегнувшись через стол, она вручила ее мне. «Взгляните-ка, ну как вам это?» — прошептала она хриплым голосом.

Это была простая открытка с надписью: «Будь моей Валентиной» и с двумя красными сердечками, соединенными золотой стрелой. На открытке чернилами были написаны два слова: «Любовь, Мистер».

Я поднял глаза на Кэтрин. Ее лицо было обращено к потолку, глаза плотно закрыты, слезы выступали у век и образовывали два крошечных ручейка на ее стареющих щеках. «Никто! — прошептала она. — Никто не узнает, чего стоило мне сегодняшнее служение. Только Иисус знает».

Я незаметно выскользнул через приемную, побежал по коридору к лифту, а затем вниз — в вестибюль здания, И

если таково было значение Креста для Кэтрин Кульман, то что он должен значить для меня? Я был готов, по крайней мере, в тот момент, ответить на этот вопрос в моей жизни.

Но хотя то решение в Калифорнии и было принято, путь был отнюдь не гладок. Путешествуя в одиночку, Кэтрин сначала приехала во Франклин, а затем выехала оттуда, пытаясь начать все снова. Огайо. Иллинойс. Индиана. Снова Западная Вирджиния. Почти везде, куда она приезжала, она встречала то же самое сопротивление. Все знали о Волтрипе и о скандале в Денвере. Это было подобно тому, как если бы некто убил альбатроса и носил тушу на своих плечах, а затем зловоние осталось на долгое время. Торо* писал, что нет более мерзкого запаха, чем тот, который издает испорченная добродетель. Она поехала на юг.

***Торо Генри — (1817-1862) американский писатель и публицист. Два года прожил в лесном шалаше. Произведения: «Гражданское неповиновение» (1849); «Уолден, или жизнь в лесу» (1854). — Прим. пер.**

Вирджиния. Каролина. И, наконец, в конце 1945 года она завернула в Колумбус, в штате Джорджия. В каждом городе все было одинаково, ее методика не изменилась, только теперь для женщины средних лет все это было труднее. Она арендовала помещение, печатала объявления в газетах, покупала время на радио для рекламы собраний. Люди в Колумбусе откликнулись. На третий вечер зал был полон. И тут кто-то начал «принюхиваться» к альбатросу. Был звонок в Денвер, затем — в Мейсон-Сити в Айове. Потом кто-то позвонил в газету, и газетчики приехали для интервью с утомленной от битвы евангелисткой. Кэтрин стала уклоняться от интервью, что было самым худшим из всего, что она могла сделать. Газетчики, разнюхав историю, приступили к работе. Через два дня, после того как все собранные материалы были опубликованы, Кэтрин уже ехала на автобусе назад на север. Прием на юге был не слишком теплым в ту осень.

Все же ее дни в пустыне заканчивались. И хотя впереди были еще сражения, она была уже на грани прорыва такой силы, что даже Кэтрин, со всеми ее мечтами и видениями, не

могла себе представить. Подобно Моисею в пустыне, который пас овец и козлов с выжженными зноем пустыни гордыней и эгоизмом, так и Кэтрин шла к своему кусту, который вот-вот должен был загореться. И уже почти пришло то время, когда ей надлежало услышать голос Бога из чудесного огня, дающий ей новые инструкции для следующей фазы ее жизни.

Это случилось во Франклине, в штате Пенсильвания, в городе с 10 000 жителей, на северо-западе штата, между Питтсбургом и Эри. Был февральский день с трескучим морозом и снежными шквалами, выметающими улицы города, когда Кэтрин вышла из автобуса и направилась к телефонной будке, чтобы позвонить Мэтью Дж. Мэлони. Мэлони, который владел «Скинией Евангелия», был под впечатлением проповедей Кэтрин, когда она посетила Франклин раньше с двухнедельной серией собраний в знаменитом здании, где евангелист Билли Санди обрел свою славу. Он руководил советом попечителей в «Скинии» и пригласил ее вернуться во Франклин для проведения еще одной серии собраний в низком, приземистом здании, расположенном на углу улиц Оттер и Двенадцатой, вблизи центра города.

Но почему Кэтрин снова вернулась во Франклин, осталось еще одной тайной, которые во множестве окружали ее жизненный путь. Возможно, это случилось потому, что Франклин был одним из тех немногих мест, где она проповедовала и где никто не поднимал вопроса о ее замужестве. Возможно, что просто городок был так удален, что его жители едва ли смогли бы вообще что-то раскопать об этом деле. Или, возможно, просто Бог прямо указал ей вернуться. Наверное, никто не знает об этом. Но, так или иначе, в начале 1946 года, спустя почти два года после того, как она распрощалась с Волтрипом, она вышла из автобуса во Франклине, чтобы начать новую главу своей жизни.

Дела шли хорошо. Старая «Скиния» была рассчитана на 1500 посадочных мест, и она была заполнена с первого же собрания. Вдохновленная таким приемом, Кэтрин начала расширять деятельность. Радио было естественным средством.

Весной 1946 года, в красивом черном платье, в длинных лайковых перчатках и в шляпке от Карнеги Хэтти, Кэтрин вошла в офис одной местной радиостанции в пригороде Ойл-Сити. Она сказала секретарше, что хотела бы видеть директора программ, Фрэнка Шаффера. Ее провели в его крохотный офис, и она сообщила ему вежливо, но решительно, что пришла, чтобы купить эфирное время. Как говорила Кларенс Пелаги из местной газеты «Деррик», Шаффер имел раздражающую привычку, которая испытывала терпение его посетителей. Медленно и тщательно он доставал свою трубку, насыпал в нее табак, уплотнял его и потихоньку потягивал, пока она не разгоралась. Производя все эти манипуляции, он пребывал в полном молчании, игнорируя посетителя, пришедшего в офис, и сосредотачивая все свое внимание на трубке.

Кэтрин стояла у его стола, смотрела на безучастного работника радио, выдержав это испытание в течение довольно долгого времени, а затем сказала: «Молодой человек, вы собираетесь продавать мне время или нет? У меня нет настроения заниматься ерундой, И не испытывайте мое терпение, это добром не кончится».

Шаффер был удивлен. Он не привык, чтобы люди так с ним говорили, особенно женщины, и к тому же женщины, желающие купить время для религиозных программ. Большинство из них были так запуганы, что или уходили ни с чем, или соглашались купить время в какой-то Богом забытый час дня. Шаффер положил свою трубку в пепельницу, вытащил листок с расценками на время и приступил к работе.

Сотрудники радиостанции наблюдали эту перемену с нескрываемым наслаждением. Хотя они не могли слышать разговора, поскольку все происходило в аппаратной комнате, они видели их через стеклянные окошки и сразу поняли, что Шаффер встретил достойного противника.

Кэтрин задала несколько обычных вопросов о мощности передатчика, о той территории, которая покрывается вещанием, и о числе слушателей. Она настаивала на определенном времени каждое утро, и она получила его. Она ушла, так и не спросив о плате. Если Бог сказал ей начать вещание

и дал ей это время, то она предоставляла Ему все заботы о плате. По этой схеме она действовала до конца своей жизни.

Кэтрин начала совершать ежедневные поездки от Франклина до Ойл-Сити — 8 миль в один конец. Радиостанция находилась на 3-м этаже «Вич-Билдинг». Перед выходом в эфир она обычно болтала с Руфью Литл, секретаршей и бухгалтером, а также с другими сотрудниками. Но она тщательно скрывала свое прошлое.

Кэтрин особенно нравился Тед Финнеси из Рузвилля, который объявлял ее программы. Ей было приятно, как он представлял ее: «А вот та молодая женщина, которую вы все ждали». Она просила, чтобы на радиостанции всегда держали записи выступления Финнеси под рукой, и когда не будет возможности представить ее, чтобы использовали записи, а не другого ведущего. Финнеси, который был католиком, всегда осенял себя крестным знамением, когда представлял Кэтрин. Но его серьезность кончалась на этом, и часто во время передачи он стоял по другую сторону стеклянной перегородки, подражая Кэтрин, игриво передразнивая ее жесты и выражение лица, пытаясь имитировать ее смех. Кэтрин нравилось это, и другие сотрудники иногда корчились от смеха за звуконепроницаемой перегородкой, наблюдая за Финнеси и Кэтрин, которые поддразнивали друг друга через стекло.

Выступления Кэтрин, впрочем, вызывали проблемы на станции. Единственный подходящий микрофон был настольного типа. Временами Кэтрин так возбуждалась во время передачи, что наклонялась очень близко к микрофону, и казалось, что она кусает его. Это заставляло инженера производить неистовые действия в попытках отрегулировать уровень звука. Проблема была решена путем привинчивания микрофона к противоположной стороне стола. Позднее станция закупила микрофоны на «журавле» специально для экспансивной проповедницы из Франклина.

К середине лета слава Кэтрин возросла, и она задействовала также радиостанцию в Питтсбурге, в дополнение к программам, ведущимся из Ойл-Сити. Впрочем, эта слава вызывала и проблемы. Многие люди хотели пообщаться с

ней лично, и, не будучи в состоянии сделать это на собраниях в «Скинии», они приходили на радиостанцию. Они сидели в холле и наблюдали за Кэтрин через большое стеклянное окно. Скоро весь холл был так набит людьми, что сотрудники станции не могли выполнять свою работу. Когда некоторые начали реагировать на радиопроповеди слишком эмоционально и даже истерически, крича Богу о своих грехах или плача, чувствуя обличение, работникам радио пришлось выпроводить всех посетителей из студии.

Другой проблемой стала лавина корреспонденции. Письма приходили на станцию мешками. Финнеси, которому нравилось дразнить «Катю» относительно ее хорошеньких ножек, говоря, что ей следовало бы выступать на сцене, а не стоять за кафедрой, часто рылся в письмах, во многих из которых были деньги. Обнаружив конверт с мелочью, которая звенела внутри, он отбрасывал его, спрашивая Кэтрин: «Тебе ведь не нужна эта жалкая мелочь, не правда ли?»

Когда Кэтрин однажды сказала в эфире, что она только что порвала свои последние нейлоновые чулки (а нейлон было очень трудно купить после войны), станция была завалена пакетами с нейлоновыми чулками от благодарных слушателей. Подобное же произошло, когда она однажды обмолвилась, что потеряла свой зонтик. Персонал радиостанции был рад, когда она наконец перебралась в Питтсбург, так что они смогли вернуться к нормальной работе. Но все они понимали, что уже никогда у них не будет такой эффектной программы, как программа Кэтрин Кульман.

Впрочем, перед тем, как перебраться на юг, в большой город, ей предстояло еще преодолеть некоторые препятствия во Франклине и пережить чудеса. Несколько раз Кэтрин проповедовала об исцелении. И что-то происходило. Она всегда заканчивала богослужения призывами к покаянию, приглашая людей «родиться заново». Неизменно вокруг алтаря образовывалась толпа молящихся на коленях людей, они также молились на сцене и в проходах. И результаты были почти такими же, когда она открыла «очередь на исцеление». Заимствуя идеи популярных «целителей верой», которые разъезжали по всей стране, она

обычно просила всех больных выйти вперед, после чего она возлагала на них руки и просила Бога исцелить их. Результаты не были впечатляющими, но они были. Несколько человек исцелились. И никто не был удивлен и даже смущен больше, чем сама Кэтрин. Она была настроена узнать больше об этом физическом проявлении Бога.

«В своем сердце я знала, что это было исцеление, — говорила она. — Я слышала свидетельства от тех, кто был исцелен. Это было настоящее, это было подлинное, но в чем же был ключ?»

Была ли это вера? Если так, то, что такое вера? Было ли это тем, что можно произвести, выработать в себе? Было ли это чем-то таким, что можно получить через собственные добродетели или хорошее моральное поведение? Можно ли было добыть это в обмен на служение Богу или приобрести это посредством благотворительной деятельности? И в ком обитает вера? В том, кто болен? Или в том, кто ведет исцелительное собрание? Или же в толпе, которая окружает больного? Или во всех них одновременно? Наверняка это не происходило по произволу судьбы. Если Иисус исцелял всех, кого приводили к Нему, как говорит Библия, и если Он велел своим ученикам делать еще более великие дела, чем Он Сам делал, то почему тогда было не так много исцелений?

Когда Кэтрин увидела объявление, гласившее, что «исцеляющий евангелист» проводит палаточные собрания в Эри, она решила пойти туда. Хотя у Кэтрин были сомнения относительно сенсационности, которая обычно сопровождала подобные собрания, она знала, что не успокоится, пока не посетит подобное богослужение. Возможно, вполне возможно, что они нашли секрет, как высвободить Божью силу исцеления для больных и умирающих.

Это был тяжелый урок для Кэтрин. Один из самых тяжелых в ее жизни. Она ехала в Эри одна, намереваясь остаться инкогнито. Гигантская палатка была разбита на южной окраине города. Когда она въехала в парковочную зону, она увидела таблички с объявлениями: «Чудесное пробуждение.

Зрение для слепых! Слух для глухих! Сила для обретения богатства!»

Заняв место в заднем ряду, она стала ждать. Едва евангелист вышел на помост, он стал подобен снаряду, выпущенному из пушки. В один миг он вскарабкался на длинную скамью позади кафедры и стал по ней ходить. А затем он по-лягушачьи перепрыгнул через саму кафедру. Аудитория пришла в неистовство, крича, визжа, почти что выходя из-под контроля. Кэтрин позднее описывала это как «ночной кошмар, ставший реальностью».

Во время богослужения он устроил аукцион по продаже кусков своей старой палатки, обещая, что тем, кто предложит наибольшую сумму, эти куски принесут здоровье и процветание, если они будут носить их под одеждой на теле или класть на ночь под подушку. Когда же напряжение на собрании возросло, проповедник начал визжать, говоря, что он чувствует, как «волшебная сила сошла на него», сила, в которой он узнает «помазание Святого Духа», позволяющее ему возлагать руки на больных, дабы они исцелились. Люди столпились в проходах, раскачиваясь назад и вперед. Когда же собрание достигло пика неистовства, выстроилась очередь на исцеление. Эта очередь показала, что собрание на самом деле не было стихийным, ибо каждый, кто хотел состоять в ней,

должен был предварительно получить свой номер у входа. Таким образом Кэтрин отметила для себя с унынием, что люди должны были ждать иногда по нескольку дней, пока подойдет их номер. И кроме того, как мог евангелист помолиться индивидуально с каждым из многих страждущих всего за один вечер?

Люди вставали друг за другом по номерам. Евангелист шел вдоль очереди, подходил к больным, сверял карточки с номерами, хлопал людей по головам и говорил им: «Будь исцелен!» Многие из них валялись на пол. Другие кричали и шатались. Но от внимания Кэтрин не ускользнуло, что пациенты с более серьезными болезнями выводились из очереди в «инвалидную палатку», подальше от любопытных глаз. В то время как некоторые, похоже, действительно по-

лучили помощь — возможно, даже были исцелены — большинство тех, которые бросили свои костыли и которым якобы помогали вне палатки симпатичные «возлюбленные братья», — эти в конце концов вообще были не в состоянии ходить. И этим людям проповедник объяснял, что их вера еще недостаточно сильна и что им следует еще раз прийти на собрание, чтобы получить еще больше исцеления.

Говоря о том вечере, Кэтрин вспоминала: «Я начала плакать. Я не могла остановиться. Выражение отчаяния и разочарования на лицах людей, когда им объясняли, что лишь недостаток веры удерживал их от Божественного исцеления, — это выражение преследовало меня неделями. Был ли это Бог, всеблагий и сострадающий? Я вышла из палатки и с горячими слезами, текущими по лицу, посмотрела вверх и закричала: "Они отняли у меня моего Господа, и я не ведаю, куда они Его подевали!"»

Спустя годы Кэтрин писала: «Я не смогла увидеть руки Бога в том избытке человеческого рвения, но я видела тот вред, который наносился объяснением, что «нехватка веры» — это причина того, что некоторые не получали своего исцеления. Внутри себя я была сломлена: мое сердце говорило мне, что Бог может сделать все; мой разум говорил мне, что из-за своего невежества и недостаточного духовного познания многие бросают упрек тому, что на самом

деле является священным и чудесным, и доступным всем. Ни один проповедник не должен был говорить мне о том, что сила Божья — это реальность... Я была в этом уверена из чтения Слова Божьего. И Слово говорило об этом, и обещание было дано: нет изменения ума Божьего, и, естественно, нет отмены обещаний. Я думаю, что никто еще не жаждал так ревностно истины, как я, — никто еще не искал ее сильнее».

Все же она не нашла истины, которую искала, в той «исцеляющей палатке». Ее следовало искать в ином месте.

По счастью, Кэтрин выучила ценный урок в свои молодые годы. Она выучила, что единственный путь обретения истины — это прийти к Господу с искренним сердцем и позволить

Ему дать ей Свои откровения из Своего Слова. Итак, она снова обратилась к Библии за ответами.

«Когда Иисус умер на кресте и воскликнул: «Свершилось!», Он умер не только за наши грехи, но и за наши болезни, — говорила она мне. — У меня ушло несколько месяцев, чтобы это осознать, ибо меня не учили, что есть также и телесное исцеление в искупительной жертве Христа. Но затем я прочла у пророка Исаии: «Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились» (Ис.53:5). Тогда у меня не осталось другого выбора, кроме как признать, что Иисус умер не только для того, чтобы обеспечить нам путь на Небеса, но и чтобы дать нам исцеление.

Я знала, что если я даже проживу жизнь и умру, так и не увидев ни одного чудесного исцеления, подобного тому, что видели апостолы в Книге Деяний, то это не изменит слова Бога, — говорила Кэтрин. — Бог сказал так. Он обеспечил это в нашем искуплении на Голгофе. И тот факт, увижу ли я это или нет своими собственными глазами, не изменит того, что это было так».

Укрепившись этим новым видом веры, — не верой в исцеление, но верой в Бога — Кэтрин начала проповедовать с новым рвением, основываясь на учении о Святом Духе. Каким-то образом она поняла, что именно Святой Дух выполняет работу Иисуса.

В воскресенье 27 апреля 1947 года Кэтрин начала серию проповедей о Святом Духе. Она подключилась к той духовной деятельности, из которой черпала энергию до конца своей жизни.

«Я вижу в своем духе три личности Святой троицы, сидящие за большим столом для конференций еще до того, как было начато сотворение Земли. Бог, Отец, сообщает остальным, что хотя Он творит человека для общения с Ним, но человек согрешит и, таким образом, разорвет это общение. И единственный путь, чтобы восстановить это общение, — это если кто-то заплатит за этот грех. Ибо если никто не сделает этого, то человеку придется платить за свой грех

несчастьем, болезнью, смертью и, естественно, вечными мучениями в преисподней.

После того как Отец закончил излагать свои мысли, Его Сын, Иисус, начинает говорить: «Я пойду. Я приму образ человека и спущусь на Землю, чтобы заплатить эту цену. Я добровольно умру на кресте, дабы человек мог быть восстановлен в полном общении с Нами».

Затем Иисус обращается к Святому Духу и говорит: «Но Я не смогу пойти, если Ты не пойдешь со мной, ибо именно у Тебя сила».

Святой Дух отвечает: «Ты пойдешь первым, а когда подойдет время, Я присоединюсь к Тебе на Земле».

Итак, Иисус отправился на Землю, был рожден в яслях для скота и постепенно возмужал. Но хотя Он и был истинным Сыном Божиим, до времени Он был как бы бессилен. И тогда пришел тот чудесный момент на реке Иордан, когда Иисус, выйдя из воды после крещения, посмотрел вверх и увидел Святого Духа, сходящего на Него в виде голубя. Это, должно быть, был один из самых волнующих моментов, которые пережил Иисус, пока Он ходил во плоти по нашей Земле. И я почти что слышу, как Святой Дух шептал в Его ухо: «Теперь Я здесь. Все происходит, как мы задумали. И вот теперь-то и начнутся настоящие дела».

И они действительно начались. Исполненный Духа, Он внезапно обрел силу исцелять больных, заставлять слепых видеть и воскрешать мертвых. Это было время чудес. Они продолжались три года, а затем, в самом конце, как говорит Библия, «Он испустил дух», и Дух вернулся к Отцу.

После того как Тело Иисуса пролежало три дня в гробнице, эта могучая третья личность Троицы, Святой Дух, вернулась. Иисус вышел из гробницы в теле, сияющем славой. Он больше не творил чудес в то короткое время, как Он еще был на Земле, но Он дал своим ученикам великое обетование — величайшее обетование во всей Библии. Он сказал, что тот же самый Святой Дух, который жил в Нем, вернется и будет жить во всех тех, кто откроет свои жизни для Его силы. Те же самые вещи, что Он, Иисус, делал, будут делать и Его ученики. Фактически, даже более великие вещи будут

сделаны, поскольку теперь Святой Дух не будет ограничен только одним телом, но Он будет свободен жить везде в тех, кто примет Его».

Кэтрин сделала паузу. Она никогда раньше так не проповедовала. Это было новым откровением. Новой истиной. И все шло прямо из Библии. Она задрожала, когда стала продолжать: «Его последними словами перед тем, как Он был вознесен на Небо, были: «Но вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой» (Деян.1:8). Бог Отец дал Ему подарок. Теперь же Он вручил его Церкви. Всякая церковь должна была пережить чудеса Пятидесятницы. Каждая церковь должна была видеть исцеления Книги Деяний. Этот дар — для всех нас».

Ошеломленная тем, что она сама сказала, Кэтрин ушла сразу, как только закончилось собрание, оставив служение у алтаря группе людей, которые вышли вперед помогать ей. Она не спала всю ту ночь, расхаживая взад и вперед по своей маленькой комнате в мансарде на третьем этаже в здании «Женского делового клуба», проводя время в молитве и чтении Библии. Она словно бы стояла с Симоном Петром, когда Иисус сказал ему: «...блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах...» (Мат.16:17).

На следующий вечер она снова была в «Скинии». Зал был наполнен людьми, и их лица выражали ожидание. Все места на длинных деревянных скамьях были заняты. Гигантские стропила с открытыми балками радостно резонировали, когда она вошла в зал. Люди пришли, ожидая чудес.

Едва Кэтрин начала проповедь, как по залу прошло волнение. Одна женщина вышла вперед. Она подняла руку вверх: «Кэтрин, могу я кое-что сказать?»

Кэтрин посмотрела на нее. Пышка. Около пятидесяти. Одета в серый твидовый костюм, на голове — черная соломенная шляпка, украшенная маленьким белым цветком. Кэтрин держала в правой руке сумочку, а левой рукой махала в воздухе: «Давайте, милочка, конечно вы можете сказать».

Женщина вышла вперед в первый ряд и встала рядом с Кэтрин, их разделяла только длинная труба, на которой

крепился алтарный занавес, подвешенный на маленьких медных кольцах. Она заговорила мягким голосом:

«Прошлым вечером, когда Вы проповедовали, я была исцелена».

Кэтрин была ошеломлена. Она попыталась что-то сказать, но после двух неудачных попыток ей пришлось замолчать. Наконец ей удалось произнести: «Где же Вы были, когда это произошло?»

«Я просто сидела здесь, в зале», — улыбнулась дама.

«А как Вы узнали, что исцелились?» — если это было от Бога, то могло выдержать любую проверку.

«У меня была опухоль, — робко сказала женщина. — Ее обнаружил мой доктор. Пока вы проповедовали, что-то случилось в моем теле. Я была так уверена, что это исцеление, что пошла к доктору сегодня утром, и он проверил это. Опухоли больше нет».

Не было никакой очереди на исцеление с номерками. Никакой молитвы. Чудо произошло, пока Кэтрин просто проповедовала о силе Святого Духа.

Целую неделю Кэтрин размышляла о том, что произошло. Затем, в следующее воскресенье, случилось другое чудо, еще более впечатляющее. В 1925 году Джордж Орт, ветеран первой мировой войны и методист по вероисповеданию, получил производственную травму. Брызги расплавленного металла так сильно повредили роговую оболочку правого глаза, что видеть этим глазом он уже не мог. Его офтальмолог, доктор К. Е. Имбри из Батлера, штат Пенсильвания, сказал, что глаз поврежден навсегда и что шрам на роговой оболочке слишком глубок, чтобы делать операцию. Если бы они стали оперировать, то пришлось бы удалить глазное яблоко.

В марте 1947 года Орт и его жена посетили одно из собраний в «Скинии» во Франклине. В течение двух последующих месяцев они несколько раз возвращались, чтобы послушать проповеди Кэтрин. 4 мая они выехали из Батлера на утреннее собрание вместе с молодоженами, которые тоже интересовались богослужениями Кэтрин. Кэтрин все еще проповедовала о силе Святого Духа и во время собрания

просто заявила, основываясь на примере той женщины, которая была исцелена ранее, что физическое исцеление ныне так же возможно, как и духовное спасение.

Что-то произошло внутри Джорджа Орра. Он взмолился: «Боже, пожалуйста, исцели мой глаз».

В следующий момент он почувствовал странное покалывание в глазу, словно что-то проникало в него. Затем полились слезы. Орт был раздосадован тем, что не мог контролировать происходящее. Его глаз наполнился слезами, и они полились на пиджак.

После богослужения, боясь рассказать кому-нибудь о том, что с ним происходило, он выбрался из здания и сел в машину. По дороге домой он продолжал моргать глазом, поскольку слезы продолжали течь. Затем, как только они съехали с холма, словно солнце взорвалось перед ним во всей его славе. Закрыв здоровый глаз рукой, он закричал: «Я могу видеть! Я могу все видеть!»

Джордж Орт, который долгое время получал пособие из-за своей слепоты, вернулся на богослужение во Франклин во вторник, чтобы свидетельствовать об исцелении.

Куст Кэтрин начал гореть.

Глава 7

Питтсбург

Было очевидно, что у Кэтрин возникнут трудности в отношениях с М. Дж. Мэлони, который владел «Скинией Евангелия», а также был ответственным за финансы. Мэлони не просто проводил богослужения, он вел бизнес. Управление «Скинией Евангелия» было хорошим бизнесом, особенно если владелец получал куш от всех пожертвованных.

Никто за всю историю существования «Скинии», даже сам Билли Санди, не мог собрать такие толпы, какие собирала Кэтрин, как только начали происходить чудеса. Естественно, пожертвования начали расти, поскольку выросло число прихожан. И, кроме того, корреспонденция на имя Кэтрин более чем утроилась — благодаря радиослужению и рассылке рекламы по почте. Сюзан Миллер, молодая секретарша, изъявила желание помогать Кэтрин с рассылкой. Она состояла из «молитвенных писем», фотографий Кэтрин, а также экземпляра маленькой брошюры, которая называлась: «Исцеляющее прикосновение Господа». Мэлони настаивал на том, чтобы в его контракте было указано, что он получает определенный процент со всех видов дохода, включая радиослужение и пожертвования, пришедшие в письмах. Кэтрин заупрямилась. Это казалось ей неправильным. Мэлони угрожал подать в суд. Все дело было под угрозой срыва.

«Он ничем не отличается от того волшебника Симона»*, — сказала Кэтрин, когда ей сообщили, что Мэлони грозитя через суд добиться большего пая. — Пока наши пожертвования не превышали обычных сумм, он был доволен. Теперь же, когда они выросли, он хочет большего пая. Пусть подает в суд. Мы посмотрим, на чьей стороне Бог».

***Имеется в виду волхв Симон, который, увидев, какие чудеса совершаются через возложение рук апостолов, захотел за деньги купить такой же дар (см. Деян.8:9). — Прим. пер.**

Но Мэлони был слишком умен, чтобы сразу начать судебное преследование. Он просто снял вывески, рекламирующие богослужения Кэтрин Кульман, и повесил амбарные замки на двери «Скинии». Невзирая на то, что он дал Кэтрин контракт, гарантирующий ей исключительное право на использование здания, он все же был владельцем. Когда Кэтрин узнала, что ее вывески убраны и что люди Мэлони встали у дверей, карауля, чтобы ее работники не проникли внутрь, она пришла в бешенство.

«У нас же есть контракт, — сказала она сквозь зубы группке людей, которые пришли сообщить ей эти новости. — У нас есть законное право использовать это здание. Мы все равно начнем богослужение сегодня вечером, даже если придется выломать двери».

Северо-западная Пенсильвания — это страна угля, нефти и железа. Люди, жившие и работавшие там, были настоящими работягами — выходцами из Польши и Ирландии. И подраться для них было так же естественно, как и поесть. Кулачный бой никогда не считался аморальным — не отступать же, в самом деле. И когда последователи Кэтрин почуяли, что кто-то пытается «наехать» на их «леди-проповедницу», их кровь вскипела.

«Только скажите нам слово, мисс Кульман, — заявил плотный мускулистый местный заводила. — Мы вскроем это здание для вас».

Кэтрин была мастером в управлении мужчинами. Она умела читать их мысли. Она знала, когда нужно быть сердитой, когда — жесткой деловой женщиной, когда — вести себя мягко и женственно, а когда и поиграть в беспомощность.

«Послушайте, ребята, — сказала она, — женщина ограничена в своих возможностях. Вот если бы я была мужчиной...»

«Ни слова больше, милая леди», — говоривший был мужчиной лет шестидесяти, с большим животом и руками под стать сложению. — «Вы просто спускайтесь вниз в обычное время. Здание будет открыто».

Кэтрин оставалась в своей квартире до самого начала собрания — посмеиваясь и молясь. Она очень хотела бы

быть там, на месте, и посмотреть, что происходит. А то, что происходило, было кровавым кулачным боем, и люди Кульман явно одерживали верх над командой Мэлони. Ребята Мэлони начали улепетывать после того, как некоторые из них были нокаутированы. Люди Кульман взяли ломы и сломали замки на дверях, в то время как большая толпа прихожан, собравшихся посмотреть на драку (а также посетить богослужение), махала платочками и улюлюкала. В тот вечер у Кэтрин была мощная армия прихожан и целая группа служителей, которые патрулировали вокруг здания в продолжение всего богослужения, не только смотря на чудеса, но и держа ухо востро, чтобы враг не просочился в лагерь.

Позднее Кэтрин поручила своим людям купить новые амбарные замки, запереть двери и установить расписание патрулирования здания, чтобы не впустить людей Мэлони внутрь.

Мэлони решил расквитаться через суд. 4 июня 1948 года он объявил о закладной в 500 долларов, и судья Ли Мак Крекер подписал предварительное предписание, отстраняющее Кэтрин и ее людей от использования «Скинии Евангелия» города Франклина. В субботу 5 июня местная газета «Ньюс Геральд» сообщила: «Судебное разбирательство против мисс Кульман. Выдано предписание отстранить евангелистку от "Скинии"».

Кэтрин снова была на первой странице газеты.

Судебное предписание требовало, чтобы ответчики, а именно: Кэтрин Кульман и другие (в числе соответчиков был назван Джордж Орт из Батлера) отдали ключи от новых замков М. Дж. Мэлони и другим членам правления «Скинии». Им предписывалось не проводить больше богослужений в здании до тех пор, пока суд не сможет изучить дело, а также требовалось отозвать «своих агентов, которые при помощи силы, запугиваний и угроз заняли и патрулировали вышеозначенную «Скинию».

«Мы подчинимся закону, — сказала Кэтрин. — Мы пользовались зданием, пока у нас было законное право на это. Теперь же, пока суд не скажет, что мы можем пользо-

ваться им опять, мы будем воздерживаться. Но мы будем бороться за это право».

И она действительно боролась. Кэтрин наняла двух известных адвокатов из Питтсбурга: Дж. Р. Хейсона и Джейсона Ричардсона, в качестве своих защитников. Хотя однажды она сказала, что не будет в судебном порядке защищать свои права, в этом единственном случае она пошла на это. Ее адвокаты выдвинули встречный иск, требуя, чтобы Мэлони дал отчет обо всех подарках, десятинах и пожертвованиях, полученных «Скинией» и лично ответчиками начиная с 5 февраля 1940 года и до начала настоящего времени. Своим иском они хотели доказать, что он не предпринимал никаких действий против мисс Кульман до тех пор, пока пожертвования не выросли. Газеты продолжали освещать это дело на первых полосах.

А тем временем более 2000 прихожан Кэтрин собрались в расположенном неподалеку зале «Греческий сахар» и внесли свыше 10 тысяч долларов на строительство новой «Скинии» во Франклине. Эта сумма не включала те 2500 долларов, что уже были пожертвованы на новый электрический орган фирмы «Гаммонд». Был учрежден новый совет попечителей.

Мэлони опубликовал статью на целую страницу в газете «Ньюс Геральд», рассказывающую об этой истории. Он утверждал, что, как следует из его записей, «Скиния» выплатила г-же Кульман 60 680 долларов, 32 цента в качестве «зарплаты» в течение двух лет, пока она проповедовала. Остальная часть пожертвований, как он заявил, принадлежала ему.

На последующем судебном процессе, который часто прерывался шумными выступлениями, защитник Ричардсон спросил господина Мэлони, правда ли, что он (Мэлони) просил у мисс Кульман 25 процентов от всех пожертвований, и когда та отказала, он запер двери. Мэлони громко выругался и сказал: «Нет!» Аудитории это понравилось.

Мэлони оплатил еще часть газетной полосы и написал, что причиной того, что он запер двери, было намерение Кэтрин, обогатившись за счет бедных жителей Франклина, перебраться затем в Питтсбург. Он утверждал, что у него

есть надежные сведения о существовании у Кэтрин контракта на проведение серии собраний в зале «Карнеги» в северной части Питтсбурга.

Кэтрин ответила выпуском специального сообщения. В нем она писала, что поскольку ее радиопередачи в Питтсбурге имели такой большой успех, она чувствовала себя обязанной провести серию собраний в этом регионе с 4 июля по 1 августа. Это не означало, что она покидает Франклин. Она говорила, что составляет планы для новой «Скинии». Но даже если ее основное служение в июле будет проходить в Питтсбурге, она все равно станет проводить собрания во Франклине. Она сообщила более того: в течение того времени, пока она была во Франклине, она получила по меньшей мере 150 приглашений перебраться жить в другое место; но вместо того, чтобы принять их, она купила жилье, принадлежавшее ранее адвокату Джону Л. Несбиту на углу улиц Свободы и Десятой.

Яростная битва продолжалась весь июнь. Мэлони запланировал собрание в старой «Скинии», но только 75 человек посетили его. Люди Кэтрин, в свою очередь, приобрели старый каток для катания на роликах на улице Шугар Грик, в трех милях от Франклина. Это была отличная постройка с крепким деревянным полом. Самой серьезной проблемой была крыша. Стропила были старые, на бревнах — признаки гнили. Но работники решили пока их так и оставить и приступить к работе по превращению этого старого здания в «Скинию». Однако, поскольку уже была одна «Скиния» во Франклине, они назвали новое место «Храм веры». Количество посадочных мест было почти в два раза больше, чем в старой «Скинии», и с самого первого собрания зал был полон — оставались только стоячие места.

Неделю спустя раздался стук в дверь ее квартиры на третьем этаже. Шериф, одетый в уличную униформу, ждал в коридоре. Он представился и попросил позволить ему войти.

Сегодня утром в мой офис прибыли документы, которые я обязан представить вам. Это иск о разводе, возбужденный в Аризоне Барроузом А. Волтрипом старшим. Вы означены в нем ответчицей.

Кэтрин стояла молча, склонив голову. Призрак прошлого объявился вновь, когда, казалось, все уже работало для ее блага. Шериф протянул руку и коснулся ее руки.

Мое учреждение обычно публикует имена всех, получающих иск о разводе, в местной газете. Но я посещал ваши собрания и убежден, что Бог послал вас в этот наполненный преступностью район со специальной миссией. И по этой причине я доставляю вам эти бумаги лично. Нет нужды, чтобы кто-либо, помимо нас двоих, знал об этом деле. Да благословит вас Бог в вашем служении здесь! Я к вашим услугам.

Он собрался уйти, но Кэтрин взяла его за руку. На мгновение их взгляды встретились. Он улыбнулся, а она кивнула. «Я буду вам признательна до конца своей жизни», — мягко сказала она.

Он ушел. Это было почти за семь лет до того, как газетчики в Акроне, в штате Огайо, пронюхали о ее разводе и опубликовали эту историю на первой полосе. Но к тому времени служение Кэтрин уже так прочно стояло на ногах, что никакие наговоры о ее прошлом не могли поколебать его. Она знала, впрочем, что только чудо могло бы спасти ее в 1948 году, попади эта история на страницы газет. Пока он не умер спустя 23 года, Кэтрин посылала шерифу цветы ко дню рождения. Она его не забыла.

Когда Кэтрин перебралась во Франклин, она поселилась на третьем этаже в мансарде «Женского делового клуба». Это было незадолго до того, как она встретила двух женщин, которым предстояло оказать сильное влияние на ее жизнь. Одну звали Джесс Винсент, а другую — Ева Конли. Обе были вдовами. Джесс работала в банке во Франклине, а Ева, чей муж, аптекарь, недавно умер, жила вместе с ней. Они не были христианками, но были очарованы собраниями Кэтрин и ее личностью и посещали как можно больше богослужений в «Скинии».

Ева отлично готовила, и обе они решили пригласить Кэтрин в гости на День благодарения* в 1946 году. После обеда Кэтрин сказала: «Вы думаете, что это вы пригласили меня сюда, но это не так. Я пришла по более высокому, чем от

двух замечательных женщин, приглашению. Бог послал меня сюда, чтобы провести служение для вас. И я не успокоюсь, пока вы обе не будете стоять на коленях, исповедуя свои грехи и моля о рождении свыше».

***День благодарения (Thanksgiving Day) — официальный праздник в память первых колонистов Массачусетса. Празднуется в последний четверг ноября. — Прим. пер.**

«Расскажите нам о вашем Иисусе», — серьезно сказала Ева.

В течение последующих двадцати минут Кэтрин читала им из Библии, отмечая те места, где доказывалось, что Иисус Христос был обещанным Мессией и Сыном Божиим. «Нет другого пути к Богу, — сказала Кэтрин мягко, — как только через Христа. Готовы ли вы сейчас отдать Ему свои жизни?»

Они обе кивнули и прямо со стульев опустились на колени на покрытый ковром пол. Кэтрин тоже опустилась на колени и стала свидетельницей того, как они вошли в Царство Божье.

Вскоре после этого Кэтрин переехала к ним жить. Когда Джесс Винсент умерла, она оставила свое состояние Кэтрин, большая его часть была в виде драгоценностей. Оно послужило началом большой коллекции драгоценных камней и антикварных изделий, которая годы спустя стала причиной другой газетной шумихи. Многие люди делали Кэтрин крупные подарки, либо лично, либо через завещание. Одна благодарная женщина выразила чувства тысяч: «Я все это переплатила бы докторам и потратила бы на больничные счета. А потому, поскольку я была исцелена на собраниях Кэтрин, то почему бы не отдать это ей?» Это был правильный вопрос, но он не смягчил многочисленные обвинения, выдвинутые против г-жи Кульман в течение тех лет, когда она была «богатой». Ева Конли продолжала помогать Кэтрин, работая ее личной секретаршей; ей помогала также Сюзан Миллер, которая ежедневно уделяла несколько часов на различные дела, связанные с рассылкой почты.

В течение этого времени Кэтрин регулярно переписывалась с другой женщиной, Мэгги Хартнер, которую она несколько лет назад встретила в Питтсбурге. Поскольку Мэгги работала

в телефонной кампании в Питтсбурге, она могла вести междугородные переговоры за уменьшенную плату. Она позвонила однажды уже к ночи, побуждая Кэтрин вернуться в Питтсбург для проведения еще одной серии собраний. «Все, кого я знаю, слушают вас по радио, — сказала Мэгги. — Все, что вам нужно сделать, — это лишь объявить, что вы собираетесь провести богослужения, и зал будет полон».

В конце концов Кэтрин уступила. Она приехала, чтобы осмотреть здание «Карнеги-холл». Сторож, г-н Баффингтон, провел ее по зданию.

«Смотрите, — сказала Кэтрин, — я хочу, чтобы здесь, на сцене было много стульев. Этот зал будет набит до отказа».

«О, госпожа Кульман, мы никак не можем заполнить весь зал, — сказал сторож. — Даже оперные звезды не моiуг собрать полный зал».

«Отлично, все же я хочу, чтобы сцена была полна стульев», — повторила она, повернувшись, чтобы уйти из зала. Затем она обернулась и посмотрела на сторожа. — О, Бог любит вас! Вы слышали обо мне, не правда ли? Отлично, просто подождите, и вы увидите. У нас будет самое большое и лучшее собрание, какое только видело это здание».

Она была права. Первое собрание было после обеда 4 июля 1948 года. Зал был переполнен настолько, что ей пришлось давать еще одно собрание тем же вечером. И зал был тоже полон.

С самого начала происходили чудеса. Местная газета напечатала красочный рассказ на всю страницу, дополненный зарисовкой художника, изображающей то, что Кэтрин называла теперь «служение с чудесами». Репортер писал: «Мисс Кульман приехала не из какой-то официальной церкви, претендуя на роль эмиссара доктрины веры в Бога. Все же, вечер за вечером, она собирала полный зал в «Северном музыкальном Карнеги-холле». Сотни людей толпились во внешних коридорах, ловя ее слова, еще сотни вообще не могли попасть... Она являет собой комбинацию оратора и актрисы, певицы и евангелистки... Когда поются гимны, ее голос поднимается и ясно слышен над шумом толпы...»

Еще со времени ее сотрудничества с Эллен Галли-форд музыка играла важную роль в служении Кэтрин. Вскоре после приезда во Франклин она заключила контракт с Джимми Миллером, который играл на пианино для Джека Миньона в Питтсбурге. Миллер живо откликнулся на предложение Кэтрин стать ее пианистом. Позднее органист Миньона, Чарльз Биби, тоже присоединился к ней. Оба начали играть, когда она приехала в Питтсбург в первый раз в 1948 году, и оба оставались с ней до самой ее смерти.

Кэтрин расширила свое радиослужение после того, как вернулась во Франклин, транслируя свои получасовые программы в Огайо, Западную Вирджинию, Мэриленд и в Вашингтон. Богослужения в «Храме веры» продолжались на регулярной основе, но по причине расширившегося служения она начала проводить собрания во многих городах, расположенных неподалеку: Нью-Касле, Батлере, Бивер-Фолсе и в зале «Стэмбог» в Янгстауне, штат Огайо. Но все более и более Кэтрин влекло в Питтсбург, где были регулярные собрания в «Карнеги-холл».

Продолжали происходить чудеса. Пол Р. Ганн, молодой полицейский из Питтсбурга, был привезен в местный госпиталь 28 сентября 1949 года с вирусной пневмонией. Болезнь легких была диагностирована как рак после бронхоскопии, анализа мокроты и рентгеновского просвечивания. В октябре он начал посещать собрания в «Карнеги-холл». Во время четвертого собрания он почувствовал, как внутри его груди словно чиркнули спичкой по коробку. В декабре доктор фирмы определил его годным к работе, и он приступил к ней в январе 1950 года.

Жизнь Джеймса В. Мак-Катчеона стала еще одним чудом. За три года до этого с ним произошла трагедия в Лорейне, штат Огайо. Джеймс как раз стоял на бревне, когда на это бревно наехал бульдозер. Его сбросило на землю, и чашечка тазобедренного сустава оказалась разбитой. Пять операций были неудачными. Последняя из них, пересадка кости, оказалась также безуспешной по причине декальцинации*. Доктора рекомендовали еще одну операцию. Мак-Катчеон был на костылях, когда он вошел в «Карнеги-холл» 5 ноября

1949 года. Его дочь сидевшая рядом с ним, держала свою руку на его колене, и позднее она вспоминала, что словно электрический ток прошел по ее руке от его ноги, в то время как госпожа Кульман проповедовала. Он поднялся со своего места и пошел безо всяких костылей. Он был исцелен мгновенно.

***Декальцинация — низкое содержание кальция в организме. — Прим. пер.**

Питтсбургские газеты сообщали о многих из этих чудес. И хотя они особенно старались сказать о тех людях, которые не были исцелены, в большинстве случаев они аккуратно сообщали также и о чудесах.

«Каждый вечер происходит нечто, выходящее за пределы наших знаний о физическом мире, — писал репортер местной газеты «Пресс». — В пятницу, в день исцелений, на собрание пришла молодая женщина из Кантона, штат Огайо. Она пришла помолиться за исцеление от болезни расщепления позвоночника. В конце собрания эта женщина прошла к сцене, не сгорбившись, и встала на колени у органа, чтобы воздать хвалу Господу.

Маленький мальчик лет пяти сказал, что он был парализован с рождения; неуверенной походкой он прошел по проходу на своих собственных ногах, подняв руки кверху, чтобы г-жа Кульман могла видеть.

Женщина, которая провела 12 лет в кресле-каталке, прошла к сцене и открыто плакала перед микрофоном. Ее муж стоял рядом с ней, и по его лицу ручьем текли слезы...

На каждого, кто свидетельствовал об исцелении, пришлось множество тех, кто упали во тьму такими же убогими и удрученными, какими они были, когда пришли. Но большинство еще вернутся».

Одним из тех, кто продолжал возвращаться в течение пяти месяцев, пока не получил исцеления, был Чарльз К. Лёш. Он был ранен в дорожной аварии 14 лет назад. Его тазобедренный сустав затвердел, и это заставляло его ходить в согнутом положении, наклонившись вперед от бедра, в совершенно гротескной манере. Одна нога его была на 3 и ³/₄ дюйма* короче другой, так что ему приходилось носить

специальные ботинки с толстой подошвой. Он постоянно испытывал боль со дня той аварии.

***3 и $\frac{3}{4}$ дюйма = 9,525 см. — Прим. пер.**

Дети г-на Лёша уговорили его посетить собрания в Питтсбурге и во Франклине. С его телом ничего не случилось, но придя домой с первого собрания, он вылил все свои алкогольные напитки и выбросил все сигареты, чтобы уже никогда к ним не возвращаться, и продолжал посещать собрания с чудесами. Чем больше он посещал их, тем больше забывал о своих собственных проблемах, обращая свои молитвы на нужды тех, кто был в худшем состоянии, чем он сам.

Затем однажды вечером в «Храме веры», сидя с большой группой мужчин на сцене, пока мисс Кульман проповедовала, он почувствовал, как его нога начала трястись. Из-за этой вибрации его каблук ударял по полу подобно молотку. Г-жа Кульман немедленно прекратила проповедь и обернулась.

«Что там такое?» — громко спросила она.

Сконфуженный, Лёш смог лишь перегнуться вперед и держался за свою дико трясущуюся ногу, стараясь, чтобы она перестала стучать по полу.

«К вам приходит исцеление, сэр», — заявила мисс Кульман. Затем, повернувшись к залу, она сказала: «Сила Божья сошла на этого человека».

И это действительно была сила Божья. После собрания Лёш не только обнаружил, что его нога выросла, но и ощутил, что его спина стала свободной и гибкой.

Это было началом его 28-летней верности мисс Кульман. Он отдал все, чтобы следовать за ней, став ее помощником, шофером и верным служителем.

В течение недели Кэтрин и Ева Конли жили в отеле «Пик Рузвельт», приезжая во Франклин на воскресные собрания. Мэгги Хартнер, которая теперь работала для Кэтрин два дня в неделю (по-прежнему сохраняя за собой работу в телефонной компании), продолжала побуждать Кэтрин перебраться в Питтсбург.

«Я не могу, Мэгги, — отвечала Кэтрин. — Я просто не могу. Ты не понимаешь. Эти люди приютили и полюбили меня. Они

приняли меня, когда никто на целом свете больше не нуждался во мне. Я обязана им жизнью. Нет, крыша «Храма веры» должна обрушиться, прежде чем я поверю, что Бог хочет, чтобы я переехала в Питтсбург».

В последнюю неделю ноября западная Пенсильвания пережила самый сильный снегопад за всю ее историю — свыше 40 дюймов* снежного покрова образовалось за три дня. Большое богослужение было запланировано на День благодарения в «Храме веры». Но на сотни миль снег остановил движение на дорогах. Даже если бы дороги и удалось расчистить, то все равно богослужения не было бы. Вес снега на крыше старого здания был слишком велик для прогнивших стропил. В День благодарения в 1950 году крыша «Храма веры» обрушилась.

Через три недели Кэтрин купила дом в Фокс-Чапэлле, пригороде Питтсбурга. Он оставался ее домом до самой смерти.

*** 40 дюймов = 101,6 см. — Прим. пер.**

Глава 8

Палатки и храмы

Склонность Кэтрин к возбуждению споров привела ее в Питтсбург. Ранней весной 1951 года ее собрания в «Карнеги-холл» пикетировались разгневанными пасторами и некоторыми церковными лидерами, которые утверждали, что она «ворует овечек» из местных церквей.

Она возражала, что не ворует паству, а просто кормит стадо изголодавшихся ягнят.

Это еще сильнее настроило Божьих служителей разобраться с «соперницей». Они пожаловались в мэрию, что поскольку Кэтрин уже шесть месяцев каждый вечер проводила собрания в муниципальном зале, то фактически она превратила собственность, содержащуюся за счет их налогов, в церковь. Но мэр Питтсбурга, Дэвид Лоренс (который позднее был избран губернатором штата), оказался одним из самых верных друзей и помощников Кэтрин. Будучи членом Римско-католической церкви, он издал указания, что Кэтрин может оставаться в зале «Карнеги-холл» так долго, как только пожелает. Она оставалась там, в течение 20 лет. Но тем временем полемика вокруг Кэтрин все возрастала.

Журнал «Редбук» поручил репортеру из Питтсбурга Эмили Гарднер Нил (которая позднее помогала Кэтрин написать книгу «Я верю в чудеса») разобраться в этой ситуации. Получившаяся статья вывела Кэтрин на путь всеамериканской известности. В беспрецедентном предисловии редактора к этой семистраничной статье «Редбук» писал:

«Удивительная история Кэтрин Кульман является одной из тех, к которым редакторы журнала «Редбук» подходят с недоверием. Впрочем, никакие сомнения относительно «целителей верой» не могут затмить тот факт, что потрясающие вещи происходят на евангелистических собраниях госпожи Кульман в Питтсбурге. В течение четырех месяцев репортеры и ученые исследовали эти случаи излечений и исцелений. Если исследователи «Редбука» ошиблись, то это дает преимущество скептикам. Но по мере того как они

проводили опросы и изучали факты, изначальная недоверчивость редакторов привела их к убеждению, что эти факты необходимо опубликовать...

Конечно, было трудно получить заключения терапевтов; хотя доктор может и не отказываться прямо признать улучшение состояния пациента в подобных обстоятельствах, обычно он отказывается из-за типичной для профессии врача предосторожности уважать «исцеление верой...»

Наш журнал имеет в своих архивах следующие конфиденциальные материалы: двадцать свидетельств от лиц, утверждающих, что они были исцелены; четыре заявления от священников, помогающих мисс Кульман в ее служении; два письма от официальных лиц; четыре документа о пособиях по нетрудоспособности работающим; два заявления от лиц, связанных с медициной; шесть заключений о рентгеновском анализе больных...

К. М. Кларк, питтсбургский эксперт в области ушных болезней, утверждал в своем письме: «Мы на самом деле наблюдали чудесное «Божественное исцеление» одной глухонемой, которая повторяла слова, воспроизводила артикуляцию, горловые тона и носовые звуки, которые она никогда раньше не могла воспроизвести.

Поэтому наш журнал обращает внимание читателей на это сообщение, объективность которого была проверена всеми возможными способами; и мы уверены, что тот, кто имеет веру или надеется иметь веру, найдет здесь сведения, имеющие глубокое внутреннее значение».

Несмотря на заявления «Редбука» о том, что они могут доказать факты исцеления многих людей, посещавших собрания с чудесами, критики Кэтрин шумели все больше. Впервые в ее карьере нападки совершались на ее теологию, а не на ее личные качества. Это была совершенно новая война.

Самая злобная атака прилась на лето 1952 года. По приглашению Рекса и Мод Эмми Хамбардов, семьи путешествующих евангелистов из Арканзаса, Кэтрин поехала в Акрон в штате Огайо для проведения серии собраний в гигантской палатке, разбитой семьей Хамбардов на бульваре

Триплетт, рядом с аэропортом Акрона. Хамбарды были хорошо известны в Огайо, хотя в своем служении они и переезжали с места на место. С Рексом и его женой были его отец и мать, которые проповедовали более сорока лет, а также брат Рекса, Клемент. Кэтрин, разумеется, уже была известна в этой местности благодаря ее обширному радиослужению и большим собраниям, которые она проводила на регулярной основе в зале «Стэмбог» в окрестностях Янгстауна.

Но вот чего Кэтрин не знала, так это того, что она вторглась во владения самого известного проповедника фундаменталистского* толка на севере, Далласа Биллингтона из богатейшего «Баптистского храма города Акрона». Биллингтон был рукоположен в маленькой баптистской церкви в Муррее в штате Кентукки в 1924 году. Вскоре после этого горячий проповедник в сговоре с несколькими другими баптистскими служителями — включая Джона Р. Райса и Дж. Франка Норриса из «Первой баптистской церкви» из Форт-Уэрта в штате Техас — начали разрушительную атаку на «Южное баптистское собрание», говоря, что оно стало слишком либеральным. Когда атака стала более злобной, часть пасторов вышла из состава «ЮБС», и они сформировали Свободную лигу независимых баптистских церквей, чья основная задача состояла, похоже, в нападении на «либералов», католиков, «целителей верой» и женщин-проповедниц. Одна из самых популярных книг, ходивших по рукам, была написана Джоном Р. Райсом и называлась: «Стрижки под бобр, жены-заправилы и женщины-проповедницы». Биллингтон, бывший фабричный рабочий, которого никто не мог бы упрекнуть в том, что он убегает от драки, получил церковную теологическую степень — доктор библиологии — в «Первой баптистской церкви» города Форт-Уэрта штата Техас. Он переехал в Акрон в 1925 году, чтобы основать «Баптистский храм города Акрона». В течение 27 лет он создал целую «династию», в которой он правил как абсолютный монарх в процветающем «резиновом городе». Прибытие в его владения гигантской палатки Хамбардов, которая вмещала более 15 000 человек, и «той

самой женщины-целительницы верой», Кэтрин Кульман, одновременно с Хамбардами было равносильно размахиванию красной тряпкой перед разъяренным быком. Кэтрин снова была на пороге битвы, только на сей раз она бросалась не на «игрока низшей лиги» типа М. Дж. Мэлони, а на «короля удара», Далласа Биллингтона.

***Фундаментализм (fundamentalism) — строго ортодоксальное учение, основанное на определенных догматах, таких, например, как буквальное понимание Библии. — Прим. пер.**

Биллингтон вылез из укрытия, не теряя времени. Он использовал все, чтобы «выбить ее из зоны». В случае удаи он сумел бы «взять корзину сверху» и заодно избавиться от Хамбардов. Как и Кейси, он, в конце концов, расчистил себе дорогу, но не без того, чтобы самому получить несколько крепких «ударов по лицу», подобно всякому в Акроне, кто ведет борьбу, пытаясь уворачиваться от ударов.

В воскресенье, 10 августа 1952 года, Кэтрин сделала свою первую «подачу мяча», проповедуя для более 15 000 человек, набившихся в гигантскую палатку. Многие из них приехали аж в 5 утра, чтобы в 9 часов занять места на собрании, которое продолжалось и после обеда.

15 августа Биллингтон «отбил подачу». В сводке новостей, помещенной на первой странице акронской газеты «Бикон Джорнал» напыщенный проповедник предложил 5000 долларов тому (мужчине или женщине), кто сможет доказать, что умеет исцелять человека посредством молитвы:

«Я публикую свое предложение, чтобы подчеркнуть мою уверенность в том, что нет большего надувательства в Америке (будь то ставки на жокеев, собачьи бега или же ежедневная цифровая лотерея*), как так называемые новые «целители верой». У меня в общине есть целый класс немых. Если Кэтрин Кульман придет в воскресенье и откроет их уста и уши так, чтобы они могли говорить, я позволю ей проводить одно богослужение в моем «храме» каждый месяц в течение 12 месяцев бесплатно».

***«Ежедневная цифровая лотерея» (numbers game, numbers pool, numbers racket(s) — нелегальная лотерея,**

в которой принимаются ставки на появление в официальных источниках (газетах, биржевых сводках, статистических отчетах) определенных чисел (типа «588»). — Прим. пер.

Биллингтон, который публично обвинил Кэтрин, что она взяла свое учение из книг Эмми Снмпл Мак-Ферсон, писал: «Нигде еще не бывало, чтобы сила чудесного исцеления была дарована женщине. У женщин есть свои законные места в мире, но когда вы пускаете их на кафедру, то это противоречит Писанию».

Биллингтон следовал строгому фундаменталистскому учению, тому учению, которое помогло ему стать популярным в качестве одного из самых сильных и успешных проповедников своего поколения. Никогда не было свидетельств, что он нападал на Кэтрин лично, хотя перед тем, как бой закончился, он взшел на свою кафедру и разоблачил ее как разведенную женщину. Впрочем, он чувствовал, что имеет право от Бога «вострубить в трубу» и предупредить паству, что волк рыскает по окрестностям города.

Кэтрин, помня свои победы во Франклине, упивалась успехом своего служения в Питтсбурге и Янгстауне. Она была вдохновлена тысячами людей, поднявшихся поддержать ее: она выпустила свой быстрый снаряд и попала точно в цель.

«Я живу в этом районе вот уже 7 лет и чувствую, что моя жизнь и мое служение говорят сами за себя, — сказала она газетчикам. — Я никогда и нигде не делала заявлений, что я кого-либо исцелила. Это — сила Божья. Давайте идите и печатайте все, что скажет доктор Биллингтон. Он собирается развалить свою церковь».

Ответ последовал немедленно. Отдел подписки и распространения газеты сообщил, что запросы на дополнительное количество экземпляров уступали тиражам разве что во время «Соуп Бокс Дерби»* — ежегодного представления, которым знаменит Акрон. Письма тысячами приходили в офис газеты, а также в офисы Кэтрин в «Карльтон-Хаус» в Питтсбурге.

***«Соуп Бокс Дерби» (Soap Box Derby) — детские соревнования по скорости спуска с холма на безмоторных конструкциях (обычно деревянных) собственного изготовления. Прим. пер.**

Рекс Хамбард, который никак не мог ожидать такой битвы от кого-либо, кого он называл «братом в Господе», был ошеломлен происходящим. Он позвонил Кэтрин и предложил ей, если она пожелает, отказаться проповедовать в ближайшее воскресенье.

«Никто так сильно не хотел избежать вывешивания нашего грязного белья, как я, — сказала она. — Давайте придерживаться нашей тактики. Я прибуду туда в воскресенье утром во всеоружии».

Но не только Кэтрин была там, а еще более 20 000 человек. Биллингтон нечаянно предоставил Кэтрин и Хамбардам больше рекламы, чем они смогли бы приобрести на свои деньги.

У себя в Питтсбурге Кэтрин обдумывала линию своей защиты. У Мэгги Хартнер, которая теперь работала полный рабочий день, были в помощницах две сестры: Марион Марш и Руфь Фишер. Подобно многим, Руфь и Марион были, скорее, номинальными христианками, чем настоящими верующими, когда они посетили свое первое «собрание с чудесами» в 1950 году. Впрочем, после того как Руфь была исцелена от серьезной болезни позвоночника, которая заставила ее полжизни провести в больницах, обе они стали серьезно относиться и к Богу, и к служению Кэтрин. Руфь стала помогать Мэгги в ее работе с прихожанами во время «собраний с чудесами», а Марион пошла работать в офис машинисткой (Руфь позднее тоже стала официальным сотрудником Кэтрин).

Помимо воскресных служений в Акроне, Кэтрин проводила также разовые «собрания с чудесами» в Нью-Касле, Янгстауне и Батлере, наряду с регулярными занятиями по изучению Библии по четвергам в Питтсбурге и большими служениями в «Карнеги-холл» по пятницам. У Руфи и Мэрион, у обеих, был музыкальный слух, и они чувствовали необходимость звучания хора во время собраний.

Они организовали группу незамужних женщин, стали репетировать в подвале у Руфи и спели на нескольких собраниях. Видя нужду в хоре, Кэтрин позднее заключила контракт с доктором Артуром Меткалфом, известным руководителем «Хора Мендельсона» в Питтсбурге. Она уговорила его работать с ней в качестве руководителя ее хора. Это был один из лучших ее ходов. Доктор Меткалф посвятил более 23-х лет своей жизни ее служению, пока не сдался в конце концов сердечному приступу ровно за год — день в день — до того, как умерла Кэтрин.

Другим членом ее «Питтсбургской команды» был ее бухгалтер Уолтер Адамак. Адамак уже почти достиг пенсионного возраста и во многом походил на отца Кэтрин. Он не доверял проповедникам и религиозным организациям. Когда он услышал об атаке Биллингтона против Кэтрин, он понял, что занял позицию на правильной стороне. Он был бойцом и не думал о том, чтобы использовать цветистые выражения, когда кто-то нападает на тех, кому он верен. И он вполне представлял, кто такой Биллингтон. Кэтрин любила его. Она любила его, потому что он был человек прямой, даже немножко грубый. Он стал сторожевым псом ее финансов. Позднее он помогал ей с созданием ее организации, а также нескольких сторонних корпораций. Он был одним из самых доверенных ее друзей и советчиков — и также он был неоценимым адъютантом, когда она вступила в бой с Биллингтоном.

Укрепив, таким образом, свои позиции хорошим персоналом и заручившись поддержкой тысяч друзей, которые писали письма и звонили по телефону, Кэтрин была во всеоружии для следующего раунда битвы между палаткой и храмом.

Вернувшись в Акрон на воскресное богослужение, она привезла с собой множество людей, которые добровольно вызвались свидетельствовать о физическом исцелении. Двое из них, как она сообщила газетным репортерам, окружившим помост перед богослужением, могли бы пройти более серьезную проверку, чем тесты доктора Биллингтона на «исцеление верой». Это были Иаков Хесс и его жена Сара, обоим было по 66 лет, и оба были рождены глухонемыми.

Слух г-жи Хесс был частично восстановлен, и она могла говорить, хотя не очень разборчиво. Господин Хесс начинал воспроизводить голосом шумы. Через свою 13-летнюю приемную дочь, которая выступала как переводчица перед толпой, насчитывающей более 20 000 человек, чета Хессов провозгласила, что Бог исцелил их во время «собраний с чудесами» в Питтсбурге. Госпожа Маргарет Ричардсон, 71-летняя подруга Хессов, сказала, что она выросла вместе с ними и может свидетельствовать об их прежнем состоянии и об их исцелении.

Другим «доказательством» Кэтрин была некая Присцилла Бойко, 38-летняя конторская служащая, рассказавшая о себе, что она была парализована с рождения. Затем Присцилла сообщила, что теперь она может нормально ходить, факт ее исцеления подтвержден исследованиями сотрудников питтсбургского госпиталя.

После этого, попросив гигантскую толпу взять друг друга за руки, Кэтрин «повела их в особой молитве» за Биллингтона, сказав, что она просит пастора «поместить свои деньги туда, где находятся уста». Ее предложение состояло в том, чтобы Биллингтон положил 5000 долларов на условно депонированный счет, и беспристрастный совет духовенства и мирян будет уполномочен решить это дело на основе свидетельств. Если она победит, то пожертвует эти деньги в «Объединенный фонд» города Акрона

Биллингтон, в свою очередь, сделал некоторые встречные предложения. Отступив от своих самых непреклонных заявлений, сделанных вначале, он сказал, что хотел бы, чтобы жители Акрона знали, что он верит в божественное исцеление; но что есть такие «целители верой», с которыми ему не по пути. А посему он настаивал, чтобы Кэтрин письменно, под присягой поклялась, что эти исцеления были вызваны исключительно ее молитвами.

Это поставило Кэтрин в затруднительное положение, ибо она никогда не претендовала на то, что ее молитвы исцеляют.

Затем, когда схватка уже почти достигла кульминации, в местной газете на первой странице появилась статья, из

которой стало ясно, что газетчики сумели раскопать прошлое Кэтрин и обнаружили, что несколько лет назад Кэтрин вышла замуж за разведенного евангелиста.

Кэтрин взорвалась. Это не было просто ярмарочной игрой. В течение почти семи лет она была свободна от того старого скандала, и вот теперь он выплыл снова, подняв уродливую голову как раз в то время, когда, казалось, она уже одержала победу.

Когда Роберт Хойт из акроновского «Бикон Джорнал» брал у нее интервью, Кэтрин отрицала, что была замужем.

«Мы никогда не были женаты. Я никогда не давала брачных обетов, — говорила она с горящими глазами, — Вы знаете, что произошло? Я скажу вам, что произошло. Я упала в обморок, полностью потеряла сознание, — говорю я вам — перед тем, как давать брачный обет».

Потрясая кулачками перед лицом молодого репортера, она кричала: «Это — правда, пусть мне поможет Бог».

Хойт был настойчив: «У нас есть фотокопия вашего брачного заявления». — «Если я и подписывала заявление на вступление в брак, то его мне просто принесли на подпись. Я не припоминаю, чтобы я подписывала подобную бумагу. Я не верю, что есть какая-либо разница, была я замужем или нет. И это — все, что я собираюсь вам сказать».

Печально, что Кэтрин и Биллингтон вели свое сражение на публике, к нескрываемому восторгу неверующего мира. Но бесконечно печальнее было то, что битва не имела этических границ. Она переместилась теперь от теологических понятий к личностям, а точнее — к личности Кэтрин. Та старая тень прошлого, которую она так отчаянно хотела оставить позади, продолжала снова возникать, снова преследовала ее.

Годы спустя Кэтрин рассказала мне небольшую историю, которая помогла объяснить до некоторой степени, почему она так неистово отрицала свой брак с Волтрипом. Похоже, она давным-давно определила для себя, что лучший путь обойти неприятный факт — это просто сделать вид, что он никогда не существовал, и продолжать двигаться дальше.

«Я проповедовала в маленькой церкви в Нью-Джерси, — говорила она, — и жила в доме у одного из членов общины. Я

так живо вспоминаю это, потому что это была неделя выборов в тот самый год, когда Франклин Рузвельт баллотировался на третий президентский срок.

У мисс Анны, моей хозяйки, была близкая подруга, на несколько лет старше ее самой. Это была крупная, дородная женщина, которая насмерть стояла против переизбрания Рузвельта на третий срок. Она ввязалась в кампанию одной женщины, которая хотела остановить его. Ее муж был богат, и она потратила тысячи долларов на эту кампанию.

Что ж, подошел вечер дня выборов, и она была абсолютно истощена от умственного напряжения и физических усилий. Около 7 часов вечера ее муж сказал: «Ступай в постель. Когда станут известны окончательные результаты, я позову тебя».

Она пошла спать в полной уверенности, что Рузвельт потерпит поражение и ее разбудят, чтобы праздновать победу.

Конечно, Рузвельт буквально «смел» конкурентов, победив с большим отрывом. В доме мисс Анны зазвонил телефон. Это был муж той самой женщины, которая еще спала. Он сказал: «Анна, срочно приходи. Господин Рузвельт победил, и когда я скажу об этом моей жене, это убьет ее. У нее будет удар, и она умрет. Приходи поскорей и помоги мне сообщить ей это».

Мисс Анна сказала мне: «Кэтрин, я скоро вернусь. Не знаю, как долго я там пробуду».

Потом она рассказала мне, что там произошло. Было два часа утра, и Анна вошла на цыпочках в комнату, с нюхательной солью в руках. Она предприняла все меры предосторожности, чтобы у этой старой женщиной не случилось удара.

Та проснулась и увидела мисс Анну у постели: «Анна? Что случилось? Мы победили?»

Мисс Анна с нюхательной солью в руке подошла поближе к своей старой подруге и сказала: «Извини, но мистер Рузвельт будет президентом на третий срок».

Полная и грузная, она села в своей постели. Подняв голову и гордо держа подбородок, она сказала: «Анна! Анна! Мы просто будем жить так, словно этого никогда не было!»

И до самого дня своей смерти она никогда ни с кем этого не обсуждала. Она никогда не говорила о том, что Рузвельт правит страной. Она просто действовала так, словно этого никогда не было. Ее сердце продолжало стучать ровно, и ни один нерв не дрогнул».

Кэтрин закончила свою историю, затем, наклонившись ближе ко мне, резюмировала: «Это — один из самых больших уроков, которые я когда-либо получала. Не проходит ни одной недели, поверьте мне, чтобы не случилось нечто, ужасно не огорчившее меня. Меня могли бы разорвать на тысячи кусочков. Когда ты имеешь дело с человеческими жизнями, как я, то это — самая тяжелая работа в мире. Поверьте мне! Но снова и снова я поступаю так, как поступила та женщина. Я сказала себе самой: «Кэтрин, живи так, словно этого никогда не было». Это — лучший путь в мире, чтобы принять поражение и разочарование. Вот такие дела».

Вооруженный этим откровением, я смог понять до некоторой степени, почему Кэтрин чувствовала себя правой, делая вид, что она никогда не была замужем; а также делая вид, что она моложе, чем на самом деле (она также сказала акроновским газетчикам, что ей едва больше 30 лет, хотя на самом деле она уже отпраздновала свое 45-летие). Каким-то образом, для себя самой, ей было едва за тридцать. И каким-то образом, пользуясь той же самой логикой, она никогда не была замужем. Подобно подруге мисс Анны, она просто жила так, словно этого никогда не было.

Хотя Биллингтон и упомянул со своей кафедры о разводе Кэтрин, он не стал разглаживать по этому поводу. К его чести, он не был грязным бойцом. Он чувствовал, что он прав и что он сможет выиграть битву без ударов ниже пояса. 28 августа он установил последний срок (пятница) для своего предложения дать 5000 долларов всякому, кто сможет доказать, что молитва Кэтрин исцелила кого-либо.

«После 12 часов в пятницу, 29 августа, я отменяю свое предложение и оставляю это дело на решение общественности, дабы люди определили, кто был честен, а кто был

жуликом в вопросе исцеления верой», — сказал он в интервью, данном прессе.

Кэтрин осознала, что правила игры некоторым образом изменились. Она никогда не утверждала, что исцеляют ее молитвы. Все, что она делала, — это лишь обратить внимание на то, что Святой Дух свершает на ее собраниях. Она обсудила создавшееся положение с Хамбардами и решила, что у нее нет иного выбора, как только вступить в игру и зайти с козырного туза.

В пятницу, 29 августа, в 11.05 утра она включила магнитофонную запись, сделанную госпожой Хесс на одной радиостанции в Акроне. Билл Берне с другой радиостанции в Питтсбурге провел интервью с госпожой Хесс. Старая женщина свидетельствовала, что она была немой всю свою жизнь вплоть до 1948 года, когда она начала посещать богослужения, проводимые мисс Кульман. После третьего «собрания с чудесами», она почувствовала, что может слышать и говорить.

В это время Мэгги Хартнер вела дела в Питтсбурге. Она пошла в офис доктора Б. Э. Никлеса, чтобы взять письмо, написанное Роберту Хойту из акроновского «Бикон джорнал», в котором говорилось о мисс Присцилле Бойко, которая была парализована от рождения, перенесла серию операции в течение нескольких лет и ходила в ортопедической обуви, пока не получила исцеления на одном из «собраний с чудесами» у Кэтрин. Доктор сообщил, что он проверял состояние мисс Бойко время от времени начиная с 9 сентября 1950 года, но ни разу не лечил ее ногу, «по причине физической невозможности лечения конечности и постоянных неконтролируемых судорожных мышечных спазмов, которые оставляют пациента в очень ослабленном состоянии».

«Впрочем, — сказал он, — я обратил внимание на то, что состояние ее конечности изменилось в стопе, лодыжке, голени и колене от полной неподвижности до некоторой подвижности сейчас. Кровообращение в стопе и голени существенно усилилось».

По профессиональным соображениям доктор Никлес просил не называть его имя в статье, но согласился лично подтвердить свои заявления, если потребуется.

Мэгги принесла письмо в газету Акрона до установленного доктором Биллингтоном срока.

На следующий день Биллингтон объявил, что Кэтрин не выполнила своих обязательств. В передовой статье он писал: «Мисс Кульман (он настаивал на обращении «мисс Кульман») убедительно доказала, когда она пыталась ухватиться за предложение относительно 5000 долларов, что она претендует на роль «целителя верой». Я установил окончательный срок, чтобы лишь вывести ее на чистую воду».

Пастор заключил, что он выполнил свою задачу и теперь аннулирует свое предложение: «Я взялся доказать обществу, что «целители верой» являются большими жуликами, чем устроители "цифровой лотереи"».

Никто не победил. Биллингтон ушел с поля боя, а Кэтрин прочно села на мель. Произошло то, что всегда происходит, когда христиане пытаются обосновать духовные вещи перед неверующей толпой, — они потерпели фиаско.

«Я не хотела денег, — сказала Кэтрин Рексу Хамбарду. — Я только хотела убедить доктора Биллингтона, что Евангелие, которое он профессионально обязан проповедовать, реально и что Бог, Которого в силу своей профессии он обязан любить, — чудесный и замечательный».

^ Всю следующую неделю, осознав тщетность своих усилий, Кэтрин предпринимала попытки исправить положение. В воскресенье вечером она нанесла специальный визит в «Баптистский храм города Акрона» и лично доктору Биллингтону, пытаясь выразить ему свою любовь и сожаление о том, что случилось. Но он не пожелал ее видеть.

«Что касается меня, то я полагаю, что не было никакой вражды между доктором Биллингтоном и мною, — сказала Кэтрин, — он вызвал меня на бой, и все, что я делала, — так это защищала свое служение».

В интервью по телефону она сказала Джону Ватерсу из местной газеты: «Всего этого вообще не должно было быть.

Теперь это смешно. Для мужчины или женщины, прочно стоящих в вере, вся эта история — просто хорошее чтение. Но для тех, кто слабы в вере, я боюсь, это может послужить причиной полной ее потери и, следовательно, вечного проклятия. Это очень не по-христиански для двоих людей, которые в силу своей профессии обязаны проповедовать Евангелие, которые верят в Иисуса Христа как в Сына живого Бога и основывают свою веру на одной и той же Библии, — вести себя так, как они вели себя».

Когда Ватере спросил Кэтрин, почему она приняла предложение Биллингтона, она смутилась, а затем сказала: «Я хотела бы уйти от того, чтобы поднимать это дело снова, поскольку мы уже сделали столько плохого. Но, отвечая на ваш вопрос, я скажу, что я должна была принять этот вызов, ибо не только Кэтрин Кульман была вызвана на поединок, но тысячи и тысячи христиан разных конфессий, которые верят и практикуют «исцеление верой». Если бы я не приняла вызов, то доктор Биллингтон стал бы утверждать, что я мошенница и что я не могу дать ни одного свидетельства исцеления». И затем она нанесла свой *coup de grace**: «Вы знаете, те же самые чудеса, что происходят на моих собраниях, будут происходить и на собраниях доктора Биллингтона, если он будет вселять веру в сердца своих прихожан».

*** «Coup de grace» (франц.) — «удар милосердия», последний удар (в дуэли), добивающий раненого, дабы завершить его страдания. Наносится обычно из милосердия к противнику. Прим. пер.**

Несмотря на все ошибки во время этой злосчастной битвы, результаты Кэтрин остались неизменными. В то воскресенье более четырех сотен человек ответили на призыв к покаянию в палатке семьи Хамбардов, объявив, что они хотят отдать свои жизни Христу. И четверо вышли вперед в «Баптистском храме» города Акрона.

Но не все было потеряно. Одно из замечаний Биллингтона, которое больно задело их, содержало критику в адрес семьи Хамбардов: «Я заметил, что все «целители верой» действуют вдали от дома и никогда не начинают постоянного

служения где-либо». Рекс и Мод Эмми Хамбарды решили остаться в Акроне, основав «Храм Голгофы», а позднее — «Собор будущего». Узнав силу Святого Духа, который не только спасает, но и исцеляет, их церковь выросла и стала одной из крупнейших и самых динамичных церквей в мире.

Глава 9

За закрытыми дверьми

Очень немногие общественные деятели могли так умело вести дела, как это делала Кэтрин Кульман, — чтобы они оставались в тайне, в то же время, поддерживая в окружающих мнение, что из-за ее милосердия ее жизнь была словно открытая дверь.

«Я отвечаю на любой вопрос, который мне задают, — часто говорила она. — Я не верю, что кто-либо среди религиозных деятелей сегодня более честен в своих ответах, чем я. Я обнажаю мою душу перед вами».

Все же, когда ее спрашивали о возрасте, здоровье, о ее личной молитвенной жизни или финансовом положении, она обычно смеялась и отвечала: «Все меня знают. Они" знают обо мне все. Когда я сажусь в такси, то водитель обычно оборачивается и говорит: «Не вы ли Кэтрин Кульман? Мы с женой смотрим ваше шоу каждую неделю». Как раз на этой неделе командир самолета подошел к моему креслу в салоне и сказал мне, что его жена была исцелена на одном из наших собраний в «Святыне». У меня нет секретов. Все меня знают».

И тогда интервьюер улыбался, кивал головой и уходил прочь. И только много позднее, когда он начинал думать, что же она сказала, он осознал, что она умышленно ничего не рассказала и в то же время заставила его чувствовать себя, словно он король, пока она говорила.

Впрочем, в конце концов, стало очевидно, что хотя весь мир слышал о ней, лишь очень немногим были известны реальные факты из ее жизни, и никто по-настоящему ее не „знал. Даже самая близкая и верная подруга в течение последних 30 лет ее жизни, Мэгги Хартнер, которая даже начала перенимать манеры и стиль речи Кэтрин в последние годы, признала, что во многом Кэтрин оставалась загадкой

И похоже, что это нравилось самой Кэтрин. Несмотря на свою выставляемую напоказ наивность — «у меня нет

декретов», — у нее на самом деле было много секретов. Она была хитрой деловой женщиной, когда дело доходило до того, чтобы раскрыть личную или финансовую информацию даже самым близким друзьям. Она знала человеческую природу, как немногие люди, и осознавала, что любопытство обычно вырастает на почве нечистых побуждений. И, таким образом, Кэтрин обычно уходила от прямых ответов. Она поняла еще в начале своего служения, что немногие люди будут возражать против дымовой завесы, если только от нее пахнет духами.

Все же то, как она вела дела в своей организации, навсегда запутало даже самых сильных ее сторонников.

Во время моего первого визита в офис Кэтрин в «Карльтон-Хаус» в Питтсбурге в конце 1968 года я был поражен той «неэффективностью», которая была видна в работе офиса. Например, хотя она получала тысячи писем каждую неделю (почтмейстер в Питтсбурге однажды сказал, что объем ее корреспонденции в городе уступает разве что переписке компании «Ю. С. Стал»), она отказывалась пользоваться автоматом по вскрытию писем. Ее секретарши сидели за столами, окруженные гигантскими грудями писем, разрезая конверты вручную. Целую неделю я присматривался к хорошенькой секретарше Конни Сиргидж, которая сидела позади огромной стопки писем, сложенных на шестиугольном столе в дальнем углу комнаты. Конни обычно принимала телефонные звонки, и однажды в конторе я узнал ее голос, раздавшийся из угла комнаты. Взглянув поверх стопки почты, я заметил ее, деловито вскрывающую конверты ножом из нержавеющей стали. Она сортировала письма по содержанию и складывала их в аккуратные горки на полу рядом с собой.

Когда я наивно посоветовал, чтобы мисс Кульман приобрела автоматическую машинку для вскрытия писем, Конни усмехнулась и сказала: «Мы все в офисе — автоматические машины. Мы не думаем, мы только делаем. Мисс Кульман нажимает на наши кнопки, и мы исполняем».

Это признание, как я потом осознал, было куда более точным, чем многим того хотелось бы. Я говорил со множе-

ством людей, которые посещали офис «Организации Кульман», и многие говорили то же самое: «Роботы! Они все там — роботы. Они говорят, как мисс Кульман. Они смеются, как мисс Кульман. Им не позволено иметь личных проблем, даже жить личной жизнью. Они уже так запрограммированы, что им даже не нужно, чтобы она ходила рядом и отдавала приказы. Они не думают. Они просто следуют тем моделям поведения, на которые она их запрограммировала».

Были ли ее критики в состоянии увидеть различие между автоматическим раболепием и особой преданностью — это известно лишь тем, кто работал на нее. Нет никакого сомнения в преданности тех, кто управлял конторой. Ее желание было буквально командой для них. Когда Мэгги Хартнер однажды решила изменить прическу, то хватило лишь одного брошенного вскользь замечания Кэтрин, и волосы Мэгги снова были завязаны в узел, как и все последние 20 лет.

Та же преданность была проявлена даже после смерти мисс Кульман. «Мы не должны ничего менять, — сказала Мэгги относительно работы организации. — Мы будем продолжать делать все так, словно она еще здесь».

Одна из секретарш сказала мне со слезами на глазах, что они продолжают исполнять те же самые процедуры в течение долгого времени, потому что они чувствовали бы себя виноватыми, если бы делали что-то не так, как сделала бы это мисс Кульман, будь она еще жива. «На самом деле, — сказала эта женщина, — мы все боимся, что вот-вот мисс Кульман войдет в дверь. А мы не хотим быть застигнутыми врасплох, делая что-либо, чего бы она не одобрила».

Этот разговор состоялся шесть месяцев спустя после ее смерти.

Таким образом, после ее смерти сотрудники ее офиса: Мэгги, Марион, Уолтер Адамак, продолжали работу «Организации». Но внешне, однако, казалось, что локомотив едет без машиниста. Он несется по рельсам, оставляя позади мосты и эстакады, пересекая автомобильные дороги, заставляя машины послушно ждать позади опущенных шлагбаумов; фары его разрезают тьму и колеса стучат о рельсы, но нет

никакого представления, куда он мчится, что он будет делать там, когда доедет, и как добыть топливо, пока он еще не доехал до цели. А все потому, что машинист не побеспокоился оставить инструкции перед тем, как выйти из кабины.

Дэвид Верзилли, помощник Кэтрин, который проповедовал в Янгстауне, когда она отсутствовала, заметил, что никого нет у рычага управления, и он «отцепил» оставшиеся пассажирские вагоны, которые везли тех, кто собирался каждую неделю в зале «Стэмбог». Жестокое разочарование, которое сопровождало это окончательное отделение преданных мисс Кульман, называвших ее «пастором», от оставшейся части «Организации», было в конце концов необходимым. На самом деле, именно это Кэтрин и предчувствовала, пока еще была жива. Одним из факторов, характеризующих работу «Организации», было «привычное окостенение». Это все, на самом деле, можно было уподобить могучему поезду, с грохотом несущемуся по рельсам, с Кэтрин у рычага управления. И курс поезда был уже проложен, и не было времени повернуть на стрелке, понюхать цветы или даже остановиться и пообщаться с людьми, стоящими вдоль дороги и машущими руками в восхищении.

Кэтрин однажды сказала мне, что она организовала работу своего офиса так же, как она определила свою теологию: «Я нашла нечто, что работает, и я не меняю этого». В ранние годы своего служения она была известна как человек, открытый новшествам. Некоторые из ее прежних сотрудников не раз замечали, что отличительным знаком ее величия была ее способность поддерживать гибкость своей теологии. «Она всегда хотела узнать что-то новое о Боге», — сказал мне один мужчина. Но в ее зрелые годы, ее теология стала более консервативной. «Я не меняла своей теологии в течение 20 лет, — однажды сказала она мне. — Почему мне нужно сделать это теперь?»

Это был хороший вопрос, но я был не в силах на него ответить, потому что не чувствовал себя таким умудренным, как она.

Когда я сказал ей, что однажды посетил маленькое «собрание с чудесами» в гостиной Ричарда и Розы Овеллен в Балтиморе, которое ничем не отличалось от «служений с чудесами» Кэтрин Кульман, кроме размеров и интенсивности, то она лишь рассмеялась: «Все, что Дик и Роза знают о Святом Духе, они выучили у меня. И именно поэтому их теология правильная. Она такая же, как и моя».

Дэвид Вилкерсон однажды сравнил госпожу Кульман с генералом Вильямом Бутом, основателем «Армии спасения», который был подобен ревущему быку: он был нетерпим в общении с теми, кто не исповедовал веру так же, как и он, или не желал делать Божье дело так, как хотел этого он. Это делалось с тем же несгибаемым нажимом, с которым Кэтрин проводила свои богослужения и вела дела в офисе. «Я не буду менять своей теологии и не буду менять своих методов», — догматично заявляла она.

«Я хочу, чтобы во всем был оттенок личности», сказала мне госпожа Кульман, когда я спросил ее об автоматических вскрывателях писем. — Раньше я сама вскрывала всю корреспонденцию. Сейчас у меня нет на это времени. Но я не хочу, чтобы люди думали, что когда они пишут Кэтрин Кульман (она часто говорила о себе в третьем лице), то их письма будут вскрыты какой-то машиной».

Все же при этом она допускала странное несоответствие, ибо хотя письма вскрывались вручную, на большинство из них отвечала машина. Задняя комната в конторе была забита текстовыми процессорами с памятью от фирмы «IBM». Кэтрин ввела в память машин несколько общих ответов на стандартные вопросы, что покрывало большинство вопросов, присылаемых по почте. Эти ответа были запрограммированы в компьютер. Если письмо требовало своего «особого» ответа — такого, которого не было в памяти машин, — оно шло в отдельную пачку, и на него отвечали Марион Марш, Мэгги Хартнер или кто-то иной в офисе. Но всегда были письма, которые требовали личного ответа мисс Кульман.

Хотя многие другие христианские общины и организации совершали те же самые процедуры, мисс Кульман пыталась сохранять «оттенок личности», наклеивая вручную марки на

конверты. И, как ни невероятно это выглядит, она сама подписывала все посылаемые письма.

Но частенько случалось так, что мешок с письмами был так велик, что мисс Кульман (или Мэгги, если Кэтрин была в отъезде) просила — вернее, требовала — помощи у всех, кто приходил в офис, во вскрытии писем и наклеивании марок. Еще жива в моей памяти картина, как доктор Артур Меткалф, общительный, обаятельный, уже признанный музыкант, сидит на коврикe в углу конторы и лижет языком марки, наклеивая их на конверты.

«Это бригадный подряд, — улыбался он. — Когда груз становится тяжелым, мы все его поднимаем».

Та же самая мистическая власть над людьми была очевидна во многих других ситуациях. Когда она впервые проповедовала в Шарлотте, в штате Северная Каролина, она была приглашена одной авторитетной организацией на региональный съезд. Собрание проводилось в зале для танцев в старом здании «Вайт хаус инн», и присутствовало более полутора тысяч человек. Один из пасторов, организовавших это приглашение, Альфред Гарр, был также главным солистом на богослужении. Кончив петь, он занял место в первом ряду, почти что у ног Кэтрин. Альфред Гарр был пастором крупнейшей независимой пятидесятнической церкви в штате Северная Каролина, церкви, названной по имени его отца, который первым принес пятидесятническое учение в район Пидмонта в Америке. Он был хорошо известным и весьма уважаемым священником в Шарлотте. Но Кэтрин была не тем человеком, который обращает много внимания на чью-то личность. Она начала свою проповедь со слов: «Пусть в этом большом зале не будет ни звука. Ни шепота. Пусть говорит Святой Дух». Все склонил головы, и Альфред начал тихонько петь, совсем тихо (это было так тихо, что даже те из нас, кто сидел рядом с микрофоном, стоявшим на сцене, не могли его слышать). Но у Кэтрин не возникло ни тени смущения, чтобы остановить все собрание и пристыдить его. Даже не взглянув вниз, она просто опустила свою хрупкую руку, указывая прямо на него, и сказала: «Эй, вы там, господин, я же сказала — ни звука!»

И воцарилась тишина! Даже те, кто был задействован в служении, были просто людьми, когда проповедовала Кэтрин Кульман. И хотя ее методы были нетрадиционными, никто не сомневался в ее искренности и не оспаривал ее власти, когда дело касалось духовных вопросов. Несмотря на признанный авторитет в этих вопросах, до сего дня остается тайной ее личная духовная жизнь. Никто, похоже, не знал чего-либо определенного об этом аспекте ее жизни. Хотя она верила, что Библия — это абсолютное Слово Божье, и, хотя она классифицировала себя как фундаменталисту (а также и как последователя пятидесятнического учения: «Я — такая же пятидесятница, как сама Библия»), все же в течение последних лет ее жизни было очень мало свидетельств, что она уделяла время индивидуальному изучению Библии. Она вполне наполнила себя содержанием Книги Библия за более чем 40 лет, и ее старый приятель Дэн Малачук был, вероятно, прав, когда предположил, что она изучала Библию прямо перед аудиторией.

«Поскольку у нее не было времени изучать Библию перед тем, как она поднималась на сцену, — сказал Дэн, — она делала это прямо на сцене, заливая горячее в свой духовный насос для богослужения, которое следовало за этим».

В свои ранние годы она проводила серьезную подготовку перед проповедями, используя детальные выписки, которые, очевидно, появлялись вследствие глубокого и основательного изучения Библии. Эти выписки делались обычным текстом (не стенографией), и она обычно проповедовала прямо с них. Позднее Марион Марш печатала на машинке ее выписки на индексных карточках размером 3X5 или 4X6, которые Кэтрин держала в своем «мозговом ящике» — старом потрепанном «дипломате», который она носила с собой на все собрания.

Кэтрин часто претенциозно заявляла, что она не читает других книг, кроме Библии. В течение трех последних лет ее жизни это было, пожалуй, правдой. Впрочем, ее рабочий стол был завален надписанными экземплярами книг Эндрю Мюррея и Джесси Пенн Льюис на такие темы, как молитва,

духовное послушание и духовная война. Еще более интересными были напечатанные проповеди Нормана Винсента Пила, которые я обнаружил в нижнем ящике стола. Пил и Кульман, похоже, были на диаметрально противоположных полюсах, но все же она, очевидно, была в восхищении от известного пастора и несколько раз в своей жизни, вероятно, пользовалась его блестящей способностью рассказывать истории.

Однако даже Марион Марш признавала, что в течение последних нескольких лет своей жизни Кэтрин практически не готовила нового материала, используя снова и снова те же самые выписки, часто отрывочные, повторяясь и бродя по хорошо протоптанным дорогам. Это было явным контрастом с ее ранними годами служения, когда ее проповеди были динамичными, часто электризирующими, и ее занятия по Библии посещались даже самыми хорошо образованными людьми в городе. Ее длинные ораторствования, похоже, трогали очень немногих. И если, как вспоминал Дэн, ей нужно было весь первый час отдать тому, чтобы духовно подготовиться, то никто не возражал. Это стоило того.

Теория, выдвинутая Малачуком и другими, подтвердилась тем фактом, что в течение двух последних лет своего служения, «проповеди» Кэтрин (фактически, это не были проповеди в настоящем гомилетическом смысле) становились все длиннее и длиннее, продолжаясь иногда по полтора часа. Классическим примером была самая длинная проповедь, которую она когда-либо произнесла. Это было в гигантском зале «Святыня» в Лос-Анджелесе, через три дня после того, как она вернулась из Израиля. Она была физически истощена, и не было времени на сон, тем более на молитву.

«Я не собиралась проповедовать сегодня, — уверяла она собравшихся. — Я буду говорить только 10 минут, и затем мы прямо войдем в "служение с чудесами"».

Но после этого объявления Кэтрин продолжала говорить больше часа. Естественно, никто из присутствовавших не знал, что уже в то время она была смертельно больна. На самом деле, она уже умирала. Но многие из них уже

различали, что Кэтрин не осмеливалась начинать «служение с чудесами», пока не было помазания от Бога. Пока не приходило помазание, у нее не оставалось иного выбора, как продолжать говорить, проповедуя, скорее для себя, о силе Бога и молясь, чтобы эта сила скорее дала о себе знать. Она использовала это время, дабы подготовить себя духовно.

И, похоже, в последние годы у Кэтрин не было времени не только для изучения Библии, но и для личной молитвенной жизни. Она говорила тем немногим, которые осмеливались спрашивать ее об этом, что она постоянно пребывает в «промаливании».

«Я открыла секрет Павла, как молиться без перерыва, — сказала она газетному репортеру, у которого хватило терпения спрашивать, как так получается, что она никогда не выходит из состояния молитвы. — Я освоила, как общаться с Господом во всякое время и на любом месте. Я беру свою «молитвенную комнату» с собой в самолет, в автомобиль, на прогулку по улице. Я молюсь всегда. Моя жизнь — молитва. Как же вы не понимаете?»

Немногие понимали. Одной из тех, кто понимал, была Руфь Фишер, одна из давних сотрудниц Кэтрин, глубоко духовная женщина, которая проводила много времени в покаянной молитве и самостоятельном изучении Библии. Все же Руфь была чувствительна к тому факту, что Кэтрин просто не соответствовала обычному стереотипу духовной личности. Она поведала мне историю, которую Кэтрин однажды рассказала ей, историю, которая дала мне некое понимание образа мышления Кэтрин.

«Я видела однажды во сне, — сказала Кэтрин, — трех стоящих на коленях людей. Они все ждали того момента, когда Бог пройдет рядом с ними. Когда Господь спустился к ним, Он остановился и обнял первую женщину. Когда Он подошел ко второй женщине, Он нежно положил свою руку на ее плечо. А когда Он подошел к третьей женщине, стоявшей на коленях, Он лишь улыбнулся и продолжал Свой путь.

Кто-то сказал Господу: «Должно быть, Ты любишь ту женщину, которую Ты обнял, больше, чем остальных!»

«Нет, ты не понимаешь, — Он сказал мягко, — та, которую Я обнял, нуждается в Моей поддержке. Она слаба в вере. Та, которую Я слегка похлопал по плечу, сильнее. А третья женщина, которой Я просто улыбнулся, — она сильна. Мне не нужно беспокоиться о ней, ибо она со Мной постоянно».

Несмотря на заявления Кэтрин, что она постоянно «пребывает в молитве», были случаи, когда она сдавалась, и молитва буквально переходила в агонию. Я убежден, что она буквально молилась до тех пор, пока не засыпала каждый вечер, и, ложась в постель, она все еще была со Святым Духом. Всякий, кто был с ней за кулисами в зале «Святыни», или наблюдал, как она мерила шагами вестибюль в старом здании «Карнеги-холл» в Питтсбурге, или видел ее за кулисами в каком-либо большом зале перед тем, как она выходила на сцену, знал, что она была женщиной напряженной молитвы. Как говорила Мэгги Хартнер, да и некоторые другие, она часто возвращалась домой, истощенная «собранием с чудесами», и тут же падала на пол в слезах.

Первое «служение с чудесами», которое я посетил, было в 1968 году. Проложив дорогу сквозь более чем двухтысячную толпу, состоявшую из желающих попасть в «Карнеги холл», я протиснулся в дверь, ведущую на сцену, и обнаружил, что нахожусь в узком холле у кулис, который тянулся по всей ширине здания. Помощники Кэтрин стояли по углам холла, дабы никто не побеспокоил ее. Она ходила взад и вперед, то поднимая, то опуская голову; то воздевая руки вверх, то заводя их за спину. Ее лицо было покрыто слезами, и когда она приблизилась, то я смог услышать: «Милый Иисус, не отнимай у меня Твоего Святого Духа».

Я повернулся и быстро ушел, поскольку я понял, что вторгся в самое интимное общение между возлюбленными, и само мое присутствие было бы мерзким.

Позднее, когда я уже много раз попадал в подобную ситуацию, я начал понимать, что ни мое присутствие, ни чье-либо еще присутствие не пугали ее. Иногда она останавливалась посередине молитвы, весело болтая с тем, кто приходил к ней, или же давая инструкции относительно хора

или освещения, и затем, так же быстро, она возвращалась к общению с Господом.

Я был с ней в Тель-Авиве, в Израиле, на гигантском спортивном стадионе в конце 1975 года. Это было ее предпоследнее выступление на публике. Кэтрин было больно, уставшая, она все же провела больше полутора часов в темном помещении под помостом, расхаживая взад и вперед, молясь то с открытыми глазами, то с закрытыми; ее лицо было покрыто слезами. А наверху слышалась музыка группы «Живой звук», раздавались голоса и звуки инструментов, все вокруг было наполнено шумом международного собрания — беспокойных двигающихся людей из разных языковых групп. А над всем этим была суета самого Израиля. Нация в муках и борьбе пыталась выжить во враждебном окружении. За день до этого одна женщина из Финляндии умерла на ее собрании, и это глубоко тронуло ее. Израильская полиция задала много вопросов. Слишком много. И потому она ходила взад и вперед и молилась — отчаянно пытаясь прикоснуться к краю Его одеяния. Моля Его о том, чтобы ей не пришлось идти на сцену без Него, зная в глубине своего «я», что все то, что она говорила о себе, было правдой. Она была ничем, абсолютно ничем.

Возможно, молитвенная жизнь Кэтрин ниспровергала обычаи, но те, кто был рядом с ней, знали, что она жила, дышала и спала с молитвой. Тот факт, что она не уединялась, как делают иные, чтобы ждать и слушать, впадая в прострацию, или ждать в агонии, стоя на коленях, отнюдь не означает, что она не была женщиной молитвы. Как и все, что она делала, она делала это своим особым образом.

Проблемы, связанные с ее молитвенной концепцией, становились критическими, когда речь заходила о взаимодействии с ее помощниками, ибо, похоже, ей казалось, что сотрудники ее конторы и помощники по служению должны находиться в столь же глубоком посвящении, как и она сама. Подобно генералу Буту, она была абсолютно нетерпима к тем, кто не мог шагать в ее ритме.

Эти трудности были более заметны в офисе «Организации» в Питтсбурге, чем в любом другом звене служения. В отличие

от других христианских организаций, где сотрудники часто собираются вместе для молитвы, персонал организации Кэтрин просто прибывал в офис в назначенное время и сразу приступал к работе. Мисс Кульман редко молилась, если вообще молилась, с сотрудниками офиса. Предполагалось, что они, подобно ей самой, «пребывают в промаливании», приходя на службу, и так и остаются в течение всего дня.

Подобным же образом Кэтрин отказывалась принимать участие в личных проблемах своих сотрудников. Если у ее секретарши не ладилась отношения с мужем или кто-то испытывал денежные затруднения (о зарплатах в «Организации Кэтрин Кульман» ходила дурная слава, что они очень малы) — на упоминание обо всем этом в офисе было наложено табу. «У меня просто нет времени, чтобы разбираться с личными делами моих работников», — говорила она мне.

Однако ближе к концу ее жизни, в последние недели перед тем, как ее силой принудили лечь в госпиталь, эта философия начала давать свои горькие плоды. И когда она узнала, что один из ее давних работников обвиняется в сомнительном поведении, это почти совсем разбило ее.

Кэтрин всегда требовала высоких стандартов морали от своих служителей, музыкантов и добровольных помощников (в прошлом она не раз запрещала кому-либо петь в хоре, если его репутация была запятнана), — и все же она не могла справиться с этой «домашней» ситуацией. Ее работники в офисе были в ужасе от того, что происходило (хотя они, словно в оцепенении, боялись что-либо сделать без одобрения Кэтрин). Они понимали, что если бы Кэтрин не была так больна и не столь занята другими проблемами, словно лавина обрушившимися на нее в течение последних шести месяцев 1975 года, она бы разобралась в этом деле и положила бы конец скандалу, оскверняющему все, во что она верила. Но при своей физической слабости она уже не могла справиться с этим. Она просто отвернулась от этой истории и отказывалась обсуждать ее («Анна, мы просто будем жить так, словно этого не было»).

Похоже, никто толком не знал, насколько больна была Кэтрин в конце 1975 года. Она делала много такого, чего

никогда не стала бы делать, если бы ее тело функционировало нормально. Внешне она не теряла своего старого «конька» — требования совершенства всех «служений с чудесами», — это было ее «товарным знаком». Забывая о боли в груди и о растущей слабости в теле, она словно шла вперед в открытое море — планируя все больше собраний, устанавливая расписание телевизионных служений и постоянно подчеркивая, что ее умирающее тело все так же здорово, как и раньше.

Все же ближе к концу, как раз перед тем, как она попала в госпиталь в последний раз, стало очевидным, что она покидает нас. Поездка в Израиль в октябре истощила ее физически. А когда, уже в Иерусалиме, она обнаружила, что один из ее сотрудников ночью ускользает из отеля на тайное свидание, это уже было больше, чем она могла вынести. Она просто отвернулась от этого факта и никогда о нем не упоминала.

По мере того как служения становились все интенсивнее, а ее распорядок дня — все насыщеннее, Кэтрин стала уходить от всякого общения на личные темы даже с теми, кто был близок ей. В конце концов, она стала «отшельницей в миру», растворяя себя в общем служении, а затем, к вечеру, оставаясь с одним или двумя близкими людьми, которым позволялось находиться в ее присутствии. В самом конце она отвергла и их и вверила себя в руки тех, кого едва знала. Это был печальный уход.

Но вот что труднее всего понять — так это невнимание Кэтрин к тысячам молитвенных нужд, которые прибывали в офис каждую неделю. И хотя это выглядит непостижимым, но нет свидетельств, во всяком случае, в зрелые годы в жизни Кэтрин, что она обращала на них внимание или специально молилась об этих нуждах. Чувствовала ли Кэтрин, что такая особая молитва не нужна? Была ли она слишком занята? Или же она молилась за тех, кто писал ей, «скопом», путешествуя по миру, — неизвестно.

Но факт остается фактом — многие, многие, посылавшие молитвенные просьбы Кэтрин Кульман, исцелялись буквально в течение недели. Некоторые, видимо, чувствова-

ли, что на самом деле все служение Кэтрин Кульман было настолько окружено невидимой аурой, что даже те, кто протянул руки, чтобы коснуться края ее одежды, получали исцеление. Все же Кэтрин упорно отрицала эту теорию, снова и снова утверждая, что внутри нее нет никакой волшебной силы. Другие рассуждали, что все дело в силе веры тех, кто писал письма, и этой веры, дескать, достаточно для исцеления. Иные же питали иллюзии, что даже если Кэтрин сама и не молится за эти нужды, изложенные в тысячах писем, все же те, кто окружает Кэтрин, молятся, и это создает избыток силы, достаточной для исцеления авторов писем. Немногие же задавали каверзный вопрос, нужна ли вообще молитва для исцеления.

Но никто, похоже, ничего не знал.

Мне остается сделать единственный вывод: милостивый и сострадающий Бог, который видел нужду и страдания Своих детей и знал о всех нелепостях, что сопровождали служение Кэтрин, которое Он Сам и установил, — Он Сам часто вмешивался властной рукой и исполнял желания сердца своих детей. И каким-то образом, вне возможностей плотского разума человека, эти письма и звонки в офис Кэтрин были сами по себе молитвами. Таким образом, Кэтрин Кульман была просто катализатором для молитв людей. И на основе их мольбы отвечал Бог, а не Кэтрин.

Когда Кэтрин проповедовала послания о Боге-ревнителе, Который испытует сердца людей и не собирается «делиться славой» с каким-либо земным существом, то она проповедовала себе самой. Она знала, как ей отчаянно хочется услышать это послание и применить его к своей жизни. И так она проповедовала его снова и снова, ибо ни один служитель в нашем веке, вероятно, даже со времени Апостолов, не был под большим давлением и искушением присвоить себе часть этой славы.

И, таким образом, когда некоторые почитатели подходили к помосту после исцеления и говорили Кэтрин: «Ох, спасибо Вам! Спасибо Вам! — она быстро уходила, махала руками и повторяла: — Не благодарите меня. Я ничего не делаю сама. Благодарите Бога».

Но несмотря на все, что она говорила, люди благодарили ее. «Организация» получала миллионы долларов. Этот поток шел от богатых людей, которые завещали ей свои состояния, а также и от тех бедных, которые бросали монетки по 5 и 10 центов в тарелки для пожертвований. И все это безо всякого прямого указания жертвовать деньги. Кэтрин устраивала только один сбор пожертвований на каждом собрании, или, если было необходимо, она делала еще один сбор на телевизионное служение. Но всегда это делалось в тихом ключе. У нее не было театральных приемов для увеличения сборов. Не было также и специальных почтовых призывов в письмах для сбора денег. Она питала отвращение к методам, которые использовали некоторые организации, поднимавшие людей со скамеек и требовавшие жертвовать «щедрой рукой». «Это просто разогревает эгоизм, — прошептала она мне однажды, пока мы стояли за кулисами и наблюдали подобный спектакль на собрании, где ей предстояло проповедовать. — Если бы они вверили это в Божьи руки, то Господь сделал бы эту работу лучше, чем они в силах сделать ее».

Кэтрин оставила это в Божьих руках, и в итоге она имела доступ к большим деньгам, чем большинство могло себе представить. Многие критиковали ее — часто из ревности — за то, что она получала такие большие деньги. Но она знала лучше, чем ее критики, что она была управляющим в доме Божьем. И если она будет неправильно распоряжаться Божьими деньгами, то однажды Бог может привлечь ее к ответственности.

Дело не ограничивалось деньгами — люди присылали и подарки. Безделушки. Например, женщина идет по универмагу, видит какую-то безделушку и думает: «Эта штучка, видимо, должна понравиться Кэтрин Кульман». Она получала тысячи подобных вещичек по почте или же прямо на собраниях. Эти мелкие подарки обычно складывались на столе в конторе, и их разбирали сотрудники организации. Иногда Кэтрин сама раздавала их друзьям во время служения. Ибо даже сама Кэтрин Кульман не смогла бы ис-

пользовать 100 шкатулок, или 75 заколок с изображением голубков, или 30 браслетов со стразами.

Ей присылали Библии. Ее поклонники, видя ее по телевидению или на помосте с потертой, зачитанной, изношенной Библией в руках, из которой выпадали листы и обложка которой была надорвана, бежали в магазин и покупали самые лучшие Библии. Иногда они даже делали гравировку с ее именем на обложке. Но она не чувствовала себя удобно с другой Библией, отличной от той, которую она носила с собой годами, с загнутыми уголками страниц и пятнами. Ее клал на подиум ее верный охранник, — как знак окончательной готовности, — перед тем как появится она сама и, подняв ее, будет провозглашать истину и проповедовать послание из Библии.

Но подарки не ограничивались безделушками и Библиями. Многие были исключительно дорогими — редкие картины и антиквариат из Европы. Скульптуры из Италии и Южной Америки. Коврики из Персии и с Востока. Бриллианты и драгоценные камни со всего света. Меха и коллекционная одежда из самых известных домов мод. Реликвии из Израиля. Ее дом в Фокс-Чэпеле стал музеем, наполненным произведениями искусства стоимостью в сотни тысяч долларов. Ценностей прибывало так много, что ей потребовался специальный погреб под фундаментом дома, дабы хранить там некоторые редкости.

Все это создавало уникальную проблему. Кэтрин любила изящные дорогие вещи, и в то же время она искала, где бы повыгоднее купить. Для нее было в порядке вещей — пойти в магазин штучной одежды на бульваре Вилшир и потратить 3000 долларов за один раз. Ее стиль жизни требовал дорогого гардероба. После ее смерти я обнаружил огромную кучу счетов из «Профиль дюмонд», магазина импортных товаров на бульваре Вилшир, что в Беверли-Хилс. Эти счета были более чем за дюжину шифоновых платьев разных цветов — бледно-палевого, оранжевого, желтого, голубого и туманно-зеленого. Все же она никогда не забывала своего скромного начала. Охота за антиквариатом была одним из ее многочисленных хобби (Кэтрин тратила изрядные суммы

на покупку антикварных изделий для себя и для круга близких друзей), но она всегда чувствовала вину за то, что имеет так много, когда многие имеют так мало. Она не была привязана к вещам. Она могла легко принимать подарки и легко расставаться с ними и чувствовала себя уютно, сидя на полу своего офиса, сняв туфли, словно она сидит на одном из самых дорогих диванов в мире. Насколько я могу судить, она вырвалась из иерархии вещей. Вместо того чтобы быть обладаемой материальным, она обладала им. Она рассматривала вещи как средства, которые нужно использовать, а не как нечто, что нужно искать для обогащения и личной значимости. Все — же она была достаточно мудра, чтобы осознать, что большинство людей не могли взобраться на это особое духовное плато, а потому она постоянно сталкивалась с проблемой, как поступить с дорогими вещами.

Некоторые произведения искусства прибывали в офис ее «Организации» в Питтсбурге, но совсем немногие, осознавая опасность, она выставляла на обозрение. Например, когда она получила две вазы династии Мин, она сначала спрятала их в маленький ящик в своем личном кабинете и уже позже перевезла их в свой дом, куда заходили только

самые доверенные друзья. Другие предметы искусства использовались для украшения ее роскошной квартиры в фешенебельном Ньюпорт-Бич, в Калифорнии. Все же она часто задумывалась, не «получает ли она уже награду свою здесь», принимая эти подарки. Ответ, очевидно, она знает только теперь.

То же самое верно и по отношению к прославлению и лести. Как может человек выдержать равновесие между воздаянием всей славы Богу и тем, чтобы не обижать людей, которые не понимают этого?

«Временами, — однажды сказала она мне, — в моей слабости я немножко двигалась вперед и принимала хвалу и благодарение. Порой я бываю так истощена, что если я не приму часть хвалы, то просто умру. И, похоже, Бог позволяет мне делать это, чтобы просто дать мне жить. Но в конце дня, когда я совсем одна в своей спальне, я поднимаю руки к небу

и говорю: "Милый Иисус, Ты знаешь, что они говорили обо мне сегодня. Но теперь я отдаю всю славу Тебе. Я — ничто, и никто не знает это лучше меня. У меня нет волшебной исцеляющей силы. Нет исцеляющей святости. Во мне нет ничего приятного. Но, дорогой Иисус, Ты есть все. И сегодня люди все перепутали. У меня не было силы, чтобы исцелить их, но я знаю, что Ты понимаешь это. И теперь я отдаю тебе все, что они дали мне. Я прошу только об одном — не забирай своего Святого Духа от меня, ибо без Него я просто умру"».

Глава 10

Мудрость ожидания

Лидерство, в самом правильном смысле, состоит в умении обходиться с другими лидерами и заинтересовать их работой. Кэтрин была мастером в это деле. Она ждала, когда Господь пошлет нужного человека в ее жизнь, а затем ждала снова, пока не появится то совершенное чувство времени, подсказывающее, что «сейчас» как раз подходящее время действовать. Она испытывала огромное наслаждение, найдя совершенного человека для исполнения ее видения, и она давала ему полную свободу действий в его работе. Джин Мартин, слугитель из «Ассамблеи Божьей», был ее человеком в деле миссионерских поездок. Дик Росс, который выпустил много фильмов с Билли Грэхамом перед тем, как перейти на работу в Голливуд, стал ее человеком на телевизионных служениях. А мне предоставили свободу в работе над книгами.

Кэтрин отказывалась ставить свою подпись на чем-либо, будь то книга, телевизионное шоу, программа на радио или какая-либо миссионерская поездка, если это не было самого высшего класса. «Бог требует от нас самого лучшего, — говорила она. — И Он заслуживает этого. В конце концов, Он дал нам Свое лучшее, когда послал Своего Сына на Землю. Мы не должны успокаиваться до тех пор, пока не отдадим Ему самое лучшее в ответ».

Она лично просматривала каждую свою программу в укромной просмотровой комнате на *Си-би-эс** сразу после записи.

***Си-би-эс — CBS (Columbia Broadcasting Sistem) — теле- и радиоккомпания. — Прим. пер.**

Если что-то было не вполне совершенно, она затирала это место и делала дубль. И то же самое с книгами. Мы потратили три дня и испробовали множество названий, пока в конце концов не пришли к тому, которое подошло к маленькой книжке, которую я сделал для нее об одной няне и

троих ее детях — все они были исцелены от неизлечимых болезней на одном и том же собрании. Помню, как вконец разозленный, я поднял вверх руки и сказал: «Кэтрин, ведь Бог достаточно велик, чтобы дать нам название для этой книги, не правда ли?»

Она захлопала в ладоши, засмеялась сквозь хрипоту и сказала: «Как велик Бог?» И это стало совершенным названием для той книги.

Этот же дух стремления к совершенству наполнял каждый сделанный ею шаг. Ее помада всегда была самой лучшей. Ее ногти покрыты лаком, а ее платье всегда было сшито на заказ. Во время богослужения хныканье одного единственного ребенка заставляло ее остановиться и дать знак помощнику по залу. Стул не на своем месте, член хора с кое-как завязанным галстуком, сотрудница в офисе, одетая в юбку или блузку не того цвета, — она подмечала каждую деталь и не была удовлетворена, пока недочеты не были исправлены. Это же стремление к совершенству предохраняло ее от поспешного согласия участвовать в новом проекте, ибо она была настроена на то, чтобы он был совершенен во всех деталях еще перед тем, как она даст ему зеленый свет. А потому она ждала годами, прежде чем дать согласие расширить свое служение на телевидении, прежде чем она согласилась провести свое первое собрание в зале «Святыня» в Лос-Анджелесе, прежде чем она написала вторую книгу, прежде чем она приняла приглашение проповедовать в других городах. Казалось, словно на самом деле она не хотела расширить служение, но предпочитала оставаться в относительном уединении в Питтсбурге. Но комбинация из рекомендаций тех, кому она доверяла, и открытая дверь в новые возможности, которые она рассматривала как указания от Бога, в конце концов убеждали ее выйти из старой колеи и пойти на риск изменений и расширений. Впрочем, глубоко внутри она была всегда уверена, что лучше прилепиться к чему-то уже работающему, чем рисковать провалиться с каким-либо новым делом. И по этой причине она часто делала заявления, от которых затем ей прихо-

дилось отрещиваться. Например, она часто говорила, что никогда не будет писать автобиографию.

«Подожди, пока я умру, Джеми, — сказала она серьезно, — тогда ты сможешь рассказать им все».

Все же за год до того, как она умерла, она начала говорить со мной об автобиографии. Когда мы были вместе в Лас-Вегасе для проведения легендарного «служения с чудесами» в зале «Сити» в мае 1975 года, она еще больше «нажала» на меня. Зная мое природное нежелание быть автором-невидимкой, особенно если предполагается большая книга, она сняла все условия, чтобы польстить мне и дать понять, «как сильно мы нуждаемся в том, чтобы приступить к работе прямо сейчас».

Мы сидели в очень роскошной гостиной в номере-люкс Фрэнка Синатры во «Дворце Цезаря» Лас-Вегаса. «Собрание с чудесами» закончилось, и Кэтрин вернулась в номер истощенная. Я потрогал пальцем толстые ворсистые обои темно-красного цвета и стал слушать, как она рассказывала про собрание. Затем она повела нас показывать этот номер-люкс — мою жену Джеки, Дэна и Виолу Малачук и меня самого. Она показала нам встроенную ванну в форме сердечка (достаточно большую, для 2-3-х человек) и круглую кровать с зеркалом на потолке. «Я не такая уж глупая, — она усмехнулась, взяв крепко мою руку и наклонившись ко мне. — Я точно знаю, зачем там зеркало на потолке».

Вернувшись в гостиную, мы сели на шикарную красную софу в одном из самых роскошных номеров в отелях всего мира и стали слушать, как она излагала те причины, по которым я должен писать ее книгу. «Вы — тот человек, кто сможет честно все рассказать». Затем, искоса посмотрев на меня, она сказала: «Вы знаете, тут много всякого мошенничества делается во имя нашего Господа. Вы знаете, что я имею в виду?» Я не был уверен — по крайней мере, тогда, — но я знал, что если она знает, то я не успокоюсь, пока не выведу точно, о чем она говорит. — «Но мы должны сделать книгу для славы Божьей. Запомните это. Без обиняков, но для славы Божьей».

Еще одной причиной, по которой книга должна была быть написана быстро, которую она не назвала и которую она сама еще тогда не знала, было то, что вскрылось в течение следующих двух месяцев. Ее пианист и наперсник, Дино Картсонакис и его шурин, Пол Бартоломью, который был также ее личным управляющим, были уволены в феврале. Без ведома Кэтрин они подготовили к печати рукопись под названием «Последняя Великая Катерина», которую они предполагали выбросить на рынок бульварной литературы как публичное разоблачение. Все это держалось в секрете до июля 1975 года, когда Бартоломью возбудил уголовное дело против нее в верховном суде Лос-Анджелеса. Вскоре после этого Кэтрин выиграла процесс. Одним из условий скрепленного клятвой соглашения было обязательство Дино и Бартоломью не публиковать в печати ничего о Кэтрин Кульман в течение десяти лет. Однако тогда, в мае, она ничего не знала о готовящемся разоблачении, и потому я могу лишь заключить, что ее желание начать работу над автобиографией пришло как предостережение от Бога, что если она сама не расскажет свою собственную историю, кто-нибудь другой сделает это — и оклеветает и ее имя, и ее служение.

Таким образом, мы согласились продвигаться вперед. Но мы оба были заняты другими делами. И никто из нас не знал, как коротко отпущенное время. Кэтрин встретила со своей старшей сестрой, Миртл Парротт, и они наговорили на диктофон о детстве Кэтрин. Но смерть прервала работу, и, в конце концов, она получила исполнение своей исходной мечты — скорее биографию, чем автобиографию.

Все это дело, впрочем, было типичным при ее осторожности и ее чувствительности ко Святому Духу: ждать, пока Он не побудит ее что-то делать, а затем начать быстрое движение в том направлении, куда Он направляет ее. Кэтрин часто обвиняли в том, что она увлекающаяся, нетерпеливая личность. Когда дело касалось «подталкивания» ее помощников в служении, то так оно и было. Но когда речь шла о том, чтобы расширить служение в новую область, то она отлично выучила болезненный урок и потому ждала, пока

не появится нужный человек — кто-то, кому можно доверять, — и затем двигалась только тогда, когда Бог скажет ей двигаться.

Видимо, ничто не показывает лучше эти принципы, чем расширение ее служения в Канаду. Это началось, как большинство ее служений, с чудесного исцеления. Кеннет Мей, 62-летний фермер из крошечной общины в Форстерс-Фоллс, что в штате Онтарио, узнал от своего доктора из близлежащей деревушки Кобден, что он умирает от болезни Ходжкина — рака лимфатических желез. Эта история описана во всех деталях в книге «Канадский восход» под заголовком «Бог снова может сделать это». Его послали в Оттаву для лечения кобальтом. Но лечение оказалось неэффективным, и наросты на его теле постепенно появились опять. Он вернулся в раковую клинику при Главном госпитале для дополнительного лечения рентгеновскими лучами, но это привело лишь к увеличению и дальнейшему распространению наростов. Понимая, что его дни сочтены, доктора позволили ему навестить свою дочь в Питтсбурге, прежде чем принять его в госпиталь для окончательной терапии. Однако, прежде чем мистер и миссис Мей отправились в Питтсбург, один из их соседей-фермеров зашел к ним и сказал: «О, я все же надеюсь, у вас будет возможность посетить собрание Кэтрин Кульман, пока вы будете там».

В ответ на их вопрос, кто такая эта мисс Кульман, сосед дал им экземпляр книги «Я верую в чудеса». Кеннет Мей прочел книгу. И тогда он впервые начал задумываться: а вдруг это возможно, чтобы Бог исцелил кого-либо на последней стадии неизлечимого рака.

Первого апреля 1968 года чета Мей посетила регулярные занятия по понедельникам по изучению Библии, которые вела Кэтрин в «Первой пресвитерианской церкви». Занятия произвели на них большое впечатление, и они задержались в холле церкви, чтобы поговорить с кем-нибудь, кто ходил каждую неделю. Эти люди, узнав что господин Мей смертельно болен, посоветовали ему остаться на «служение с чудесами» в пятницу утром в «Карнеги-холл».

«Знаете, что Бог может исцелить вас?», — сказал им один мужчина.

Госпоже Мей надо было вернуться в Канаду, но Кеннет остался со своей дочкой. И хотя боль преследовала его, он продолжал цепляться за эту соломинку надежды: «Знаете, что Бог может исцелить вас?»

В пятницу утром дочь сопровождала его в «Карнеги-холл», но когда они пришли и увидели огромную толпу, ждущую на ступенях, хотя собрание должно было начаться только через несколько часов, он почти потерял надежду. Впрочем, несколько человек, которых он видел в понедельник вечером, заметили его и подошли поближе, уговаривая его остаться. Какая-то незнакомая женщина подошла и сказала: «У вас рак, не так ли?»

Мей был удивлен ее пронизательностью, но прежде чем он успел ответить, она взяла его за руку и начала молиться. И хотя он был удивлен, он склонил голову и громко сказал: «Я — твой, Господи, делай со мной, что хочешь».

Внезапно он ощутил, словно нечто прошло сквозь его тело, и боль прекратилась. Он был исцелен. Целый час он стоял, не чувствуя боли. После того, как служение началось, к нему подошел один рабочий и спросил, исцелен ли он. Мей ответил: «Я думаю, что со мной что-то случилось». Затем он поправился: «Я уверен, что со мной что-то случилось».

Его подвели к помосту, где Кэтрин помолилась за него. После служения, стоя в коридоре, он обнаружил другое странное явление. Вода начала течь из пор его кожи, и это продолжалось три дня. Попрощавшись со своей дочерью, он вернулся в Канаду и пошел в раковую клинику при Главном госпитале в Оттаве, где его признали здоровым. Даже его доктор назвал это чудом.

Вскоре после того как Кеннет Мей вернулся домой, он нанес визит госпоже Мэри Петгигрю из близлежащего местечка Кобден, у которой была последняя стадия множественного склероза. Вняв его уговорам, Мэри и ее муж Кларенс поехали в Питтсбург. Она тоже была чудесным образом исцелена и вернулась в маленький городок Кобден, переполненная радостной вестью о чудотворной силе Святого Духа. После

этого людей уже невозможно было остановить. Они направлялись в Питтсбург караванами. Многие были исцелены, и вскоре весть о чудесах распространилась по этому району Канады.

В январе 1969 года, примерно через шесть месяцев после исцеления Мэри Петтигрю, одна женщина из Оттавы, умирающая от рака, позвонила своей подруге из Броквилла госпоже Моды Филлипс и спросила, знает ли та что-либо о служении Кэтрин Кульман. Моды ничего не знала об этом и даже не слышала имени Кэтрин Кульман, но посоветовала подруге решиться и посетить собрания. В конце концов, она умирала, и что могло быть хуже этого? Женщина посетила богослужения в Питтсбурге и вернулась в Канаду исцеленная. Изменение было мгновенным и очевидным. Ее кожа, раньше — цвета меди, теперь была здорового розового цвета. Все симптомы болезни исчезли. Но произошло не только это: у человека, отвозившего ее в Питтсбург, был огромный нарост на спине размером с грейпфрут, — и он был тоже исцелен.

Моды была очень консервативной женщиной и, хотя она знала подругу с детства, едва могла ей поверить. Она обсудила это дело с мужем, Харвеем, который был агентом по печатному делу, и они оба решили съездить в Питтсбург и посмотреть сами. За день до отъезда дочь Филлипсов, Шарон, их зять Грант Митчелл и их четырехгодовалый внук Трой напросились в поездку вместе с ними. Похоже, все в провинции Онтарио только и говорили о чудесах, происходящих в Питтсбурге.

Маленький Трой родился с экземой и хронической болезнью легких, похожей на астму. Климат в Канаде зимой самый неблагоприятный для людей с экземой, ибо многие теплые вещи содержат волокна, которые колют кожу, вызывая дополнительное раздражение. Кожа Троя была покрыта крупными гноящимися болячками со струпьями наверху и сочащейся жидкостью. И помимо этого, на сгибах и там, где образуются кожные складки: под подбородком, под мышками, в локтевых суставах, в паху, в коленных суставах и между

пальцами ног и рук — везде было зудящее, жгучее воспаление с потрескавшимися ранами.

Трой был под наблюдением у одного из лучших дерматологов Оттавы, доктора Монтгомери, а также — их семейного терапевта, доктора Хал Мак-Леода. Доктор Монтгомери прописал лечение, которое состояло не только из лекарств, но и из 4-х ванн с овсяной мукой каждый день. Овсяная мука оказывала смягчающее воздействие на кожу, и Митчеллы покупали ее стофунтовыми мешками. Ванны старательно приготавливала Шарон, которая была дипломированной медсестрой. На ночь ребенка нужно было заворачивать в марлю и бинты, чтобы он не разбередил болячки. Единственная надежда, говорили доктора, что когда он повзрослеет, то научится держаться подальше от всех тех вещей, которые усугубили бы его состояние и, возможно, научится приспособливаться к своему состоянию.

Проехав 500 миль до Питтсбурга и проведя ночь в отеле «Пик Рузвельт», вся семья прибыла в 6.30 утра в «Первую пресвитерианскую церковь», где теперь проходили «служения с чудесами», поскольку «Карнеги-холл» был на реставрации. Церковь уже была полна людей, хотя собрание было назначено на 11 часов. Грант, Шарон и Трой сели на одну скамью, а Моды и Харвей сидели прямо за ними у прохода. Трой листал цветную книжку, чтобы скоротать время.

Но что-то происходило. В 9 часов Моды заметила, что Шарон плачет без видимой причины. А когда время собрания подошло, то она заплакала еще сильнее и громче и продолжала плакать даже после того, как Кэтрин пришла, чтобы начать собрание в одиннадцать.

Все это удивляло Моды, которая была верна консервативным взглядам. Она хотела уйти и два раза обращалась к Харвею, чтобы он тоже ушел. Но уйти прилично не получилось, и она осталась, настроившись терпеть до конца и больше не попадать в такую неудобную ситуацию.

Как мисс Кульман часто делала, она пропустила проповедь и приступила сразу к чудесам, вызывая из зала людей с различного рода исцелениями и побуждая их выходить для свидетельства к платформе. Вдруг посреди собрания она

остановилась и сказала: «Кто-то исцелился от экземы». Ответа не последовало. Ни Филлипсы, ни их дети, похоже, не соотнесли это с состоянием Троя. Кэтрин продолжила собрание, но через 10 минут она сделала очень необычную вещь, что, как вспоминают ее сотрудники, она делала только дважды в жизни. Она сказала: «Я вынуждена остановить служение. Кто-то на этом священном собрании огорчает Святого Духа».

Наступила мертвая тишина во всей гигантской аудитории. Люди повернулись и посмотрели друг на друга словно ученики Иисуса, когда Он объявил, что один из них предаст Его. «Не я ли? Не я ли?»

Мэгги Хартнер, которая, похоже плыла в Святом Духе, после того как помазание от Бога пришло на собрание, стояла в проходе рядом с ними. Шарон все еще плакала так сильно, что даже не отдавала себе отчета в том, что происходит вокруг. Мэгги обратилась к Гранту и спросила:

— За что вы молитесь?

— Мой сын, — просто ответил Грант.

— А чем он болен?

— Экзема.

— Ну что же вы, — воскликнула Мэгги, — разве вы не слышали, что сказала Кэтрин Кульман? Все собрание остановлено. А я тут бегаю взад и вперед по проходу, пытаюсь найти того, кого коснулся Бог. Пожалуйста, осмотрите ребенка.

Внезапно Шарон «ожила». Еще не вытерев слез, она наклонилась к Трю и стянула его футболку прямо через голову. Каждая рана на теле ребенка, каждое поражение, каждая гноящаяся трещинка — все было исцелено. Струпья превратились в порошок, и когда футболка задела их на спине, они осыпались на пол. У Моды, сидевшей прямо позади него, перехватило дыхание, и она была почти в шоке. Грант протянул руку и оцупал то место, где была особенно плохая, мокнущая рана на левой руке. Кожа была теперь целой и здоровой. Все тело было чистым.

Мэгги настояла, чтобы родители вывели ребенка вперед. Но никто не мог позднее вспомнить, выходили ли они к платформе. Похоже, что все они были в трансe.

Уехав с собрания, они направились на север, все еще не веря в то, что видели и пережили. Около Эри они попали в тяжелую снежную пургу, и им пришлось свернуть в придорожный мотель. Свободным был только один номер, так что все пятеро поселились в нем. Троя сразу уложили спать, а взрослые продолжали говорить и удивляться этому чуду всю ночь. Около полуночи Харвей не смог больше терпеть и, взяв со стола лампу, стал осматривать спящего Троя. Все места, прежде пораженные язвами, теперь были снежно-белого цвета, а остальные, нетронутые, имели здоровый розовый оттенок. В середине каждого белого участка было крошечное пятнышко (типа сыпи) не больше булавочной головки. К утру, однако (взрослые продолжали осматривать его каждый час), даже эти крошечные пятнышки исчезли.

Три месяца спустя Митчеллы взяли Троя в отпуск в Мексику. Когда они вернулись, тело мальчика хорошо загорело под мексиканским солнцем — все, за исключением тех мест, где была экзема. Эти области оставались снежно-белого цвета еще целый год, а затем стали совершенно нормальными.

Они привезли Троя к доктору Монтгомери и к доктору Мак Леоду, и оба они зафиксировали исцеление, включая легкие мальчика. Доктор Монтгомери назвал Моды «волшебной бабушкой». Это имя она все еще лелеет, как напоминание о том времени, когда Бог так ярко вошел в ее жизнь.

Моди Филлипс была самой вдохновленной женщиной в Онтарио. Она была настроена на то, чтобы все в Оттаве посетили «служения с чудесами» в Питтсбурге и были благословлены подобно ей. Прирожденный организатор, она начала думать, как бы собрать служителей города и привести их на «собрание с чудесами» — тогда они «загорятся», и все церкви будут наполнены тем же Святым Духом, который присутствует на служениях Кэтрин. Однако, даже когда она предложила нанять автобус и заплатить за него из своего кармана (1000 долларов), пасторы, похоже были слишком

заняты, чтобы проявить к этому интерес. Никто из них не выказал ни малейшего желания стать свидетелем чудес, а уж тем более самому заниматься этим.

Не сломленная этим, Моды продолжала возвращаться в Питтсбург каждую неделю, беря с собой в поездку тех, кто соглашался присоединиться к ней. Но в ней оставалось жить чувство, что ей нужно как-то нанять автобус и взять с собой группу или, возможно, несколько групп в Питтсбург.

Осенью того же года Харвей заболел. Когда доктора обнаружили это, они сказали Моды, что он может умереть на операционном столе. Молитва пока что была очень формальным актом для семьи Филлипсов. Как Моды определила это, они молились «в стиле Объединенной церкви», что означало, что они слушали молитвы в воскресенье в церкви, благодарили Бога за еду на столе и повторяли «Отче наш» вечером. Впрочем, когда состояние Харвея стало критическим, Моды решила — впервые — обратиться прямо к Богу:

«Господи, если ты спасешь его, то я найму автобус в Питтсбург»,

Харвей сразу пошел на поправку, и через день после его выписки из госпиталя Моды уже наняла автобус и нашла людей, готовых поехать в Питтсбург. В группе был только один служитель. Остальные, как рассказывала Моды, были горничные и прислуга — именно те, на кого Бог обещал в книге пророка Иоиля излить Свой Дух.

Начиная с того времени и до самой смерти Кэтрин, последовавшей почти 6 лет спустя, Моды Филлипс пропустила только пять собраний в Питтсбурге. Она организовала сотни чартерных автобусных рейсов из Канады и видела тысячи людей, исцеленных и «завоеванных» для Господа Иисуса Христа.

По мере роста числа канадцев на «собраниях с чудесами», росла и доля пожертвований канадских верующих в служение. Поскольку вклады в американское отделение «Организации Кэтрин Кульман» не облагались канадским подоходным налогом, стало очевидным, что Кэтрин нуждалась в открытии канадского офиса. А кто лучше подходил для

руководства им, чем тот, кого ей послал сам Бог — Моди Филлипс.

Впрочем, перед тем как Кэтрин попросила ее взяться за работу, сам Святой Дух начал говорить Моди. И хотя Моди проработала 15 лет на ответственном посту в «Автоматической электрической компании», она внезапно почувствовала, что ей нужно уволиться с работы — и не было другой причины, как только предчувствие, что Господь приготовил для нее что-то иное. Таким образом, когда мисс Кульман позвонила, Моди Филлипс была уже готова начать работу немедленно, организовав канадское отделение «Организации Кэтрин Кульман» со штаб-квартирой в Броквилле вблизи Оттавы.

Моди сразу приступила к работе, пытаясь убедить Кэтрин, что среди канадцев есть много ее сильных последователей и что они нуждаются в своем собственном «служении с чудесами» в районе Оттавы. Она посоветовала использовать Муниципальный центр города Оттавы на 16000 посадочных мест. Кэтрин, естественно, нелегко было убедить. Она вполне была довольна служениями в Питтсбурге и Лос-Анджелесе и, естественно, сопротивлялась всякому переезду, особенно в такую пустыню, как центральная Канада, где многие служители «умерли с голоду».

Кэтрин часто говорила о преследующем ее кошмарном сне, в котором она выходила на сцену некоего странного зала и обнаруживала, что зал абсолютно пуст. Этот страх сделал ее исключительно осторожной, не склонной пускаться в какие-либо новые предприятия без полной уверенности в успехе. Ибо, после страха появиться на сцене без Святого Духа, ничто так не пугало ее, как ужас выхода перед пустой аудиторией.

Но Моди была уверена, что Кэтрин стоит поехать в Канаду. Растущее число канадских верующих на Питтсбурге, к их собраниях склонило-таки чашу весов в пользу Моди, и Кэтрин согласилась приехать. Она запланировала не только посетить Оттаву, но и провести три вечерних собрания в Питерборо.

Теперь ноша ответственности внезапно свалилась на плечи Моды. В тот вечер, когда Кэтрин согласилась приехать, она легла спать и не могла уснуть. Она лежала и думала: «Ну теперь посмотри, что ты натворила. Ты организовала автобусы в Питтсбург, и ты наладила бухгалтерию для канадского филиала, но что ты понимаешь в организации «собраний с чудесами»? Если Кэтрин проедет весь этот путь до Канады и никто не придет на собрание, то ее кошмарный сон станет твоей реальностью».

Было 2 часа утра, когда, поспав кое-как урывками, она внезапно проснулась. Все детали плана организации богослужений пульсировали у нее в мозгу. Осторожно, чтобы не разбудить спящего мужа, она выскользнула из кровати и спустилась по лестнице. Моды осмотрелась, нашла старую карту канадских дорог, разложила ее на кухонном столе и снова закрыла глаза. Она вспоминала то видение, которое было у нее перед тем, как она пробудилась несколько минут назад. В видении она увидела карту с булавками на ней и детальную инструкцию, как организовать бригаду автобусов из всех близлежащих городов. Открыв глаза, она начала втыкать булавки в карту и записывать план, как заказать автобусы. К тому времени, когда Харвей спустился завтракать, у нее уже были продуманы все детали.

Это была совершенно новая идея. Она точно знала, сколько автобусов ей понадобится, а также могла сказать, взглянув на свои схемы, сколько из них будет заполнено полностью, сколько — частично, сколько потребуются дополнительных автобусов, сколько людей займут резервные места, как много места надо зарезервировать для инвалидов колясок и, наконец, сколько нужно пригласить организаторов для помощи в зале.

Это произвело впечатление на Кэтрин. И тогда Моды Филлипс, «волшебная бабушка», начала разъезжать по всей Канаде и США, подготавливая почву для больших «служений с чудесами» в Чикаго, Сент-Луисе, Окленде, Сиэтле, Далласе, Майами, Атланте, Лас-Вегасе и в десятке других крупных городов. Это было началом совершенно нового

служения для Кэтрин. И это получилось, потому что у нее хватило мудрости ждать.

Глава 11

Привет! Вы, конечно, ждали меня?

Все, похоже, однажды пытались подражать Кэтрин Кульман. Ее уникальный дребезжащий голос, когда она приходя на радио, говорила: «П-р-р-ривет! Вы, ко-онечно, жда-али меня-а-а?», ее театральные жесты руками на телевидении; то, как она вставала на носочки и маленькими быстрыми шажками «перелетала» с одного места на другое по сцене, помахивая пальцем в воздухе и говоря: «Свято-о- ой Ду-у-ух сейчас здесь», или: «Я воздаю Тебе сла-а-а-аву, я воздаю Тебе хвалу»; ее прическа образца 1940 года — все это было идеальным примером, чем-то вроде разукрашенной карикатуры, которую любят передразнивать. Один режиссер из Голливуда, еврей, был верным поклонником Кэтрин, Он сказал, что у нее были все задатки звезды, поскольку она была единственной женщиной, способной растянуть слово «Бог» на четыре слога.

Она стала хорошей приманкой для телевизионных комиков. Актеры типа Флипа Вилсона или Кэрола Бернетта могли вызывать шквал смеха забавными пародиями на Кэтрин Кульман. Похоже, что Кэтрин радовалась им больше, чем кто-либо другой. Она знала, что комики и актеры телевидения и ночных клубов передразнивают лишь тех, кто имеет большую известность в США, и мне думается, она добровольно терпела унижение от того, что Кэрол Бернетт смеется над ней, ради того, чтобы погреться в лучах славы, доступной лишь избранным. После того как Руфь Баззи сделала действительно «крутую» пародию на мисс Кульман в программе «Засмейся» (возлагая руки на дыню в магазине),

Кэтрин послала ей личное письмо, состоящее из одной строки: «Никто так не рад сатире, как я». Руфь ответила Кэтрин, прислав две дюжины роз с зимними стебельками (между прочим, Руфь больше никогда не делала пародий на Кэтрин Кульман на телевидении).

Даже те из нас, кто хорошо знал и любил ее, не могли удержаться от пародий: если разговор за обеденным столом заходил о Кэтрин Кульман, то кто-нибудь вытягивал вперед палец и говорил: «А вот это как раз подобно этому!» Или же, если на молитвенном собрании царило легкое и неформальное настроение, то кто-нибудь кричал горловым голосом: «Я веру-у-ую в чудеса-а-а-а».

Было множество теорий, почему Кэтрин так говорит. Некоторые слова были уж слишком искажены. Так, вместо «Иисус» всегда выходило: «Ииизуссс». Она не могла говорить о Святом Духе, не растягивая Его имя: «Свяяятоооо Дууух». То же самое касалось ее театральных жестов, особенно когда она отступала назад, вытягивала вперед руку, указывая перстом, опускала подбородок, смотря куда-то вдаль, вне указующего перста, и говорила с определенностью Боулдера Дэма: «Вот так правильно! И не вздумайте забыть это!»

Кэтрин нравилось рассказывать людям, что в детстве она заикалась (как Моисей). Ее мать была обеспокоена этим и проводила часы, тренируя ее говорить правильно, повторяя: «Сейчас, милая, говори медленно. Выыыговааривай слова яснооо».

«И по этой причине я говорю теперь так медленно, — объясняла Кэтрин репортеру из журнала «Пипл». — Многие думают, что у меня дефект речи, но это просто мой способ преодолеть проблему».

И это нравилось людям. Мы все любим того, кто преодолевает, и презираем позера. Те, кто знал ее с детства, говорили, что она всегда произносила слова медленно, вытягивая их, и делала театральные жесты, чтобы привлечь внимание слушающих. Одна ее старая школьная приятельница говорила мне, что когда она слышит Кэтрин по телевизору, она может закрыть глаза и представить себе, что это говорит

все та же 15-летняя рыжая и озорная девчонка, стоящая перед классом, машущая руками, моргающая своими длинными ресницами и декламирующая стихи, выставив вперед бедро: «О, капитан! Мой капитан!»

«Когда учитель уходил из класса, — вспоминала школьная подруга, — все ребята начинали вопить: «Кэтрин, расскажи нам историю». Она была настоящим оратором, и, хотя мы посмеивались над ее жестами и манерой выговаривать слова, мы знали, что никто не мог так нас позабавить, как Кэтрин».

Много лет спустя во время одного огромного «собрания с чудесами» в зале «Святыня» старшая сестра Кэтрин Миртл Парротт сидела наверху на балконе. Несколько молодых женщин сидели позади нее, и Миртл подслушала их разговор.

«Она словно драматическая актриса, — сказала одна, — я не могу переносить ее театральщину». — «А то, как она растягивает слова. Что за пустозвонство. Ей следовало бы побольше стоять перед зеркалом, чтобы попытаться убрать свой акцент».

Это было больше, чем могла выдержать Миртл. Повернувшись на стуле, с горящими глазами, она сказала: «Я знаю ее дольше, чем вы. Я знаю ее дольше, чем кто-либо в этом зале сегодня, и я хочу, чтобы вы знали, что она всегда так говорила. Я говорю — всегда».

Действительно ли она заикалась в детстве?

Или же она еще в детстве начала вырабатывать технику отвлекать людей — технику, которую она так и не изменила, потому что это работало?

Это — еще одна из ее тайн, которая, вероятно, так и не будет раскрыта.

Кэтрин начинала каждую передачу с того же самого приветствия: «Привет вам! Вы, конечно, ждали меня? Это так здорово. Я просто знала, что вы придете сегодня».

Это, может быть, звучало как совершенная чепуха, но это было тем теплым прикосновением, которое заставило целое поколение радиослушателей полюбить ее еще задолго до того, как телевидение победило радио. На самом деле, мно-

гие слушатели писали в своих письмах, что когда «кэтриновский голос» возникал в их радиоприемниках, спрашивая, ждали ли они ее, то они отвечали, часто громко: «О да, Кэтрин. Я жду тебя». Как и в других случаях в своей жизни, найдя однажды работающую формулу, она не изменяла ей.

Впрочем, ее знаменитые «спектакли», ее умышленно показная манера речи, ее драматически эффектные жесты — все это делало ее уязвимой и давало материал для потешных пародий.

Моей любимой пародисткой была Катерина Маршалл. Катерина и ее муж, Леонард Лесорд, который был в то время редактором журнала «Гайдпостс», попросили, чтобы я представил их Кэтрин. Чета Лесордов подошла к новому измерению в их духовной жизни, и они были очень заинтересованы служением мисс Кульман, особенно ее вниманием ко Святому Духу. Кроме того, Катерина работала над книгой «Нечто большее», в которой она планировала написать главу об исцелении. Она думала, что встреча с мисс Кульман будет для нее полезной.

Кэтрин с не меньшим рвением хотела встретиться. Хотя я не верю, что она прочитала хоть одну книгу Катерины, она была под впечатлением от тех людей, кто смог достичь вершины успеха. И встреча с двумя знаменитыми авторами: Катериной и с ее столь же талантливым мужем была тем событием, которые любила Кэтрин. Таким образом, когда я позвонил ей в Питтсбург и сказал, что намереваюсь привезти Катерину и Лена на «собрание с чудесами» в Майами на следующей неделе, она вела разговор так, словно я собирался привезти короля и королеву Англии.

«Приходите прямо за кулисы, как только приедете, — засмеялась она. — Я долго ждала этого».

После обеда моросил дождь, когда мы с Джеки забрали Катерину и Лена из их флоридского дома. Когда мы ехали к югу по дороге Солнечного света, они оба засыпали меня вопросами. Писатели — всегда любопытные люди, они всегда больше задают вопросы, чем сами рассказывают.

— Как вы думаете, феномен «падения под действием силы» реален?

— Вы полагаете, у нее есть гипнотическая сила?

— Почему некоторые исцеляются, а остальные уходят домой ни с чем?

— Вы думаете, вера играет важную роль в исцелениях?

— Чья вера — ее или того, который получает исцеление?

— Почему Бог избирает такую женщину, как Кэтрин Кульман, со всеми ее очевидными недостатками?

Единственный вывод, к которому я пришел, когда мы миновали заставу, где взимается подорожный сбор, и направились к залу «Дейд канти», состоял в том, что исцеление, подобно рождению и смерти, — промысел Божий. Это — следствие Его любви и милости, а не человеческие проделки, и Он может избирать любого смешного человека, какого Он захочет, чтобы через этого человека текла сила исцеления.

Когда мы добрались до зала, дождь усилился и шел непрерывно. Было без нескольких минут пять, когда мы свернули с улицы Флаглер и объехали вокруг зала, «дворники» ритмично махали взад-вперед, оставляя полосы на лобовом стекле моего «шевроле», на котором я ездил уже четыре года.

«Ой-ой!» — услышал я голос Лена с заднего сидения, а Катерина продолжила более просто: «Невероятно, вы только посмотрите на это!»

Тротуар, лужайка и вся улица перед залом были запружены народом. Некоторые сумели протиснуться к стене под нависающий козырек, но большинство — похоже, еще 2000 человек — стояли под проливным дождем, ожидая, когда откроют двери. Зонты всех возможных размеров, форм и цветов были раскрыты, и некоторые люди могли укрыться под ними. Другие же стояли, спрятав головы под мокрыми газетами. Многие просто мокли, без всякого укрытия. И толпа росла по мере того, как люди, припарковав свои автомобили, устремлялись с парковочной площадки, чтобы пристроиться в конец очереди, которая выливалась прямо на траву, на клумбы и дальше — на улицу.

Катерина сидела на краешке заднего сидения, держась руками за спинку сиденья как раз сзади моей головы, и вглядывалась во все это через ветровое стекло. «Два часа до начала богослужения, а они стоят под дождем, — вздох-

нула она. — Можете ли вы представить, что вот так же люди пытаются войти в нашу Пресвитерианскую церковь?»

Лен хмыкнул в изумлении: «Что ж, может быть, если бы такие же вещи происходили в нашей церкви, какие происходят, как говорят, на этих «собраниях с чудесами», то мы имели бы те же результаты».

Мы припарковали машину и проскользнули через боковую дверь вблизи входа на сцену. Хор был уже на месте, и доктор Меткалф репетировал финальные аккорды. Аудитория была уже наполовину заполнена теми, кто приехал на чартерных автобусах, или, в исключительных случаях, — в инвалидных колясках или на носилках. Мы прошли за кулисами в комнату Кэтрин для переодевания. Мэгги встретила нас у двери и ясно показала знаком, что нас ждут.

Кэтрин, как всегда, вышагивала по комнате. Она быстро повернулась, когда мы вошли, и протянула к нам руки. «Ох, да благословит вас Господь», — с сияющим лицом сказала она.

Я с удивлением взирал на нее. Она была одета в легкое черное платье из *органзы**, с кружевной отделкой внизу по краю юбки и на концах рукавов длиной до локтя. Платье было украшено темно-красным поясом, по меньшей мере шести дюймов** шириной, создающим иллюзию, что можно обхватить ее талию обеими руками, и пальцы сойдутся на спине. Пушистое кружево на рукавах подчеркивало ее длинные руки. Тяжелый серебряный браслет был надет на правое запястье, и на ее шее красовалось дорогое украшение, которое выглядело, словно изумрудное кольцо из чистого серебра. Туалет дополняли черные чулки под цвет платья и темно-красные туфли. Но не столько от ее одежды перехватило у меня дыхание, сколько от очков. У нее были самые огромные темные очки, которые я когда-либо видел. Темно-красная оправа подходила к поясу и туфлям, но очки сами по себе закрывали пол-лица и увеличивали на добрых два дюйма*** ее голову.

***Органза (organza) — плательная прозрачная жесткая ткань (шелковая или вискозная). — Прим. пер.**

****6 дюймов = 15 см 24 мм. — Прим. пер.**

*****2 дюйма = 5 см 8 мм. — Прим. пер.**

Она на какое-то мгновение застыла в позе, типичной для Бетти Грабл, когда та позировала в 40-х годах: одна рука покоится на талии, а бедро выставлено вперед. Хотя ей было уже более 65 лет, она все еще могла произвести впечатление. Она задержалась в этом положении на несколько секунд, а затем направилась к нам и взяла обеими руками руку Катерины.

Она снова сказала свое: «Ох, да благословит вас Господь!», ее лицо улыбалось из под очков. Затем, все еще крепко держа в своих руках руку Катерины, она отступила на полшага, словно разглядывая в восхищении человека, который специально приехал, чтобы ее увидеть.

«Я так удивлена, — сказала она, и ее голос при этом то поднимался, то опускался, подобно воде в реке, пробивающей себе дорогу в скалах, — почему такие люди, как вы, хотят увидеть меня. Но, — тут она засмеялась и продолжала гортанным голосом: — я так рада, что вы приехали».

Катерина застыла, пораженная, смотря на эти очки-монстры.

Кэтрин издала еще один характерный смешок. «Ох, — сказала она хриплым голосом, — я просто стараюсь остаться инкогнито».

Катерина захохотала, и внезапно обе они стали похожи на двух, уже немолодых, сестер.

Мы недолго оставались в примерной и быстро заняли места в зале, с которых могли видеть не только сцену, но и то, что обычно происходит в зале, когда начинаются чудеса. Лен и Катерина, судя по всему, больше интересовались реакцией публики, чем тем, как Кэтрин расхаживала взад-вперед по сцене. Несколько раз я украдкой смотрел на них обоих и видел слезы у них на глазах. Это было зрелищное представление, честно говоря, но в нем было нечто большее, чем ораторское искусство. Святой Дух тоже был там.

Это был единственный случай, когда обе Кэтрин (или, может, Катерины) встретились. В тот вечер, на пути к дому Лесордов, после того как мы проводили Лена в аэропорт Майами, откуда он вылетел в Нью-Йорк, Катерина была тиха

и серьезна. И хотя я много раз бывал у нее после того собрания, насколько я знаю, она больше никогда не пародировала свою замечательную тезку.

Глава 12

Нерассказанные истории

Хотя и невозможно никакое исчерпывающее определение чуда, Кэтрин все же настаивала на неких стандартных критериях, которым должна удовлетворять та или иная история исцеления, прежде чем ее можно будет публиковать. Если исцеления не проходили этих тестов, они не должны были включаться в книги Кэтрин.

1. Болезнь или ранение должны быть органическими или структурными по природе и должны быть врачом продиагностированы.

2. Исцеление должно быть быстрым или мгновенным. Изменения должны быть необычными и не такого вида, который можно предполагать заранее.

3. Все исцеления должны быть профессионально проверены, желательно не одним доктором. По меньшей мере, один из докторов должен быть личным врачом пациента.

4. Исцеление должно быть постоянным или, по меньшей мере, достаточно длительным, чтобы не быть диагностированным как «ремиссия»*.

***Ремиссия (remission) — медицинский термин, означающий временное ослабление болезни, боли, временное улучшение. — Прим. пер.**

Поскольку мы быстро перешли к этому стандарту, многие из наиболее впечатляющих чудес никогда не были описаны в ее книгах.

Был, например, случай с Джорджем Дэвисом, бывшим надзирателем из «Службы образования по призванию» си-стемы школьного образования в Филадельфии. Дэвис, у которого были степени Нью-Йоркского университета, Лон-

донского общества адвокатов (Темпл), университета штата Пенсильвания и «Виллановы», был первым черным инспектором в Городском абингтонском школьном совете. Я беседовал с ним в его просторном доме в северном пригороде Филадельфии и нашел, что он — один из самых приятных людей, которых я только встречал. Его исцеление не подпадало под определение «классика».

Настроенный на достижение цели — победить в белом обществе, Дэвис приобрел серьезную болезнь сердца. Его кардиолог в Абингтонском мемориальном госпитале диагностировал инфаркт миокарда. Клапан сердца, который позволял крови течь между двумя желудочками, давал сбои. Эта проблема была очень похожа на ту, которая привела к смерти самой Кэтрин несколько лет спустя.

Дэвис жил со своей болезнью почти год, хотя он пережил несколько сердечных приступов и едва не умер, пока кардиолог не решил отрегулировать сердцебиение, вживив стимулятор ритма. Электронное устройство в корпусе из нержавеющей стали было размером с зажигалку «Зиппо». Хирургическим путем оно было имплантировано в левую часть груди в полость под ключицей. Трубка была протянута над легкими и вниз к сердцу. Маленькая батарейка в стимуляторе давала генератору энергию для посылки импульсов в сердце, поддерживающих нормальный ритм сердцебиения.

Через восемь месяцев после операции Дэвис навестил своего отца в Доноре, Пенсильвания, в пригороде Питтсбурга. Его отец, который был организатором на собраниях Кэтрин, побудил его посетить собрание. Дэвис не горел желанием, он не был очень религиозным человеком. Однако, убедившись, что его отец претерпел некое подлинное изменение, он в конце концов согласился.

К концу собрания мисс Кульман пошла по проходу молиться за людей. Подойдя к Джорджу Дэвису, она возложила ему руки на голову и хотела двинуться дальше по проходу. Дэвис упал со стула и лежал на полу, не в силах пошевелиться. Пока он лежал, «сраженный силой», он чувствовал сильное

жение в груди — боль, очень похожую на ту, что он испытал во время первого сердечного приступа полтора года назад.

Женщина, стоявшая поблизости, наклонилась к нему и сказала: «Это — не сердечный приступ. Вы исцеляетесь. Это сила Божья струится через вас».

Дэвис мог лишь вымолвить: «Надеюсь, что так».

Боль наконец утихла, и Дэвису стоило большого труда снова сесть на стул. Он едва дождался окончания богослужения. Но его жизнь изменилась духовно, начиная с того момента.

В тот же вечер, в доме своих родителей в Доноре, он вышел из ванны и стоял перед зеркалом, вытираясь полотенцем. Внезапно он осознал: что-то внутри у него изменилось. Шрам на его груди, где был вживлен стимулятор, исчез. Впрочем, он устал, и свет был слабый, так что он выбросил это из головы. На следующее утро, однако, он снова осмотрел свое тело; шрама по-прежнему не было. И странно было не только это. Когда он надавливал пальцами на свою грудь, он не мог нащупать стимулятор.

Дэвис постеснялся обратиться к доктору, но в конце концов, три недели спустя, он решил, что ему нужно пройти обследование. За это время он набрал вес и чувствовал себя лучше, чем в последние годы. Когда кардиолог проверил его кардиограмму, она оказалась отличной. Дэвис объяснил затем, что произошло. Неожиданно доктор вспыхнул от гнева. Он быстро велел провести рентгеновское обследование. Когда стимулятор не был обнаружен, доктор обвинил Дэвиса в том, что тот вынул стимулятор. Удивленный, Дэвис ответил, что если был шрам от вживления стимулятора, то не остался ли бы шрам от его изъятия? Затем он добавил: «Я говорю вам, милостивый Господь вынул его и также уничтожил шрам».

Доктор, теперь уже в ярости, сказал, что он не любит, когда люди балуются с тем, что он делает. Дэвис попытался возразить, что «Бог — это не люди», но врач был слишком рассержен и не стал слушать. Он велел провести полное обследование рентгеновскими лучами в госпитале, начиная с подошв ног и до макушки головы. Стимулятор исчез.

На следующей неделе Дэвиса обследовала в госпитале группа кардиологов, включая профессора медицины из Гарварда. Все согласились, что это — самый необычный случай, который они когда-либо встречали. Однако, когда Дэвис попросил своего кардиолога написать заявление, подтверждающее, что стимулятор был вживлен, а позднее при обследовании его не обнаружили, доктор «взорвался»: «Вы хотите, чтобы вся медицинская братия смеялась надо мной, не правда ли? Я не дам вам такого письма и запрещаю использовать мое имя где-либо. Если вы попытаетесь это сделать, я засужу вас».

Доктор Джордж Джонсон из Филадельфии, терапевт, консультировавший Дэвиса во время первого сердечного приступа, захотел, однако, стать свидетелем. Он сказал: «Я могу подтвердить, что у Дэвиса был сердечный приступ, что стимулятор был вживлен в его тело и что теперь этот стимулятор и пятидюймовый шрам от разреза исчезли. Это все запротоколировано».

Кэтрин попросила Дэвиса появиться в своей телевизионной программе, но, поскольку история не удовлетворяла одному критерию — лечащий врач отказался подтвердить историю, — мы решили не использовать этот материал ни в одной из ее книг. История осталась нерассказанной. До сего дня.

Очень немногие врачи реагировали таким образом, как доктор Джорджа Дэвиса. Большинство были готовы документировать чудеса, не боясь вмешательства Бога в их работу. Одним из них была терапевт из Южной Пенсильвании, женщина, которая практически привела одного из своих пациентов на «служение с чудесами» для исцеления. Впрочем, хотя девушка и была исцелена, она не могла преодолеть своих моральных проблем, и Кэтрин решила опустить историю и не включать ее в свои книги.

Молодая домохозяйка заработала множественный склероз — ужасную болезнь, которая поражает мускулы и нервы, часто сгибая тело до гротескных форм и вызывая сильные конвульсии. Часто пациент остается прикованным к инвалидной коляске и, поскольку нет никаких способов

эффективного лечения, в конце концов, он умирает от болезни. Так все и произошло бы, если бы не вмешался Бог.

Случай был уникальный. У женщины были маленькие дети, к тому же муж воспользовался ее болезнью, чтобы войти в любовную связь с другой женщиной. Иногда он приводил свою пассию домой, в дальнюю спальню, зная, что его жена не сможет проследить за ним, поскольку дверной проем был слишком узок для ее инвалидной коляски. Разбитая в теле и духе, она умерла бы, не будь у нее ее доктора, крещенной Святым Духом, которая проявила к этому делу личный интерес. Доктор, которая слышала о собраниях с чудесами в Питтсбурге, в конце концов убедила юную женщину поехать с ней туда. Это было ее единственной надеждой, как сказала доктор.

Обе они приехали на charterном автобусе. Доктор оставалась с ней все время, помогла ей взойти на ступени церкви, друг за другом переставляя ее ноги, закованные в тяжелые стальные браслеты. Во время служения ноги женщины начали вибрировать. Она сняла браслеты и почувствовала, что может двигать ногой. Доктор сопровождала ее до сцены. Пока она говорила с госпожой Кульман, молодая женщина «упала, сраженная силой», и лежала на сцене. Когда она пришла в себя, она сняла свои браслеты и смогла сойти с платформы уже самостоятельно.

Поскольку эта молодая женщина была парализована ниже пояса, она не могла контролировать свой мочевой пузырь. Больше года она носила мочеполовой катетер, который был прикреплен к пластиковому мешку, пристегнутому ремнем с внутренней стороны бедра. Доктор знала, что женщина пройдет истинный тест на исцеление, если она удалит ей катетер. По настоянию женщины, они немедленно пошли в женский туалет в «Первой пресвитерианской церкви», где доктор, пользуясь парой хирургических щипцов, которые она прихватила с собой «на всякий случай», удалила этот катетер. Женщина смогла помочиться нормально и вернулась в свой родной город исцеленная.

Множественный склероз — это странная болезнь, которая часто протекает с ремиссиями, позволяя пациенту фун-

кционировать вполне нормально в течение короткого времени. Однако если болезнь достигает «колясочной» стадии, то уже редко наступает ремиссия. Все же в течение шести лет после визита на «собрание с чудесами», у женщины не было симптомов множественного склероза. Не только ее собственный доктор, но врачи в Балтиморе подтвердили полное исцеление.

Однако, вместо того чтобы посвятить свою жизнь Богу, молодая женщина, теперь разведенная со своим мужем, впала в прелюбодеяние. Физически она была исцелена, но психологически она была парализована. Кэтрин и доктор — обе согласились, что история не должна быть опубликована. «Мы должны быть особо осторожными, чтобы не бросить и тени упрека на Святой Дух», — сказала Кэтрин с предостережением.

Это был один из тех немногих случаев, когда я не согласился с ней. Я почувствовал, что Святой Дух был в состоянии позаботиться о себе. Кроме того я почувствовал, что эта история иллюстрирует особо важное обстоятельство — то, что Бог не взирает на личности. Его благодать и всепрощение подобны дождю с небес, который падает на праведников и грешников, на святых и падших. Кэтрин согласилась с моей теорией, но держалась своих принципов, а потому история осталась нерасказанной. До сего дня.

Возможно, самыми впечатляющими историями были те, которые рассказывали сами врачи. Доктор Сесиль Титус из госпиталя Святого Луки в Кливленде говорит, что косолапая нога десятилетней девочки выпрямилась прямо на ее глазах, пока мисс Кульман молилась. Доктор Китман Ау из Бербанка, в штате Калифорния, рентгенолог, сказала газетному репортеру: «Я видела исцеления на собраниях Кэтрин Кульман, о которых я, как врач, могу свидетельствовать, что они выходят за рамки человеческих возможностей». А доктор Ричард Овеллен, исследователь в области рака из Университета Джона Хопкинса, рассказывал, что он держал на руках грудного младенца и вдруг увидел, как его вывихнутое бедро начало вращаться под действием силы Святого Духа, пока не встало на место.

Одно из самых дорогих для госпожи Кульман писем пришло от доктора Э. Б. Генри, который практиковал в Питтсбурге до самой смерти в 1963 году, последовавшей в возрасте 73 лет. Он писал: «Это письмо является выражением благодарности и извинения; благодарности Богу и Вам (пусть Он всегда благословляет Вас) и извинения перед Вами за то, что я не признал исцеления, когда оно произошло. Я должен попытаться сделать это письмо как можно более коротким, таким образом, здесь идет рассказ в «телеграфном стиле»...

Суббота 18 ноября 1950 года была тяжелым днем для меня. Встав в 6 часов утра, я плохо чувствовал себя вплоть до 17.30, когда я пришел домой пообедать. Затем я заторопился, и мы с женой поехали во Франклин. Там, в отеле, я почти не спал из-за инфекции в полости правого уха, которая вызывала у меня немалую боль, а также по причине старой трещины в правой ключице, которая не срослась после давнего перелома, а образовала «ложный сустав» размером с грецкий орех. Это было очень болезненно, так что я с трудом надевал пальто и у меня тряслась ладонь, когда я поднимал правую руку. Боль шла от шеи вниз до самого пояса и была очень сильной.

В воскресенье я поднялся в 6 утра, чтобы приготовить завтрак и отправиться в «Храм веры» еще до 9 часов. Я хочу, чтобы Вы знали, что у меня и мысли не было о собственном исцелении. Я был всегда в состоянии вытерпеть боль, так что мои главные заботы были о жене, у которой в апреле удалили левую грудь из-за клеточной раковой опухоли (очень опасной разновидности), и я опасался, что у нее могут пойти метастазы.

Во время Вашего исцелительного собрания Вы говорили, что у кого-то был «открытый свищ, кто-то получил исцеление и стал слышать» (я был глух на правое ухо в течение по меньшей мере 15 лет). Вы продолжали провозглашать: «Я вижу, как комок, размером с грецкий орех, начинает рассасываться». Моя жена толкнула меня в бок и прошептала: «Она имеет в виду тебя», но я, подумав про это, ничего не почувствовал, только зуд в правом ухе, который, как я думал, был лишь результатом ментального внушения.

Затем вы сказали: «Это — мужчина. Я не хочу, чтобы Вы упустили свое исцеление. Пожалуйста, говорите». Я вижу, как сейчас, как Вы посмотрели серьезно в нашем направлении и помахали левой рукой почти прямо-таки нашей группе, в то же самое время оперевшись на кафедру Вашей правой рукой, сжатой в кулак. Моя жена продолжала подталкивать меня, но хотя Вы сказали, что тот мужчина чувствует зуд в ухе, я не мог поверить, что я исцелен. В конце концов, я ведь ничего для себя не просил. Я привык к глухоте на правое ухо и не придавал этому значения.

Я проехал 85 миль до дому под дождем, в условиях не слишком приятных для страдающих свищом. По дороге домой моя жена продолжала разговор со мной обычным голосом. Она сидела рядом со мной с правой стороны. Затем она обратила мое внимание на то, что я хорошо слышу ее, и мы оба осознали, что я не просил ее ничего повторять. Сразу по прибытии домой я внезапно смог дышать носом. Мой свищ открылся, и боль ушла. Полость нормально орошалась весь вечер. Я спокойно спал всю ночь, а утром у меня не было ни тени боли.

К своему удивлению, я обнаружил, что могу пользоваться правой рукой и производить нормальные телодвижения, не ощущая боли. Я не могу утверждать, что я слышу отлично правым ухом. Но мне нет нужды поворачиваться левым ухом к жене и просить ее повторить. Видимо, дальнейшее исцеление до обретения совершенного слуха будет происходить постепенно».

Доктор Мартин Бири, который специализировался в хирургии спинного мозга, был частым посетителем на сцене зала «Святыня». Он был в штате сотрудников в Ветеранском госпитале в Лонг-Бич, штат Калифорния.

«Своими собственными глазами, — говорит доктор Бири, — я видел, как невозможное свершалось раз за разом снова и снова. Я видел больных артритом, чьи позвончики были внезапно «разморожены» и поворачивались и гнулись в разных направлениях, не вызывая боли. Нога, которая была короче из-за полиомиелита, заметно удлинилась на моих глазах, когда мисс Кульман молилась. Мальчик с мениском —

хроническим воспалением коленного сустава, вызванным футбольной травмой, — не мог согнуть ногу в течение нескольких лет. Когда я проверил его на месте, у него была совершенная гибкость в колене. Будучи врачом, я назвал эти исцеления чудом».

Доктор Вайола Фриман из Ла-Джолла, штат Калифорния, была еще одним частым посетителем на сцене «Святыни». Она сообщила о множестве чудес, которые она видела, включая ребенка со сгустком крови на зрительном нерве, который стал видеть. Другой ребенок, рука и нога которого были парализованы из-за церебрального паралича, был исцелен на ее глазах. «Я надеюсь, что осведомленность о реальности подобных духовных исцелений дойдет до людей медицинской профессии», — сказала она канадскому репортеру Аллену Спрагетту.

В 1969 году я сидел с доктором Робертом Хойтом на сцене зала «Святыня». Доктор Хойт, обладающий дипломом Американского совета патологии, был в штате медицинской школы Стэндфордского университета и часто прилетал из Сан-Франциско, чтобы посетить собрания. Длинная очередь стояла перед сценой, ожидая того, чтобы начать свидетельствовать об исцелении. Прямо перед нами стояла старая женщина, уже под семьдесят, в очках с металлической оправой. Одно стекло было матовым. Она сказала помощнику, который пытался удержать людей в очереди, что она была исцелена от болезненных бурситов в одном плече, но ее правый глаз все еще слеп. Пока она шептала помощнику, мисс Кульман, которая была по меньшей мере в тридцати шагах и не могла слышать этот разговор шепотом из-за прочего шума, внезапно повернулась. Указывая во всех направлениях, она сказала: «Здесь есть человек, который исцеляется. Это исцеление глаза. И это происходит прямо сейчас».

Было так много исцелений, что я был в состоянии полушока. Но я посмотрел как раз вовремя и увидел, что матовое стекло безо всякого прикосновения, само, вывалилось из металлической оправы и упало на пол. Доктор Хойт вздохнул. «Вы видели что-нибудь подобное?!» — прошептал он.

Слишком пораженный, чтобы ответить, я лишь покачал головой. Конечно, доктор Хойт не видел меня. Он смотрел на женщину, которая, ошеломленная и пораженная, пыталась ощупью найти свои очки, затем вдруг осознала, что она видит. Она вновь обрела зрение. Кто-то поднял матовую линзу и вручил ей. Она спустилась гордо со сцены и дошла до сиденья, слишком взволнованная, чтобы понять, что же произошло. Кэтрин, не зная о чуде, не задержалась и не спросила, произошло ли что-либо, но вернулась к собранию, чтобы продолжить называть чудеса.

Снова обретя способность говорить, я обратился к терапевту, сидевшему рядом со мной. Но, обернувшись, я увидел, что он плакал, закрыв лицо руками. История осталась нерассказанной. До сего дня.

Одним из самых замечательных предметов в моем писательском кабинете является темный ящик, инкрустированный золотом, содержащий дорогой набор хирургических щипцов. Они принадлежали раньше одному хорошему офтальмологу из Далласа, штат Техас, и использовались им в тонкой глазной хирургии. Кэтрин передала их мне ровно за год до своей смерти вместе с письмом от их бывшей владелицы — доктора Элизабет Р. Вохан.

«Берегите их, — сказала нежно Кэтрин, — они дороги мне. Однажды вы, возможно, захотите написать об этом».

Письмо было датировано Рождеством 1974 года. 5.30 утра.

«Дорогая Кэтрин!

Я пишу это письмо до того, как проснутся мои дети в это Рождественское утро, поскольку я хочу, чтобы Вы были первым человеком в этом доме, кто получит подарок ко Дню рождения нашего Господа.

Три недели назад я спросила Господа, что бы Вы хотели получить к Рождеству, так, чтобы никто не знал об этом и чтобы это отвечало желанию Вашего сердца. Щипцы с зубчиками 0,12 мм — это был Его ответ. Позвольте мне объяснить, что же это значит.

В течение последних четырех с половиной лет я пользовалась именно этим инструментом на каждой операции по удалению катаракты, которую выполняли Господь и я.

Они совершенно мне необходимы. У них по три зубчика на конце, которые 0,12 мм длиной. Нужны специальные увеличительные стекла, чтобы увидеть эти зубчики. Они используются для поддержания ткани в таком положении, чтобы игла могла пройти сквозь нее, и они держат ее прочно, но нежно. Зубчики должны быть совершенно подогнаны друг к другу, чтобы держать ткань надлежащим образом. Если они неправильно подогнаны хотя бы на толщину волоса, то щипцы можно выбросить, поскольку они не смогут больше держать ткань так, как надо.

Причина важности этого инструмента состоит в том, что он используется для того, чтобы закрыть рану после извлечения катаракты. Это означает, что глаз широко открыт и нет никакого права на ошибку врача или инструмента. Если инструмент не держит ткань правильно, создавая давление на открытый глаз, то содержимое глаза будет выдавливаться и зрение пациента ухудшится или вообще будет потеряно. Подобные операции проводятся под специальным хирургическим микроскопом. Эти щипцы должны поддерживать ткань толщиной 0,5 мм и держать ее достаточно крепко, чтобы игла могла пройти сквозь нее, не создавая при этом напряжения или давления в глазу.

Я люблю этот точный инструмент. Он отлично служил мне и присутствовал при многих хирургических чудесах, которые творил Господь. Щипцы исправно служили в течение четырех с половиной лет, и теперь я хочу чтобы они стали Вашими в это Рождественское утро. Я хочу, чтобы они были напоминанием Вам от нашего Небесного Отца, что этот инструмент был в моей руке, как были Вы в Его руке.

Вы для Него, как эти 0,12-миллиметровые щипцы, схватывающие при помощи точных, отлично подогнанных зубчиков, и Вы готовы схватывать то, что Он захочет. Вы начинали как металлическая болванка, без формы и пользы. Но, воззвав к Нему и умерев для себя, Вы дали Ему возможность сделать из Вас совершенный инструмент в Его руке. И Вы есть то, что Он задумал сделать из Вас. Он не хотел сделать из Вас ножницы или инструмент для извлечения катаракты. Он наметил Вас до сотворения времени,

чтобы Вы стали щипцами с зубчиками 0,12 мм — подерживая ткань так, чтобы Великий Целитель смог зашить рану и дать исцеление.

Немногие в этом мире так смиренны, что Бог может сделать из них именно то, что он хотел бы сделать. Но Вы подходите для этого. Наш Отец хочет, чтобы Вы знали в День рождения Своего Сына, что Он любит Вас несказанно и что Ему доставляет огромное удовольствие иметь такой точный инструмент, годный всегда к работе, как Кэтрин Кульман.

Аминь и аминь!

Бет Вохан».

Эта история (написанная лучше любого биографа) о целях Отца для рыжей веснушчатой девчушки из Конкордии штата Миссури также оставалась нерасказанной. До сего дня.

Глава 13

Поклонение в «святыне»

Приходит время в карьере каждого мужчины (или женщины), когда он либо двигается вперед, либо откатывается назад. В Книге Исход есть чудесная история о том, как Бог водил евреев по Синайской пустыне при помощи облака, которое пребывало над скинией. Пока облако стояло на месте, люди могли оставаться там, где они были. Но когда облако двигалось, то им приходилось сворачивать свои шатры, собирать овец и козлов с высохших русел рек и со склонов холмов, и начинать движение под облаком.

Облако Кэтрин снова начало двигаться в 1965 году. За десять лет до этого евангелист К. М. Ворд из церкви «Ассамблеи Божьей» пророчествовал Ральфу Вилкерсону, молодому пастору из Калифорнии: «Ральф, две вещи придут из Царства Небесного. Будет великое возвращение к Библии и ее учению. И, во-вторых, взойдет великая женщина-евангелистка, которая дойдет до Западного побережья».

Ральф держался за эти пророчества. Но ему никогда не приходило в голову, что Бог захочет использовать его в качестве инструмента для превращения одного из этих пророчеств в реальность.

Церковь Ральфа, «Анахаймский христианский центр», была растущей, преуспевающей общиной. Его служение исцеления (он проводил «собрания с чудесами» вот уже 10 лет) было хорошо известно в округе. Чудеса происходили каждую неделю. Помимо этого, они спонсировали большие собрания и слеты, используя «Христианский центр». Дэвид Вилкерсон (не имеющий никакого родственного отношения к Ральфу), основатель известного молодежного служения, был главным

проповедником на нескольких собраниях. В то же самое время Дэвид работал с Кэтрин в Питтсбурге и в Янгстауне, штат Огайо. Кэтрин была в восторге от молодого проповедника, автора книги «Крест и нож», и она помогала ему зарабатывать деньги для его проекта по реабилитации наркоманов, позволяя ему проповедовать в «Стэмбоге» и на молодежных встречах в «Сирийской мечети» в Кливленде, штат Огайо. Дэвид побуждал Ральфа — который никогда не видел Кэтрин — пригласить ее в Лос-Анджелес.

В течение нескольких лет Ральф проводил молитвенные собрания в большом особняке, приспособленном под «Церковь Христа» недалеко от Сан-Клементы. В 1964 году члены молитвенной группы, которая насчитывала до 200 человек, начали молиться вместе с Ральфом о том, чтобы Бог послал Кэтрин Кульман в Южную Калифорнию. Кэтрин, естественно, ничего не знала об этом.

В конце лета Ральф почувствовал, что пришло время лично встретиться с Кэтрин. Он попросил Дэвида Вилкерсона организовать собрание, и вместе со своей женой Аллен он вылетел в Питтсбург. Подобно Кэтрин, Ральф был осторожным человеком и ощущал нужду в серьезной подготовке. Вместо того чтобы непосредственно встретиться с ней сразу по прибытии, они поехали в Янгстаун, чтобы посетить одно из воскресных собраний и попытались почувствовать «дух» ее служения.

«Возможно, я ошибаюсь во всем этом, — сказал Ральф Аллен, когда они припарковали машину на стоянке вблизи гигантской аудитории. — В этом и состоит причина того, что я хочу все проверить прежде, чем дам ответ. У нас есть достаточно сумасшедших в Калифорнии, чтобы не рисковать и не приглашать кого-то еще».

Вилкерсоны вошли в зал «Стэмбог» на 2500 посадочных мест за час до начала служения. В здании уже было полно людей. Мужской хор репетировал под управлением

Артура Меткалфа. Мэгги Хартнер занималась с учениками Воскресной школы. Здание скорее напоминало цирк. Будка по продаже сосисок в тесте была открыта, и люди ели бутерброды и пили кофе прямо на ступеньках. Это, скорее,

была не церковь, во всяком случае, не та церковь, как привыкли ее видеть Вилкерсоны.

«Но когда вышла Кэтрин и началось собрание, — говорил Ральф, — я понял, что мы находимся в присутствии Божьем. Мы пели те же самые песни и хоралы, что и на Западном Побережье. Люди поднимали руки и были свободны в своем поклонении. У них был тот же самый порядок богослужения, к которому я привык, — безо всяких напечатанных бюллетеней, но под водительством Святого Духа. Кэтрин проповедовала то же самое послание, что и я. И у них были чудеса. Бог был в этом месте».

Вспоминая то утро, Ральф смеялся: «Я узнал, что я нахожусь на правильном месте, когда во время всеобщего воспевания Господу 300-фунтовая леди прямо передо мной была «сражена Духом» и упала назад. Она почти раздавила меня».

На следующий день Ральф ходил по улицам в центре Питтсбурга, переходя из офиса в офис, спрашивая людей, что они думают о Кэтрин Кульман. И везде он получал один ответ: «Ну да, хорошо. Она помогала многим пьяницам... Вы знаете, в мужском хоре есть довольно много бывших алкоголиков... Моя жена была исцелена на ее собрании... Мы закрыли магазин в пятницу утром, чтобы посетить чудесное собрание...»

Находясь под впечатлением услышанного, Ральф и Аллен в конце концов прибыли в офис в здании «Карльтон». Он рассказал о своей мечте и еще раз повторил свое приглашение. Он был уверен, что в этом есть воля Божья.

Кэтрин посмеялась в ответ: «Почему я должна приехать? У меня множество людей здесь, в Питтсбурге. Кстати, ведь там у вас ночная смена, я имею в виду все это Голливудское сияние. А я — всего лишь маленькая деревенская девушка из Миссури. Почему я должна ехать?»

Но Ральф был упорен: «Я полагаю, что Вы приедете, если люди будут молиться. Я вернусь и попрошу их усилить свои молитвы».

В начале 1965 года Орал Роберте позвонил Аллен Вилкерсон из Кливленда, Огайо, где он проводил съезд. Мать

его органиста умерла, и он предпринимал отчаянные попытки найти кого-нибудь, кто мог бы играть на органе на его богослужениях. Он понимал, что этот вопрос нужно решать немедленно, но сможет ли Аллен бросить все и полететь в Кливленд, чтобы играть для него?

Она обговорила это с Ральфом. Он согласился, но настоял, чтобы она заехала в Питтсбург и еще раз пригласила Кэтрин в Калифорнию. «Не уезжай, пока она не согласится», — сказал он.

Аллен остановилась у Кэтрин в Фокс-Чзпеле. Каждый вечер она звонила домой: «Ральф, она все еще отказывается приехать».

И каждое утро она говорила Кэтрин: «Я разговаривала с Ральфом вчера вечером. Он все еще утверждает, что Бог хочет, чтобы Вы приехали в Калифорнию».

Ответ Кэтрин всегда был одинаков: «У меня здесь очень много дел. И я не хочу расширять служение».

Но облако продолжало двигаться, и Кэтрин знала это. Остаться позади только потому}', что это было удобно, означало бы идти на риск потерять контакт со Святым Духом. У нее не было выбора — нужно было ехать.

На четвертый день она позвала Аллен: «Хорошо. Я думаю, что это от Бога. Я поеду в Калифорнию. Но только одно собрание. Не больше. Только одно».

Это собрание проходило в муниципальном зале в Пасадине. Кэтрин была практически неизвестна на Западном побережье, так что большинство из 2500 человек, прибывших на служение, были из «Христианского центра» города Анахайма, включая организаторов и хор.

Но не все. Многие приехали из других церквей, а некоторых привело просто любопытство. И, как всегда, были чудеса.

«Я стоял рядом с женщиной, которая носила специальные браслеты на обеих руках, — вспоминал Ральф

Вилкерсон. — Ее руки и запястья были скрючены артритом. Во время служения она закричала. Я посмотрел на нее и увидел, как ее руки вывернулись и заняли нормальное положение. "Мой Боже, — сказала она задыхающимся от изумления голосом. — Посмотрите на мои руки"».

Позднее Ральф узнал, что она была влиятельным лидером в «Первой баптистской церкви» в городе Фуллертоне. Она вернулась домой и уже на следующий день красила стены у себя дома. Впервые за многие годы она смогла делать что-то руками. Прошло немного времени, и вся Южная Калифорния только и говорила о «служениях с чудесами» и о Кэтрин Кульман.

Несмотря на свое намерение провести «только одно» служение в Калифорнии, Кэтрин распознала замысел Бога проводить здесь регулярные собрания. И к третьему служению в Пасадине муниципальный центр не мог вместить верующих. Сотни ушли ни с чем. Но многие, впрочем, привлеченные чудесами, впервые услышали Благою Весть и были «рождены свыше». Это коснулось и Ральфа, поскольку у Кэтрин не было регулярного служения. Она приезжала в город, проводила свои «чудесные собрания», призывала к покаянию (и сотни каялись), молилась за них и затем покидала город. Познакомившись с Билли Грэхемом, который проводил служение заботы о новообращенных и был тесно связан с местными церквями, Ральф начал давать советы Кэтрин.

«Нужно вовлечь этих новых христиан в изучение Библии, — говорил он. — Им нужно быть в церквях, где бы у них было общение и где они могли бы слышать Слово Божье. Чудеса — это здорово, Кэтрин, но даже Вы сами говорите, что быть «рожденным свыше» важнее, чем исцеление. Это плохо — рождают младенцев в вере, а затем бросать их на улице. Им нужна духовная пища, защита и руководство, которые возможны только через Христово Тело — Церковь».

Кэтрин столкнулась с одним из самых сильных разочарований в своей жизни. Она хотела, чтобы ее знали как учителя Библии, а не как чудотворца. Все ее последователи в Янгстауне звали ее «пастор».

Те, кто знал ее, говорили, что часто она «плакалась», что чувствует призвание к преподаванию Библии. И, действительно, когда у нее было время штудировать Библию, чтобы подготовить свои послания, она была непревзойденной. И только в последние годы, когда ее расписание стало сума-

шедшим, так что она летала по всей Америке, проводя собрания каждую неделю в новом городе, ее проповеди ухудшились. До того же ее радиопрограммы были пищей для голодающих. Сотни тысяч слушателей каждый день настраивали на нее свои приемники не потому, что они были на ее «собраниях с чудесами» — ибо большинство их ни разу не посетили, — но потому, что она кормила их из Слова Божьего. Ее семинары по изучению Библии по понедельникам в «Первой пресвитерианской церкви» в Питтсбурге посещались некоторыми элитарными городскими учителями Библии, которые «садились к ней на колени и учились». Кэтрин знала, что нужно питать новообращенных, но ее огорчало, что это приходится делать так далеко от дома. А в Питтсбурге ее люди исправно платили десятину, давая деньги на то, что она называла «служение». Они посещали воскресные собрания в Янгстауне, собрания по пятницам в «Карнеги-холл» и вечерние занятия по Библии в «Первой пресвитерианской церкви» по понедельникам. Она знала их по именам. Она крестила многих из них во время специальных служений с водным крещением в озере неподалеку. Она венчала их детей и проводила панихиды по усопшим. Она могла бы сказать, что ей нужно 100 000 долларов для миссионерской работы в Индонезии, и они собрали бы эти деньги. Но в Калифорнии она была чужаком, приезжающим один раз в месяц для «собрания с чудесами» и потом исчезающим, чтобы появиться снова только через месяц. Она была разочарована.

Она прислушивалась к Ральфу. Многие из тех, что окружали ее, давали ей советы, хотя фактически они хотели использовать ее — продвинуть свою программу. Кэтрин хотела слушать советы, но не от новичков. А между тем, было совсем немного людей ее класса. Впрочем, признав Ральфа хорошим пастором, она была готова следовать его советам. Во всяком случае, она согласилась попробовать.

Ральф представил ей доктора Чарльза Фара, теолога пресвитерианского толка, который активно сотрудничал со «Штурманами» (это была организация, в которой учили Слово Божьему молодых верующих, только что обращенных

в веру). По рекомендации Ральфа Кэтрин наняла доктора Фара, чтобы открыть свое служение заботы о новообращенных на Западном побережье. Это была хорошая идея. К сожалению, Кэтрин не могла довести дело до конца и «взбунтовалась», торпедировав всю программу.

Чарльз Фара собрал совет директоров из самых влиятельных евангелистических лидеров на Западном побережье. Все были в восторге от служения Кэтрин и верили, что она была Божьим выбором, чтобы вести христиан Западного побережья к еще более глубокому пониманию Святого Духа. Все посвятили себя задаче наставлять в Слове Божьем сотни новых верующих, появляющихся на каждом «служении с чудесами», чтобы они могли найти общение в местной церкви. Многие из тех, кто вызвались помочь, были местными пасторами, которые рассчитывали посредством «собраний с чудесами» укрепить церкви в Южной Калифорнии.

Кэтрин собрала вместе мужчин на большое собрание с завтраком. Она слушала их планы, соглашалась, обещала работать вместе с ними. В ответ они обещали молиться за нее, продвигать ее служение, побуждать людей ходить на ее собрания, а также самим присутствовать на собраниях для оказания помощи. Это казалось идеальным соглашением. Чарльз вместе с другими ушли с собрания убежденными, что в течение нескольких месяцев каждая церковь в Северной Калифорнии будет чувствовать силу «собраний с чудесами».

Более 400 человек помогали в служении во время собраний и в служении заботы о новообращенных. Занятия проводились во многих церквях, использовались наработки «Штурманов» и «Евангелистической ассоциации Билли Грэхема». Советники, которые должны были работать на собраниях, получили особые задания. Они должны были выходить вперед во время призывов к покаянию и быть рядом с кающимися. В идеале, каждый кающийся сразу должен был получать «советника». После служения вновь обращенных проводили в заднюю комнату, где они могли бы получить инструкции, Новый Завет и заполнить вступительную карточку. После этого в течение недели с ними должны были связаться представители поместных церквей. Группы

по изучению Библии были сформированы во всех районах города, особенно для вновь обращенных и тех, кого интересовало служение Кэтрин Кульман.

Кэтрин потребовалось только одно собрание, чтобы понять, в чем дело. Видимо, она была напугана людьми, которые пытались внедриться, чтобы взять ее служение под контроль. Может быть, ей не понравилась эта перемена — иметь всех этих «советников» прямо перед сценой во время призыва к покаянию. Более вероятно, и это кажется более здоровой теорией, — она почувствовала, что пасторы кооперируются, чтобы укрепить свои общины, а не для того, чтобы поддержать ее служение. Она даже начала подозревать Ральфа Вилкерсона в том, что он пригласил ее в Калифорнию, чтобы выстлать перышками свое гнездышко: «Христианский центр в городе Анахайм», — и все за ее счет. Ей почудилось даже, что старый синдром М. Дж. Мэлони поднял свою уродливую голову, как это было во Франклине. Она была не в состоянии понять, что даже если ее на самом деле «использовали», чтобы увеличить число прихожан или суммы пожертвований в какой-то церкви, то это все равно было Великим Служением Божьим.

Несмотря на все то, что она говорила о единстве, и несмотря на то, что она сама делала, чтобы объединить разные ветви Тела Христова (и, видимо, никто в наше время не делал так много для преодоления межконфессиональных барьеров), Кэтрин не имела полного видения грандиозности Божьего плана для Его Тела. Это было большой загадкой, поскольку она была самой зкуменичной проповедницей, которую я только знал, и в то же время она была в своих мыслях «узкой и поместной».

Снова и снова она брала меня за руку и говорила: «Джеми, мы должны защитить "служение"». Многие годы я думал, что она имеет в виду все Тело Христово, которое включает мое служение, служение Ральфа Вилкерсона, служение церковей разных конфессий — все целое Гело Христово. Но она имела в виду иное. У нее не было такого кругозора. Она имела в виду служение с чудесами в целом, и свое служение в

частности. Она полагала, что у нее есть уникальное общение со Святым Духом.

В этом есть ирония, но, возможно, она была права. Никогда, со времен Апостолов, не было служения, подобного этому. Это может быть объяснено только с той точки зрения, что она была уникальной, что Бог избрал ее, чтобы дать ей особое помазание веры и силы. Подобно Иоанну Крестителю, который представил Христа миру, но в дальнейшем, похоже, не понял масштабов Его служения. Так и Кэтрин, будучи самым великим «представителем Святого Духа», все же сама была смущена и испугана, когда столкнулась с фактом, что Он более велик, чем она могла себе представить.

Снова и снова я поражался схожестью служений Кэтрин и Иоанна Крестителя. Он был Предтечей, идущим странным путем, в диковинной одежде и со склонностью к спору. Он имел верных помощников, которые «прилеплялись» к нему почти как к объекту культа. Спустя годы после его смерти все еще были люди, которые знали только «крещение Иоанново». Он пытался обескуражить их, говоря: «Я должен умяться, а Ему надлежит расти», — но очень немногие слушали его. Не было «большого пророка из рожденных женами», но будучи ограниченным в понимании, он так и не смог стряхнуть с себя обузы традиций.

И те бестолковые журналисты из журнала «Воскресение», которые называли Кэтрин Кульман современным Иоанном Крестителем, видимо, были гораздо ближе к истине, чем они сами того ожидали.

Кэтрин умышленно саботировала программу заботы о новообращенных, когда пошел второй месяц с момента ее принятия. Уходя со сцены после собрания, она шла прямо в комнату «советников». Проследовав через всю комнату, она начинала молиться за людей. Именно так она всегда и поступала. Она не могла измениться.

Через шесть месяцев сплошных разочарований доктор Фара увидел, что программа заботы о новообращенных не работает, и он отказался от нее, — как и все «советники». Затем, и это уже выглядело открытым «бунтом на корабле», она объявила, что ее следующее богослужение в Пасадине

будет проходить в воскресенье утром. Пасторы, намеревавшиеся поддержать служение Кэтрин и в то же время укрепить свои собственные церкви, увидели в этом прямой вызов. Многим пришлось отказаться от участия в программе Кэтрин. А когда дым рассеялся, осталось только несколько пасторов. Как выстрел в спину при расставании, восприняла Кэтрин четыре страницы написанных доктором Фара ядовитых советов. Она взорвалась. «Я должна делать это по-своему, — нанесла она ответный удар. — Только мне ведомы пути Святого Духа на «собраниях с чудесами». Если эти люди хотят видеть чудеса, то им придется вставать в очередь или уходить. И это будет так и не иначе!»

«Работать с ней было все равно, что работать с бензопилой, — говорил доктор Фара. — Чем ближе к ней ты подходишь, тем больше шансов, что тебя распилит пополам. Она была абсолютно негибкой. Но все же нет никаких сомнений, что сила Бога была на ней. Каждый раз, когда она выходила на сцену, Святой Дух был с ней».

Ральф Вилкерсон, с другой стороны, никогда не боялся Кэтрин. Но случай Ральфа был особый. Они провели пять собраний в его церкви, и он знал, что его люди смогут посетить раннее собрание и еще остаться на «служение с чудесами» в воскресенье утром. Кроме того, он сам уже достаточно укрепился в «собраниях с чудесами». И, что более важно, он не поколебался — даже после выходов и штучек Кэтрин — в своей вере, что Бог послал ее на Западное побережье. При всей ее эксцентричности, он все же видел ее инструментом в руках Бога и добровольно отдавал ей лидерство в «служении с чудесами».

В отличие от Орала Робертса, который построил университет и дал ему свое имя, Кэтрин не создавала учреждений. Она сама была учреждением. Все же, подобно всем учреждениям, она была непроницаемой, неотзывчивой к изменениям и закоренелой в традициях. Пасторы, говоря, что с ней невозможно было работать, уходили, благодарили Бога за ее служение, посещали ее «собрания с чудесами», но большинство из них так никогда и не было вовлечено в ее служение.

К концу года стало очевидным, что зал Пасадены слишком мал, чтобы вмещать толпы посещающих «собрания с чудесами».

Кэтрин вела переговоры с управляющими гигантского зала «Святыня», расположенного как раз у гавани «Фривэй», к югу от центра Лос-Анджелеса. Собрание было назначено на 13.30. Зал был набит битком, и две тысячи человек ушли от дверей ни с чем. И так продолжалось в течение последующих 10 лет. Фактически, для миллионов слово «Святыня» и имя Кэтрин Кульман стали почти синонимами, образующими каламбур, слишком явный, чтобы оставить его без комментариев. Однако, независимо от того сколько «смертных» видело ее — некоторые поклонялись ей, другие высмеивали ее, — невзирая на это, Божья благодать была с ней. И с ее «служением».

Кэтрин, конечно, постоянно приходилось преодолевать трудности. Когда Ральф Вилкерсон купил огромный комплекс «Мелодилэнд», она испугалась. Она пугалась «Движения за Иисуса»*, когда тысячи бородатых и босоногих парней начали приходить на ее собрания. Она пугалась гигантского молодежного служения в часовне «Голгофа» в Коста-Месе, где более 20 тысяч человек собирались каждую неделю, чтобы изучать Библию. Все же, несмотря на свое упрямство, она пыталась приспособиться, подобно старому дереву, которое стояло прочно, и только Бог знает, согнется оно или сломается, когда придет ураган. И Кэтрин затянуло прямо в середину урагана Святого Духа. События развивались вокруг нее так стремительно, что она не могла с ними совладать.

***Движение за Иисуса (Jesus movement) — большое пробуждение среди молодежи конца 60-х—начала 70-х годов. Распространялось, в основном, среди хиппи и других подобных групп молодежи. — Прим. ред.**

Она пыталась. Она провела серию молодежных собраний на «Голливудском палладиуме». Подростки каялись десятками тысяч. Она любила их: бороды, четки и босые ноги. Но это не было ее стилем. Дэвид Вилкерсон из «Подросткового вызова» и Чак Смит из «Часовни Голгофы» были лучше подготовлены — они могли говорить с

подростками на их языке. Однако, хотя Кэтрин чувствовала, что «Движение за Иисуса» идет от Бога, она быстро прекратила собрания совместно с ними и сфокусировала свое служение на «Святыне».

То, о чем Кэтрин проповедовала, начало приходить — свежее дыхание Святого Духа. Более трех десятилетий она пророчествовала, что Он вернется с огромным всплеском силы. Она полагала, что это — исполнение пророчеств, данных в книге Иоила: «И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего... И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется...» (Иоил.2:28, 29, 32).

Я не думаю, что кто-то в мире верил, что все это сбудется в буквальном смысле, и верил больше, чем Кэтрин Кульман. Она буквально верила, что придет день, и она будет вести «собрание с чудесами», и всякий в зале, кто призовет имя Господне, будет избавлен от своих болезней и оков. Она верила, что именно на нее, свою подручную, Бог излил Свой Дух. И также она верила, что она живет в последние дни истории и что следующим великим событием будет возвращение Господа Иисуса Христа. И она верила, что причина, по которой Святой Дух был излит на всякую плоть, — это приготовление ко второму пришествию. «Я делаю последние стежки на моем венчальном платье», — говорила она. Как часть невесты Христа, она готовилась к Его возвращению.

Но когда стало очевидно, что Святой Дух являет Себя и на других богослужениях так же, как и на ее «собраниях с чудесами», то она пришла в замешательство. И даже была немного испугана. Подобно пророку Ионе в Ниневию, она пророчествовала об этом, а когда это начало происходить, она не знала, как с этим совладать. «Кэтрин, Вы кое- что упускаете, — укорял ее Ральф Вилкерсон, когда она отвергла приглашение проповедовать на собрании «Общины полноевангельских бизнесменов». — Бог действительно пребывает с этими людьми».

«Я видела уже довольно фанатизма в своей жизни, — возразила она. — И я больше не хочу связываться с пятидесятниками».

«Дела теперь обстоят иначе, Кэтрин, — сказал Ральф. — Все не так, как Вы думаете. Святой Дух теперь ходит не только на Ваших собраниях. Он движется в тысяче других мест. Он теперь даже в Римско-католической церкви. Он — среди подростков из «Движения за Иисуса». Он пребывает во многих церквях, которые были раньше высохшими и мертвыми. И Он также движется среди "Полноевангельских бизнесменов"».

«Я из Миссури, — улыбнулась она. — Докажите мне. Если я это увижу, Вы знаете, Вы сможете рассчитывать на меня на сто процентов».

Спустя 3 месяца Кэтрин неохотно приняла приглашение Малачука проповедовать на Вашингтонском региональном слете полноевангельских бизнесменов. Они полюбили ее как сестру и были довольны собраниями и чудесами. Год спустя она проповедовала на международном слете. И после этого она уже регулярно выступала на многих крупных съездах. Ральф был прав. Святой Дух жил на многих собраниях полноевангельских бизнесменов. И Кэтрин имела уже достаточно мудрости, чтобы понять, что если ее старый друг, Святой Дух был там, то и ей надо быть там же — «следуя за облаком».

Ральф хотел сделать видеофильм об одном из служений

Кэтрин, когда она приехала в «Мелодиленд». Она никогда не разрешала снимать на своих собраниях. Ральф, однако, убедил ее сделать всего одну запись, которая будет сохранена для будущих поколений (на случай, если будут будущие поколения), чтобы они смогли увидеть ее служение. Она согласилась, и эта пленка была снята во время одного из харизматических слетов в «Мелодиленд» (позднее Кэтрин согласилась на еще три подобных пленки: две в Израиле на Всемирных конференциях по Святому Духу 1974 и 1975 года и одну на обычном «служении с чудесами» в Лас-Вегасе).

Ральф позднее показал свой фильм группе служителей в Талсе, штат Оклахома. «В процентном отношении больше

людей исцелялось от просмотра пленки, чем на том самом собрании, где этот фильм снимался», — сказал он.

Когда же я стал расспрашивать его об этом, он сделал заключение: «Я не верю, что Святой Дух просто изливается на человека. Я верю, что Он помазывает все служение. Эта видеопленка была частью помазанного Святым Духом служения, а потому пленка несла в себе столько же силы, сколько и сама Кэтрин Кульман».

Позднее я испытал такой же феномен в нашей церкви во Флориде. Наша церковь получила копию фильма «Иерусалим II», сделанного на Всемирной конференции по Святому Духу в 1974 году и распространяемого фирмой «Логос интернейшнел», которой кончался большим фрагментом «служения с чудесами» Кэтрин в Иерусалиме. После фильма люди стояли в тишине и молились про себя. Внезапно раздались звуки скрипящих стульев и падающих тел. Я открыл глаза. Почти треть общины, или около того, лежала на полу, а часть повисла на стульях — все, сраженные Духом. Это было одним из самых мощных проявлений силы Святого Духа, которые я только видел.

Видеозаписи посредством телевидения стали самым важным фактом для Кэтрин в течение последних восьми лет ее жизни. Она любила таинственность харизмы, возбуждение и вызов.

«Дайте мне необходимую информацию, — сказала она Стиву Зеленко, своему радиоинженеру в Питтсбурге. — Мне нужно кое-что знать, прежде чем делать какие-либо передачи».

Стив проделал определенную работу по созданию имиджа Кэтрин, а затем выдал свои рекомендации. «Вы — та женщина, которая всегда говорит: «Делай большие дела, думай о большом!» — сказал Стив. — Мой совет — найдите лучшего продюсера, какого только сможете, и свяжитесь с какой-нибудь крупной телекомпанией в Калифорнии».

«Лучшим продюсером» оказался Дик Росс, который только что закончил 14-летний «марафон» с организацией Билли Грэхема. А «крупной телекомпанией» оказалась Си-би-эс. И тот, и другая согласились «взять ее». В течение почти 10 лет

она выступала на телевидении 800 раз — это самая большая серия получасовых программ, сделанных на студиях Си-би-эс.

Кэтрин стала известна во всем мире, и ее так же ждали в Швеции или Японии, как в Кливленде или Сент-Луисе.

Однако были и проблемы. Одной из задач «Организации Кэтрин Кульма» была поддержка миссионерской работы по всему свету. Кэтрин определила для себя, что если она выйдет на телеэкран, это не должно тормозить миссионерское служение, которое продолжалось уже несколько лет. Ее организация/ открыла 20 церквей за границей: пять — в Африке, девять — в Центральной и Южной Америке и шесть — в Азии и Индии. Каждая из них была построена на средства «Организации Кэтрин Кульма», а затем открыта для прихожан, причем ничто не делалось в долг. Хотя Уолтер Адамак вложил часть денег «Организации» в акции и облигации в качестве резерва, тем не менее, ежегодные расходы были почти такими же, как и ежегодный доход. Доход от телепередач стал бы излишком, если бы Кэтрин смогла удержать баланс между «служением» и миссионерской работой.

Но так не получилось. Например, финансовый отчет за 1972 год показал, что в то время как «Организация Кэтрин

Кульман» внесла примерно 500 000 долларов в различные миссионерские фонды, телевизионное и радиослужение обошлось в 1 500 000 долларов. К концу 1974 года диспропорция только увеличилась. Вскоре стало очевидным, что, для того чтобы не дать деньгам утек, Кэтрин придется ездить по всей Америке, проводя «собрания с чудесами». И в то же самое время ее все больше жаждали видеть лично благодаря телевидению, которое охватило невероятную аудиторию. Это был порочный круг, который ей, в конце концов, обошелся очень дорого.

Глава 14

Служение с чудесами

В 1974 году, спустя 27 лет после того самого первого чуда исцеления, которое произошло во Франклинне, штат Пенсильвания, (и совершилось, возможно, уже три миллиона чудес) Вильям Нолен, врач по профессии, написал книгу, в которой он выражал сомнения, что то доброе, что делала Кэтрин, «сможет перевесить те проблемы, которые она вызывает». Критикуя ее за «недостаток познаний в медицине», он делал вывод: «Проблема состоит в невежестве, и я прошу извинения, что должен быть таким резким. Мисс Кульман не знает, в чем состоит разница между психогенными и органическими болезнями. Она не знает ничего о гипнозе и силе внушения. Она также ничего не знает о нервной системе». (Вильям А. Нолен. Исцеление: врач в поисках чуда. М. Д. Фосетт Пабликешенз, Инк., Гринвич, Конн., 1974, стр. 94).

К сожалению, исследования доктора Нолена были, в лучшем случае, поверхностными. Он посетил только одно «собрание с чудесами» и взял интервью только у группки людей, которые претендовали на то, что они получили исцеление. И хотя он с уважением относился к Кэтрин, даже симпатизировал ей, он не смог увидеть пользы от «собраний с чудесами».

У меня были такие же сомнения, когда я впервые встретил Кэтрин. Но тем не менее, после того как я изучил более двухсот врачебно-документированных случаев чудесного исцеления, я вынужден вернуть доктору Нолену его же латинское изречение, которым он подкреплял свое рассле-

дование против Кэтрин: *Res ipsa loquitur* — факты говорят сами за себя.

Утверждения Нолен, кстати, вызвали ответную реакцию в рамках самой медицинской профессии. Х. Ричард Касдорф, кандидат наук, специалист по внутренним болезням из Южной Калифорнии и одновременно — специалист по сердечным болезням, который был весьма хорошо знаком с результатами служения Кэтрин, встретился с доктором Ноленом на шоу Майка Дугласа в Филадельфии в 1975 году. С Касдорфом были Лиза Лариос и ее мать. Лиза, девушка-подросток, была исцелена от костной опухоли на «собрании с чудесами» в зале «Святыня», и доктор Касдорф имел рентгеновские снимки и медицинские показания, чтобы доказать исцеление. Позднее он документировал еще 9 примеров чудесного Божественного исцеления, большинство из которых было связано со служением Кэтрин Кульман, и опубликовал свои исследования в книге «Чудеса», которая вышла в издательстве «Логос» в 1976 году. Нолен остался при своем мнении, но важно то, что он не остался без отзыва со стороны своих коллег.

Доктор Нолен сделал важный вывод, заявив, что Кэтрин была невежественной в медицине. Она была таковой сознательно. Похоже, она знала, что в тот момент, когда она выйдет за рамки царства Духа и подойдет к царству Разума, она станет подобной своим критикам — поборникам гуманизма — бессильной. Пусть она была невежественной, но она была бесконечно мудрой (мудрость ее была в способности видеть все глазами Божьими). И по этой причине она редко отвечала на критику: она была способна видеть вещи с «Божьей точки зрения». И хотя бывали времена, когда она теряла «Божью перспективу», все же, размахивая кулачками и «заводясь» подобно обычному смертному, она просто ответила Нолену: «Я лишь могу пожалеть писателя, который настолько умен, что не умеет верить».

Многие люди делают ошибку, приравнивая недостаток мирского знания к глупости. Кэтрин не была глупой, хотя она действительно была невежественной во многих вопросах. Она, например, была невежественной в теологии. Я не

думаю, что она прочла хоть одну книгу по теологии. И ни одной книги по чудесам исцеления. И у нее никогда не было приемлемого определения слова «чудо». Она оставляла все определения тем, кто не мог верить.

У нее было очень скудное представление о том, что творится в мире вокруг нее. И хотя она одинаково приветствовала теологов, проповедников и сенаторов штатов, но едва только миновав стадию приветствия, она терялась и быстро находила предлог, чтобы уйти. Но, с другой стороны, пока она стояла на своем поле битвы — на поле Святого Духа, — она была непревзойденной и непобедимой.

Я помню случай, когда ее «взяли на заметку» на пресс-конференции в Иерусалиме. Еврейская пресса была враждебно настроена к ее присутствию и к присутствию множества христианских лидеров, которые прибыли в Иерусалим на Первую всемирную конференцию по Святому Духу. Когда бородатый ортодоксальный еврей-репортер спросил ее едко: «Почему вы, христиане, проделали весь этот путь сюда на вашу конференцию? Почему бы вам не остаться в Америке?», — Кэтрин вскочила на ноги с горящими глазами. — «Я скажу вам, почему мы здесь, молодой человек. Мы здесь потому, что это страна избрана Богом, а вы — евреи, хотите вы этого или нет, вы — народ, избранный Богом. Мы здесь потому, что христиане любят эту землю так же сильно, как и вы любите ее. Мы здесь потому, что эта гора, где мы сейчас стоим, однажды расщепится, когда Царь Славы, Мессия, Иисус Христос вернется. Мы здесь потому, что Святой Дух сошел здесь в Пятидесятницу, и сегодня Он тоже здесь».

Я посмотрел на репортера, он что-то озлобленно строчил в блокноте, лицо его было серьезным. Один христианский пастор, араб, сидевший рядом со мной, засмеялся и дотронулся до моей руки: «Эти евреи сидят и слушают, когда говорит сильная женщина. Они любят Голду Меир, и они полюбят Кэтрин Кульман. Просто подождите, и вы увидите».

И они полюбили ее. Они сидели, округлив глаза, во время четырехчасового «собрании с чудесами» на следующий день. Даже консервативная «Иерусалим пост» написала о ней в

восхищенном тоне. Кэтрин стояла на твердой почве, когда она говорила о Святом Духе.

Кэтрин была невежественной в медицине. Она никогда не читала даже семейного пособия по медицине и уж вовсе не изучала психологию, физиологию и анатомию. Все же она обладала мудростью, исключительной мудростью. Она знала, что когда она была на сцене во время «собраний с чудесами», Дух Божий был на ней и у нее была вся власть Бога. Никто не решался подвергать сомнению ее власть в такие моменты. Даже доктор Нолен признал, что когда он посетил то единственное «собрание с чудесами» в Миннеаполисе, то был почти «угворен» (подобно царю Агриппе, перед которым выступал апостол Павел), что нужно верить. «Вы не хотите думать, — говорил он, — вы хотите принимать на веру».

Но, к несчастью, он позволил разуму победить.

Дар Кэтрин во время «собраний с чудесами» не был «даром исцеления», а скорее это были другие дары, перечисленные апостолом Павлом в его послании к церкви в Коринфе: «дар веры» и «дар слова знания» (1Кор.12:8). Кэтрин не была целителем. «Дар исцеления», о котором говорил Павел, как верила Кэтрин, приходил только к больным. Именно больные нуждались в даре исцеления. У нее же была вера и слово знания, чтобы указать, где происходит исцеление. И потому она снова и снова говорила: «Я — не целитель. У меня нет исцеляющей силы, нет исцеляющей благодати. Смотрите не на меня, смотрите на Бога». Все же во время «служений с чудесами», когда волна веры поднималась и присутствие Божье буквально наполняло здание, поглощая восхваления людей, Кэтрин внезапно начинала распознавать исцеления, которые происходили в аудитории. Это было своего рода «товарным знаком» ее «собраний с чудесами». Ее критики, такие, как Лестер Кинсольвинг, называли это «телепатией» или «окультизмом». Аллен Спраггетт из «Торонто стар» говорил, что она — «ясновидящая». Кэтрин же знала, что это просто сила Святого Духа, которая доступна всякому, кто заплатит цену.

Именно вера в то, что она была «духовной» личностью — она думала так же, как и Сам Бог, — убедила меня при нашей первой встрече, что она не была шарлатанкой. Мы вышли из ее офиса в «Карльтон-хаус» уже в сумерки. Я вел ее «кадиллак», и она говорила мне, куда ехать. Мы пересекли реку Мононгахила и выехали на северную дорогу вдоль отвесного берега, которая привела нас к маленькому, но элегантному ресторанчику, специализирующемуся на мясных блюдах. Он возвышался над «Золотым треугольником» в центре Питтсбурга. После ужина при свечах мы сидели и говорили, обсуждая нашу совместную работу над книгой «Бог может снова это сделать». Наконец я остановил ее.

— Могу ли я задать вам прямой вопрос?

— Конечно. Давайте прямо сейчас.

Ее готовность и открытость просто обезоруживали. Секунду я колебался, жалея, что я начал разговор, но нужно было продолжать.

— Почему некоторые остаются не исцеленными на ваших собраниях с чудесами? Как вы объясните тот факт, что многие уходят «разбитые» и разочарованные, в то время как другие получают чудесное исцеление?

Она не смутилась.

— Единственный честный ответ, который я могу дать: я не знаю. Только Бог знает, а кто может постичь ум Божий?

И в тот момент я внезапно понял, что могу доверять ей. Недуховный человек закидал бы меня логическими соображениями. Но Кэтрин не была «логичной женщиной». Она была духовной личностью. И хотя ее характер оставлял желать лучшего, она знала, что бесполезно пытаться объяснить необъяснимое или пытаться понять тайны Божьи.

— Когда мне было 20 лет, — засмеялась она, — я могла на все дать ответ. Моя теология была прямой, и я была уверена, что если ты следуешь определенным правилам достаточно старательно работаешь, исполняешь все заповеди и поддерживаешь себя в духовном состоянии, Бог исцелит тебя. Но Бог никогда не отвечает на запросы человека, чтобы доказать Свое существование. Всегда будут какие-то вещи в жизни, которые нельзя объяснить, потому

что мы смотрим сквозь мутное стекло. Бог же знает конец с самого начала времени, а мы можем видеть лишь проблеск реальности, и притом испорченный проблеск.

Она продолжала и рассказала мне о нескольких людях, которые пришли на собрание, не веря в Бога, еще меньше веря в чудеса, и которые были исцелены. И о других — несомненно святых, которые ушли без исцеления.

— Поскольку пока у нас нет возможности понять это, то вот все, что я могу вам сказать: эти исцеления даются по благодати. Одни были исцелены через благодать Господа. Другие же... кто знает... видимо, Бог любит их так сильно, что Он приберег еще большее благословение для них, чем просто исцеление.

Кэтрин любила рассказывать о том случае, когда она проводила «служение с чудесами» в Канзас-Сити. Местная газета «Стар» послала одного из своих лучших репортеров, чтобы она написала о собрании. В последний вечер репортер пришла в «гримерную» Кэтрин, и они говорили о тех, кто не получил исцеления. Через три недели Кэтрин получила письмо от репортера, в котором та рассказывала о своем друге, которого она привела на последнее собрание в Канзас-Сити — адвоката, умирающего от рака, его ввезли на носилках с колесиками. Репортер писала, что спустя неделю после собрания адвокат умер, но его жена сообщила, что, по его словам, переживания на собрании были самыми лучшими в его жизни. Он не был исцелен, но он принял Христа как Икупителя своих грехов. Смерть пришла к нему легко. И со славой Божьей. Репортер вспоминала, как Кэтрин плакала в своей гримерной, когда они обсуждали, почему многие уходят с собрания без исцеления. Она просила Кэтрин вспомнить случаи, когда она думает о тех, кто не получает исцеления.

«Нет, я не знаю, почему не все исцеляются физически, — говорила она, — но все могут быть исцелены духовно — и это самое великое чудо, которое может познать человеческое существо».

Немногие, очень немногие из тех, которые не получили исцеления на собраниях, ожесточились. Многие из них уже пережили свои огорчения. Они пришли к Кэтрин, чтобы

схватиться за соломинку. Многие возвращались снова и снова. В своих инвалидных колясках. Ввозя своих парализованных детей на носилках с колесиками. Хромая на своих костылях или в гипсе. Проклясть Кэтрин Кульман было все равно, что проклясть Бога. Вместо этого они умножали жертвоприношения и усиливали молитвы. Ибо были они исцелены или нет, но «собрания с чудесами» давали им нечто, что доктор и наука не могли им дать, — надежду. То есть то, что так важно для жизни. И радость. Она давала им радость. Здесь, в атмосфере, где их принимали и любили, люди пели и прославляли Бога в радости. Часто — и даже слишком часто — они не могли найти этого в своих церквях. Радость была подменена искусственным «счастьем» от вызываемого таблетками покоя. Но на «собраниях с чудесами» радость была реальной. Она давала им Бога. Не бога, который отвергает их за то, что они больны; но Бога, чье сердце разбито их состоянием. Бога, который стремится коснуться их. Она давала им Иисуса Христа, Который, умирая на кресте, простил их грехи и приготовил для них место на Небесах. Что еще могли они просить? Исцеление? Да. Но в свете всего того, что было предложено на «собраниях с чудесами», исцеление тела имело часто не главный приоритет. Кэтрин была права. Духовное исцеление было величайшим из всех даров.

В чем же был секрет «служения с чудесами»?

Гленн Кларк, в прошлом мистик и основатель «Лагерь далекого будущего» (CFO) писал однажды о русском порте на побережье Сибири, который использовался для рыболовных судов в сезон летней навигации. Но зимой, когда температура колебалась от -50 до -90 градусов по Фаренгейту, суда не ходили. Причалы были на месте, все подходы для судов были открыты, но суда не ходили. Почему? Потому что климат не позволял.

«Собрания с чудесами» обеспечивали нужный «климат» для исцеления. Это было подобно большой линзе, концентрирующей лучи на клочке бумаги, которая воспламенялась от этого. Солнечные лучи были всегда. Но пока линза не собирала лучи в фокусе, концентрируя их на оп-

ределенном месте, не было нужной силы света. Так и «служения с чудесами» концентрировали силу Божью в особом месте и в особое время. Хотя исцеление не ограничивалось, естественно, «служениями с чудесами» (Кэтрин постоянно говорила, что подобные исцеления должны происходить в любой церкви в мире), тем не менее, похоже, что в этом особом «климате» Божья сила была более сконцентрирована, и, таким образом, чудеса были нормой, а не исключением.

Одной из самых лелеемых надежд Кэтрин, вплоть до самой ее смерти, была та, что однажды у нее будет такое же «служение с чудесами», как и у Иисуса, когда всякий пришедший будет исцелен. Этого не случилось, но она верила в возможность этого и никогда не уходила со сцены без молитвы: «Может, это случится сегодня».

Фрэнк Лаувах, большой знаток литературы (и помимо того, коллега Гленну Кларка) распознал исцеляющую силу, которая пребывала на «собраниях с чудесами». Он писал однажды Кэтрин: «Вы — чудесный человек! Я хотел бы приехать на ваши собрания и просто побыть там, когда вы преломляете хлеб жизни и даете надежду такому огромному количеству людей... Моя молитва в том, чтобы Бог дал мне возможность быть с вами снова и поймать хоть немножко той струящейся силы Святого Духа, что изливается из вас, как ни из кого больше. Вы — чудная девушка!»

Кэтрин говорила, что она не умеет исцелять. И в некотором смысле она была права. Она была лишь катализатором, который соединял силу и людей вместе. Все же, в другом смысле, она владела всеми исцелениями, ибо она собирала вместе «работающую установку», через которую Святой Дух был в состоянии принести на «рынке» свой «товар»: исцеления.

Музыка играла великую роль в этих служениях. И хотя все, казалось, шло само собой, это было на самом деле результатом тщательного планирования, основанного на опыте многих лет проб и ошибок. Кэтрин устраивало только самое лучшее. У нее никогда не было убогого пения на сцене. Она работала только с лучшими музыкантами. Ее хор,

управляемый доктором Артуром Меткалфом, репетировал до совершенства, и каждая часть исполнения доведена до той грани, когда дикция и гармония становились безупречны. Джимми Миллер, аккомпаниатор хора и ее пианист в течение 27 лет, был не превзойден в своей работе. А у Джимми МАК-Дональда был один из лучших голосов в Америке. Даже Дино, который позднее стал выступать против нее, был объявлен музыкальными критиками одним из лучших клавишных музыкантов. Так же уникален был и Чарльз Биби, ее лысеющий маленький органист, которому приходилось вытягивать свои короткие ноги к педалям — он чувствовал не только настроение Кэтрин, но и сам «тёк», в кажущейся совершенной гармонии со Святым Духом, в то время как его натренированные пальцы бегали по клавишам органа, отражая присутствие Бога в зале. Каждый раз, когда кто-либо выходил вперед, чтобы свидетельствовать о чуде, орган поддерживал его. Биби, чувствуя напряжение во время свидетельства, то ввергал свой орган в настоящее крещендо, когда люди аплодировали, то предлагал мягкий фон для тех, кто шептал со слезами на глазах свои потаенные желания в микрофон. Когда Кэтрин призывала к тишине: «Ни звука в этой аудитории. Святой Дух сейчас будет касаться каждого сердца...» — орган играл, создавая невидимую поддержку Его присутствию. Думать о «служении с чудесами» без Чарльза Биби было просто нереально. Тот музыкальный климат, или, если вы предпочитаете, — «настрой», был неоценимо важен в создании атмосферы, в которой Святой Дух мог легко и свободно двигаться.

Механизм богослужения и подготовка были одним из секретов создания «подходящего климата». Кэтрин часто приходила заранее на место собрания, особенно если это было новое для нее место, чтобы походить по проходам и помолиться. После этого организаторы всегда получали инструкции со всеми подробностями, часто их давала сама Кэтрин. Ничто не было оставлено на самотек. А в некоторых больших аудиториях организаторы использовали даже портативные рации, передавая информацию друг другу. Сбор пожертвований, который всегда казался абсолютно

спонтанным, на деле репетировался до тех пор, пока не протекал «без сучка и задоринки». Помощники, а иногда число их достигало трех сотен, ежедневно тренировались, как обходиться с людьми, создающими помехи служению, как находить тех, кто имеет нужду, как действовать в случае опасности, как отличать настоящее исцеление от эмоционального подъема. У каждого человека была своя роль, и каждый имел свои инструкции. Это было частью «приличия и порядка», что, по мнению Кэтрин, означало «достоинство перед Господом».

Кэтрин настаивала, чтобы за ней на сцене устанавливались прожекторы или светильники. В Янгстауне был огромный хор из покаявшихся алкоголиков. На гигантских собраниях в зале «Святыня» или в больших городах по всей Америке присутствовали признанные пасторы, политики, лидеры общин и хор иногда достигал тысячи голосов. Особая любовь у нее была к врачам, и она хотела видеть их на сцене или в первых рядах в зале. То же самое касалось священников и монахинь — особенно, если они были «в униформе». Ничто так не трогало Кэтрин, как вид тридцати или сорока католических священников, особенно если у них были специальные воротнички, а лучше — сутаны, которые сидели позади нее, пока она проповедовала. Иногда это, вероятно, было нужно, чтобы придать дух подлинности тому, что она делала, и это тоже помогало создать подходящий климат доверия и понимания, который был так необходим для «служения с чудесами».

Очевидно, самой важной, хотя и менее видимой частью собраний, были женщины-помощницы, руководимые Мэгги Хартнер, Руфью Фишер и Полиной Вильяме, которые ходили взад и вперед по огромной аудитории, когда начиналось «время чудес». Им надлежало наблюдать, смотреть, прислушиваться и побуждать тех, кто получил исцеление, выходить вперед и свидетельствовать.

Но величайшим секретом была сама Кэтрин. Она настаивала на том, что все внимание должно быть сфокусировано на ней. Она ни разу не садилась во время этих четырех-пятнадцатичасовых собраний, даже когда играл Дино или пел

Джимми Мак-Дональд. Фактически, она всегда делала что-нибудь, чтобы удержать внимание аудитории на себе. Критики, возможно, могли бы подметить, что она «переигрывает» — поднимает руку, когда Джимми берет высокую ноту, или обращается к хору и делает некий жест руками, когда Дино кончает играть. Это выглядело как своего рода эгоизм — всегда требовать света прожекторов на самой себе. Но те, кто различал тонкости, видели в этом мудрость. Кэтрин знала о необходимости духовной сконцентрированности. Она никогда не позволяла отнять у нее микрофон. Она всегда была рядом с тем, кто свидетельствовал о чуде. И если он начинал объяснять ненужные подробности, она подходила к нему, молилась за него, и он падал на пол, «сраженный силою». А если он пытался сказать что-либо, что могло разрушить гармонию собрания, она использовала силу. Она знала, что нельзя допускать десяток мелких «собраний с чудесами», параллельно идущих в зале, в то время как она ведет собрание со сцены. Если же нечто подобное случалось — а это нередко бывало, — то она прекращала болтовню словами: «Эй, что там творится на балконе? Кто-то получил исцеление? Организаторы, разберитесь с этим». И организаторы, уже обученные, подходили к этим группам и «разбирались», призывая людей смотреть на сцену. Кэтрин знала, что может быть только один лидер — и она была им. Она никогда не уступала этой позиции власти. Это было одним из секретов «служения с чудесами».

По этой же самой причине она была очень осторожной относительно разрешения проявления в аудитории «даров Духа». Если кто-то вставал, чтобы проповедовать или «говорить на языках», она призывала их к молчанию. «Святой Дух не прерывает Сам Себя», — говорила она авторитетно.

Я был в Денвере, когда в 1968 году она вернулась туда впервые за 30 лет с тех пор, как уехала оттуда. Сэм Рудд, богатый житель Денвера, международный директор «Общины полноевангельских бизнесменов», побуждал ее провести трехдневный съезд в старом зале «Сити». Я думал, что Кэтрин будет «ходить перед ними на цыпочках», но она не стала. Она приехала с авторитетом и властью.

Посреди первого собрания один пожилой человек в аудитории встал и начал кричать: «Аллилуйя! Слава Богу!»

Кэтрин не отступила от правил: «Сэр, пожалуйста сядьте на место. Вы мешаете проводить собрание».

Мужчина проигнорировал ее и продолжил кричать и махать руками. Я подумал, что он ее старый приятель из «Скинии». — «Если вы не сядете, то мне придется попросить организаторов вывести вас».

Он продолжал, словно в трансе, что-то бормотать. Кэтрин кивнула группе мускулистых организаторов, которые быстро пошли по проходу, направляясь к этому мужчине. Приятель крикливого человека, который сидел рядом с ним, увидел, что они подходят. Хотя он свирепо смотрел на Кэтрин, тем не менее, он быстро заставил своего друга опуститься на сиденье и успокоил его.

«Это фанатизм, — отчетливо произнесла Кэтрин Кульман. — Это как раз то, что огорчает Святой Дух. Все, кто согласен со мной, поднимите руки».

Вся аудитория была за нее. Казалось, что все руки были подняты вверх. И в дальнейшем на собраниях больше не возникало помех подобного рода.

«Святой Дух — джентльмен, — часто говорила Кэтрин. — Он делает все правильно и в должном порядке. Когда Он говорит через меня, Он не будет прерывать Себя, говоря через кого-то еще».

Удержание внимания на себе было одним из секретов Кэтрин Кульман.

Существовали также и другие технические приемы, которые остались непонятыми или неочененными многими, но которые, как полагала Кэтрин, были необходимы для успешного служения. Одним из них был полный зал народу. По мере того как толпы росли, например в Лос-Анджелесе, некоторые из ее самых доверенных помощников советовали ей переместить собрания из зала «Святыня» в другое, более просторное место. «Нехорошо, что мы заставляем тысячи возвращаться домой ни с чем каждое собрание, — говорили они. — Зал «Святыня» рассчитан только на 7 тысяч человек. Почему бы не арендовать стадион «Укла»?

Кэтрин отказалась. Ее критики говорили, что ей нравился некий ажиотаж, который достигался тем, что тысячи уходили, не посетив собрание. Но она знала, что лучше иметь полный зал, забитый до отказа, чем полупустую аудиторию. И хотя она также знала, что она — всего лишь обычный человек, тем не менее, было необходимо, чтобы люди видели ее на сцене, а этого нельзя было обеспечить на огромном открытом стадионе. Билли Грэхем мог пойти на это, поскольку он мог управлять людьми голосом. Но Кэтрин нуждалась в том, чтобы видеть лица людей и чтобы они могли видеть ее лицо. Это было «интимное» служение. А потому, скорее чем арендовать большие помещения или открывать временные постройки, она предпочитала оставаться в маленьких зданиях и сохранять зрительный контакт с аудиторией (хотя иногда огромные помещения были необходимы). Это был один из секретов «служения с чудесами».

И в результате происходили необыкновенные вещи. Чудесные вещи. Журнал «Тайм», освещая «собрания с чудесами» в статье, вышедшей в 1970 году, писал: «Под прической образца 1945 года пряталась одна из самых замечательных христиан-харизматов Соединенных Штатов. Она — настоящая Святыня Лурда». Затем, перечислив несколько подтвержденных документами исцелений, которые происходили на этих собраниях, автор статьи подводил итог: «Кэтрин не проповедует никакой теологии исцелений. Она не утверждает, что вера обязательно влечет исцеление или что нехватка веры обязательно отрицает исцеление. Она видела слишком много исцеленных неверующих и слишком много верующих, уходящих с собраний хромыми или больными... Она видит свое служение подобным тому сверхъестественному служению, которое было в первых церквях. «Все, что было в первой Церкви, — настаивает она, — все это мы можем обрести и сегодня...» Она так убеждена, что ее роль — это роль посредника, что ее постоянно преследует ночной кошмар, будто она выходит однажды на сцену, а ее дар пропал и сиденья пусты».

Но этот кошмар был всего лишь дурным сном. Скамьи ни разу не были пустыми — ее дар оставался с ней до самого конца.

Одним из путей, которым дар проявлял себя, был феномен, который стал «товарным ярлычком» всех «служений с чудесами», когда те, за кого она молилась, падали на пол в почти кататоническом* состоянии. Она называла это «быть сраженным силой», а в последние годы говорила: «сраженный силой Святого Духа». Никто не помнит точно, когда эта исключительная демонстрация духовной силы впервые проявилась в ее служении, но, похоже, это было с самого начала. Кэтрин охотно соглашалась, что этому нет объяснения, достаточно считать, что это — сила Святого Духа.

***Кататоническое состояние — состояние оцепенения. — Прим. пер.**

В 1966 году ее пригласили выступить на женском завтраке в Майами-Бич на национальном съезде «Общины полноевангельских бизнесменов» (FGBMFI). Это было одно из первых ее появлений перед FGBMFI, и очень немногие из присутствовавших там были знакомы с ее служением. Званный завтрак проводился на первом этаже в отеле «Дювилль» недалеко от бассейна. В зале было более тысячи женщин. Роза Шакарян (миссис Демос), жена основателя «Общины», представила Кэтрин, и как только та встала, чтобы проповедовать, странный шум раздался в конце зала, словно ветер зашелестел в деревьях. Кэтрин поднялась на маленькое возвышение, стремясь увидеть, что там происходит. Внезапно раздался звук стульев, шаркающих по полу, и женщины в конце зала стали смеяться и кричать.

«Давайте сюда, — сказала Кэтрин, помахав рукой, — Давайте, давайте. Святой Д]х не дал мне говорить. Исцеления уже начались».

И они действительно начались. Женщины в первых рядах принялись кричать, слезы потекли по их лицам, как только они начали свидетельствовать об исцелениях, которые произошли в тот момент, как Кэтрин встала, чтобы говорить.

Кэтрин начала молиться за женщин, а те валились на пол, «сраженные силой».

Роза Шакарян была поражена. Кэтрин подозвала ее на помощь. Кто-то должен был подхватывать женщин, когда те падали на пол. Роза обратилась к Виоле Малачук, которая сидела позади нее, и прошептала в отчаянии: «Виола, я не могу. Мое сердце не выдержит. Я не могу помочь ей».

Виола быстро встала и направилась к группе людей, подхватывая одну женщину за другой и опуская их на пол. Некоторые из присутствовавших стали петь в Духе, а затем по всему залу женщины (большинство из них стояли на ногах, пытаюсь понять, в чем дело) начали валиться на пол или назад на стулья. Сила Святого Духа, казалось, наполнила весь зал.

В отеле уже несколько дней были проблемы с системой вентиляции. Другие гости, находившиеся у бассейна и смотревшие сквозь гигантскую раздвижную стеклянную перегородку, ведущую в зал для балов, увидели, как женщины начали падать на пол. Они подумали, что те теряли сознание от жары, и устремились на помощь. Некоторые из них были тоже «сбиты» с ног силой Духа и упали. Прямо в купальных костюмах.

Собрание длилось почти три часа, и множество людей свидетельствовали потом, что они были исцелены от различных болезней и недугов в это время. Никто не получил никаких травм от падений. Кэтрин так и не представилось возможности проповедовать.

Конечно, хотя такое явление, как падение людей, «сраженных силой», не является сегодня естественным в большинстве «обычных» церквей, похоже, что оно часто встречалось в библейские времена. Например, в 9 главе Книги Деяний мы видим, как Савл лицом к лицу встретился с Духом Христа и упал на землю по дороге в Дамаск. В 17 главе Евангелия от Матфея рассказывается, как три апостола на горе Преображения не могли подняться на ноги в присутствии Божьем. Апостол Иоанн Богослов говорит о том, как он был «в духе» и не мог подняться с земли. Дальнейшие исследования показывают нам, что то же самое явление

сопровождало многих из великих евангелистов в прошлом, таких как Чарльз Г. Финней, Питер Картрайт и Двайт Л. Муди. Действительно, есть зафиксированные случаи, как пешеходы в Чикаго проходили мимо двери в зал, где проповедовал Двайт Л. Муди, и как они упали на тротуар «под действием силы». Когда Святой Дух сошел на евангелизационные собрания, проводимые братьями Весли, Джоном и Чарльзом, и люди начал падать, они в страхе закричали: «Не надо больше этого». Вскоре после этого к Чарльзу подошел один человек и стал его укорять за то, что они с братом угасили Дух: «Чарльз, у вас не было больших чудес, и лишь немногие обратились к вере, потому что вы разубедили людей падать "под действием силы"».

Позднее Чарльз Прайс, тот, от которого Эверетт Парротт получал свои ранние наставления, проводил собрания по всей Америке, где люди «падали под действием Духа». То же явление сопровождало проповеди Парротта и, естественно, Кэтрин.

Как и многое, что исходит от Бога, этот феномен часто имитировался. Многие евангелисты, проповедники и «целители» стали подталкивать людей создавая иллюзию обладания духовной силой. Иные же, будучи однажды «сражены силой», путали плоть и дух и часто катались по полу и тряслись, дав жизнь презрительному названию «святые трясуны».

Но никто не мог сказать о Кэтрин Кульман, что она — «святой трясун» или что она поощряет (даже допускает) подобное поведение на своих собраниях. Ее критики часто обвиняли ее в том, что она подталкивает людей. Иные же говорят, что она гипнотизировала их. Некоторые же пошли еще дальше и утверждали, что Кэтрин изучала анатомию и знала, как нажать на секретный нерв на шее человека, чтобы он упал. Но когда дым рассеялся, стало ясно, что явление носит в основном духовный, а не эмоциональный характер.

К ее чести, Кэтрин никогда не «угашала» это явление, хотя это была одна из тех вещей, которые могли бы создать ей репутацию фанатички. С другой стороны, она не допускала

шумных проявлений, которые часто сопровождали ранние служения Орала Робертса и Рекса Хамбарду.

«Большей частью шум заменяет силу, — говорила она. — У меня был старый «форд» модели «Т», когда я начинала в Адайхо. Если шум — это сила, тогда мой старый «форд» был бы самой сильной машиной на дороге. Однако те величайшие проявления Святого Духа, которые я видела, те величайшие чудеса, те величайшие крещения Святым Духом, о которых я могу свидетельствовать, — они были тихими и красивыми».

В 1974 году на Первой всемирной конференции по Святому Духу я наблюдал, как одетый в сутану монах, член ордена траппистов, попадал под «действие силы» четыре раза. Он сидел на сцене позади мисс Кульман, и во время «служения с чудесами» Кэтрин решила помолиться за тех, кто окружал ее. Когда она подошла к этому монаху, она сделала паузу. Капюшон его коричневой сутаны покрывал его голову, ее длинные полы касались его сандалий. Он стоял перед ней выпрямившись, со склоненной головой и закрытыми глазами.

Кэтрин плакала. Похоже, она чувствовала что-то особое к этому монаху. Я заметил, что слезы начали течь и по его лицу. А затем ноги монаха подкосились, и он упал прямо на руки организатора.

Кэтрин не двигалась. Она стояла, пораженная. Один ее палец указывал на небо, а другая рука была протянута к молчавшему человеку на полу. Ее лицо было поднято вверх и светилось.

Организаторы помогли монаху подняться на ноги, и он снова стоял перед ней. Его капюшон был теперь откинут, открывая красивое лицо. Но Кэтрин все еще не двигалась. Ее руки оставались в той же позиции. Медленно монах «сполз» на пол. Это произошло еще дважды. Кэтрин не дотронулась до него, даже не произнесла ни слова. Она просто стояла спокойно, ее палец указывал вверх, на Бога, и ее лицо, окутанное неземным светом было обращено кверху. Единственные звуки были различимы: нежная музыка органа и вздохи из аудитории каждый раз, когда католический монах валился на пол под действием силы Святого Духа.

Казалось, что она была окружена облаком силы. Каждый, кто находился внутри этого облака, едва мог стоять. У меня было чувство, что если Кэтрин пошевелит даже кончиком пальца, сна тоже упадет на пол — так велика была сила Бога.

То же облако часто появлялась вокруг нее, когда она проповедовала. Случалось, что ее лицо буквально светилось. Иногда, когда это присутствие было сильнее, она просто делала движение рукой в направлении аудитории или назад в хор, и целые ряды людей падали. Однажды в «Карнеги-холл» в Питтсбурге одна женщина на боковом балконе встала и заявила, что получила исцеление. Многие другие вокруг нее, которые знали ее и молились за нее, тоже встали и радовались, когда она сняла медицинский браслет с ноги и держала его в поднятой руке. Кэтрин подошла к переднему краю сцены и сказала: «Сила Божья на том балконе». Внезапно почти 30 человек упали со своих сидений. Я был в партере и, затаив дыхание, ждал, что кто-то упадет с балкона и обрушится на сидящих в партере. Но происшествий не было. Фактически, за все ее служение не было зарегистрировано ни одного случая, что кто-то, упавший под действием силы, был хотя бы легко ранен при падении. Как раз напротив — многие были исцелены от серьезных недугов, которым они были подвержены в прошлом.

Один из самых драматических примеров этого — история, произошедшая с доктором Клинтоном Харрисом, который был исцелен от болезни бедра на «собрании с чудесами» в Мокро, в штате Луизиана, в 1973 году. За 20 лет до этого доктор Харрис, недавно вернувшийся из Китая, где он вел миссионерскую работу для «Южной баптистской церкви», был серьезно ранен в автомобильной катастрофе. Его правое бедро было раздроблено, а кость левой ноги серьезно повреждена. Когда же бедро вылечили, после многих месяцев, проведенных в специальном корсете, оно было поражено артритом, доктор остался инвалидом. Не имея возможности вернуться на поприще миссионерского служения, он начал небольшую практику в маленьком го-

родке Пиневилле, близ Александрии. С годами боль усиливалась, по мере того как прогрессировал артрит, и отложения кальция полностью поразили бедро. Его 12-летний сын часто возил его по коридорам в инвалидной коляске, когда он делал свои обходы.

Некоторое время спустя в Монро, в 90 милях от Пиневилля, должно было проходить «служение с чудесами». Доктор с женой решили поехать туда. Его жена вела машину, пока он лежал и мучился на заднем сиденье. Организаторы помогли ему въехать на инвалидной коляске в здание. Доктор Харрис вел свой род от старых южных баптистских проповедников и миссионеров. И хотя он верил в Библию, он никогда не верил в чудеса. Когда он сидел на «собрании с чудесами», он почувствовал сильный жар в бедре. Внезапно он вскочил со своей коляски и побежал по проходу. Он снял бандажи с ноги и бедра и почувствовал, что может взойти по ступенькам на сцену без боли и неудобств. Встав перед мисс Кульман, он упал, «сраженный силой». Никого не было поблизости, чтобы подхватить его, и он тяжело упал на сцену, прямо на правое бедро. Несмотря на это, он не повредил ни одной кости, ни одного сустава. Он вскочил на ноги и снова упал на правое бедро. И опять не ощутил боли.

Вернувшись домой, он попросил своего друга, еврея, доктора Дэна Кингсли, хирурга-ортопеда, который недавно рассматривал возможность трансплантации бедра, осмотреть его. Доктор Кингсли оперировал в свое время повреждения, вызванные той катастрофой, и продолжал следить за его состоянием в течение последующих лет. Он скептически отреагировал на историю, рассказанную Клифтоном Харрисом, но согласился проверить его. Сделав рентген и понаблюдав, как он ходит без помощи бандажа, костылей и, тем более, коляски, он признал: «Я был бы удивлен таким хорошим результатом даже после полной трансплантации бедра».

Доктору Харрису так больше и не понадобилась его инвалидная коляска.

Не все, кто падал на пол, были исцелены, естественно. Одна женщина в Талсе, штат Оклахома, упала, «сраженная

силой», затем встала на ноги, покачала головой и сказала: «Чудесное переживание, но спина у меня все еще болит».

Загадочное явление.

В действительности, похоже, никто не знает что вызывало эти падения. Это выглядело так, как будто сверхъестественная сила Святого Духа осуществляла короткое замыкание всех функций тела в один момент. Мышцы и нервы, которые обычно контролируются электрическими сигналами из мозга, были перенасыщены силой, словно молния попала в электрическую систему дома, рассчитанную на 220 вольт. В таком случае все системы были бы накоротко замкнуты. Сила пережгла бы все реле и предохранители, сделав неуправляемыми все электрические приборы в доме, которые были включены. Также и сила Святого Духа, протекая по человеческому телу, вызывает у духовно «включенного» человека реакцию — падение на пол.

В зале «Святыня», в одно из воскресений после обеда, Кэтрин подозвала к сцене всех священников — католических, протестантских, иудейских. Почти 75 человек ответили на ее призыв и вышли к сцене. Она касалась их дважды: один раз правой, другой раз — левой рукой, и все они оказались на полу, будто их сложили друг на друга, подобно поленьям. В Майами, в штате Флорида, она пошла сквозь хор, чтобы молиться за тех, кого она могла коснуться, и почти 400 человек лежали на полу. В другой раз в ее офис в Питтсбурге местный пресвитерианский проповедник привел своего друга, который был профессором теологии, чтобы встретиться с мисс Кульман. Перед тем как они расстались, стоя у двери офиса и болтая, Кэтрин предложила помолиться за профессора. Он знал, что это может значить, и приготовил свое атлетическое тело противостоять всякой попытке сбить его с ног. Она протянула руку и сказала: «Дорогой Иисус!» Внезапно профессор оказался на полу. Его друг помог ему подняться. Удивленный, профессор спросил: «Что случилось?» Прежде чем его друг успел ответить, он снова упал на пол. Кэтрин отступила назад, смеясь, и велела пастору забрать своего друга домой, пока он еще мог идти.

Они пошли к лифту, и профессор, все еще шатаясь, бубнил: «Я не понимаю. В этом же нет никакого смысла».

Даже несмотря на все свидетельства, я с трудом мог в это поверить, пока сам не упал под действием силы. Это произошло в зале «Святыня» в Лос-Анджелесе. «Собрание с чудесами» подходило к концу, и все люди стояли и пели. Я стоял на сцене в группе людей, в основном, служителей из Лос-Анджелеса, когда увидел, что Кэтрин стала двигаться вдоль нашего ряда, проходя мимо людей и касаясь их. Каждый человек падал назад, когда она молилась за него, попадая в руки организаторов, которые изо всех сил старались поспеть за ней, дабы люди не упали на стулья. Я был впечатлен, но совсем не горел желанием, чтобы она прикоснулась и ко мне. Я отступил назад, выйдя из линии. Кэтрин продолжала пробираться сквозь толпу, касаясь руками людей по обе стороны. Я продолжал отступать ближе к концу очереди и внезапно обнаружил, что уперся спиной в край семифутового рояля. Не было возможности обойти вокруг него. Я видел, что она приближается, и принял поспешное решение оставаться за линией, позади прочих людей. Насколько я помню, она так и не коснулась меня. Я лишь помню, что, открыв глаза, посмотрел вверх и увидел дно большого рояля; и я подумал, как глупо, должно быть, я выгляжу, одетый в серый деловой костюм, в черных ботинках и с заколотым булавкой галстуком, лежа на спине под концертным роялем на виду у семи тысяч человек. Затем я почувствовал Его присутствие. Своего рода эйфория овладела мною, я положил голову обратно на дощатый пол и просто наслаждался присутствием Божьим. Поскольку я был под роялем, никто не поднял меня на ноги, и я лежал там еще долго после того, как другие уже заняли свои места, готовясь к заключительной части собрания. Наконец я вылез из укрытия и тоже пошел на свое место, но уже никогда больше не сомневался в сражающей силе Святого Духа.

Естественно, одним из секретов величия Кэтрин на сцене была ее способность к концентрации, ее способность продолжать действовать, несмотря на очевидные отвлекающие факторы. Некоторые из них она была способна конт-

ролировать и устранять. Простым кивком головы организатору она могла урезонить слишком возбужденного человека на балконе или кричащего ребенка в партере. Хотя некоторые из посещавших ее собрания называли ее резкой, почти жесткой, за те методы, при помощи которых она справлялась с подобными помехами, она знала свою способность концентрироваться на голосе Святого Духа, требовавшего, чтобы все помехи были устранены. Для нее было в порядке вещей — остановиться посреди почтительного поклонения, сделать жест в направлении озорующего ребенка и сказать: «Мэгги, позаботьтесь об этом», — а затем продолжать, как будто ничего не произошло.

Некоторые ситуации, однако, нельзя было разрешить просто жестом или словом. В подобных случаях ее склонность к игнорированию проявлялась невероятным образом.

Осенью 1968 года Пэт Робертсон, президент «Христианской теле сети» и ведущий популярной телевизионной программы «Клуб 700», пригласил Кэтрин в Портсмут, штат Вирджиния. После участия в телемарафоне, во время которого были исцелены некоторые люди, она закончила свое служение «собранием с чудесами» в зале «Норфолк».

Джим Беккер, помощник Робертсона в то время, был занят на служении. Они ждали Пэта Робертсона, который задерживался. Кэтрин волновалась. У нее не хватало терпения, когда кто-то опаздывал. Зал в театре позади здания уже был полон. Аудитория была беспокойной, и, дождав всего несколько минут, Кэтрин обратилась к Беккеру, который стоял рядом с ней за кулисами: «Когда Святой Дух говорит мне начать служение, я не должна ждать. Я собираюсь начать».

Беккер не успел сказать: «Но мисс Кульман...», — как она промчалась мимо него и выскочила на сцену, взмахами рук давая команду хору и собранию начинать петь гимн «Как Ты велик».

Более трех тысяч человек собрались в главном зале, сидя на металлических стульях в партере и на дешевых местах на возвышениях вокруг партера. До трагедии было рукой

подать. Когда люди поднялись со своих мест, чтобы петь, раздался звук, похожий на громкий вздох, за ним — сильный треск и пронзительные крики. Целая секция «дешевых мест» вокруг партера, державшаяся при помощи гигантских натянутых тросов, рухнула. Более сотни людей либо упали на пол, либо оказались зажатыми между стеной и секцией. Это была жуткая сцена. Сиденья, которые, по-видимому, были непрочно привинчены, повалились к стене, и те люди, которые не упали вниз на дощатый пол, крича в ужасе, свисали с возвышения головой вниз, подцепленные за ноги. Многие на полу были в крови. Некоторые получили переломы, другие были без сознания. По счастью, никто не погиб, но собрание превратилось в полный хаос. Помощники бежали со всех мест, чтобы помочь раненым.

Джим Беккер боролся с паникой; он бросился вызвать аварийную бригаду и отделение пожарных. Помощники быстро освободили запутавшихся в стульях людей и положили их на пол, в ряд. Прибыли машины скорой помощи, завывали сирены, и раненых вынесли на носилках. Работники службы безопасности очистили затем остаток «дешевых мест» у стен, уговаривая всех покинуть секции и спуститься в партер. Люди свернули эти возвышения у стен, а рабочие суетились, чтобы внести еще тысячу стульев в партер на освободившееся место. Весь этот хаотический процесс продолжался больше часа.

В течение всего этого времени, однако, Кэтрин продолжала держаться своей философии — поступать так, словно ничего не случилось. Невзирая на шум, крики, беспорядок и суету, она продолжала богослужение. Она направляла пение, хотя пели всего несколько человек. Она подавала знак, что пора вступать хору, который пытался петь, несмотря на людей, бегающих перед ними. Затем Кэтрин снова брала микрофон, представляя аудитории некоторых священников, рассказывая истории и устраивая сбор пожертвований. К тому времени, когда аудитория утихла, она уже была на середине проповеди.

Некоторые из собравшихся увидели в этом мастерскую демонстрацию самоконтроля и концентрации в то время,

когда все были на грани паники. Другие же были озадачены, а некоторые — удивлены, поскольку она ни разу не остановилась, чтобы помолиться за раненых. Она даже не сделала каких-либо замечаний по поводу трагедии. Все же многие были исцелены в течение этого «собрания с чудесами», и к тому времени, как собрание закончилось, прихожане, по крайней мере, те, кто не попал в госпиталь, уже почти забыли о происшествии. Ничто, казалось, не могло сбить ее с выбранного пути.

Оглядываясь назад в прошлое, читая некоторые стенограммы тех служений, можно прийти к выводу, что Святой Дух делал исцеления, а не Кэтрин. Ее подход был, как сказал Кинсольвинг, «невероятной банальщиной». Но это работало. Стоя близко к аудитории, она заполняла, как говорят психологи, свое «личное пространство», она почти переполняла людей своим присутствием.

— Сегодня у нас будет весело.

(Аплодисменты и несколько раз дружное «аминь».)

Затем она вытаскивала, словно жареные каштаны из своей сумки, старые шутки, которые она использовала раз за разом перед той же самой аудиторией.

— Если кто-то не слышит меня, пусть скажет «аминь».

(Слабый хор «аминь» с верхнего балкона.)

— Если вы не могли слышать меня, то как вы узнали, что нужно сказать «аминь»?

(Слабый смех.)

— Может, кто-то из вас уже получил исцеление от Глухоты?

(Смех громче.)

Это длилось в том же духе несколько минут, а затем, после представления Дино и Джимми Мак-Дональда (и, возможно, нескольких священников), она начинала свою проповедь: «Я сегодня проповедую только 10 минут, не более» (затем она говорила больше часа).

Но когда Святой Дух начинал проявлять Себя, то можно было услышать, как муха летит.

— Вот исцеляется болезнь сердца. Чудесный Иисус, я воздаю Тебе хвалу и славу. А теперь человек исцеляется от диабета... Сахар уходит из тела... Ухо слышит как полагает-

ся. Кто-то слышит меня отлично. На балконе. Проверьте это. Там наверху, на левом верхнем балконе человек со слуховым аппаратом. Проверьте ухо, сэр. Закройте здоровое ухо рукой, и вы услышите меня отлично... Артрит ног уходит, слева от меня. Иди быстро Мэгги, она в пятом или шестом ряду. Хвала Тебе, чудесный Иисус!»

К тому времени очередь тех, кто получил исцеление, была уже на сцене. Обращаясь к доктору Ричарду Овеллену, онкологу из «Джона Гопкинса», который часто путешествовал вместе с ней, а теперь говорил с миловидной девушкой в первом ряду, Кэтрин спросила быстро: «В чем там дело, доктор?» — «Бурсит. Эта девушка, еврейка. Она сидела сзади меня. Вдруг она почувствовала, что плечо ее свободно двигается».

«И вы не могли этого делать раньше?» — сказала Кэтрин в изумлении, схватив темноволосую девушку за руку и подводя ее к микрофону.

Девушка плакала и слегка вращала плечом.

— Милая, давай взмахни широко рукой, это уже не исчезнет.

Толпа поддержала их.

Девушка так взмахнула рукой, что слезы потекли во все стороны.

«А она еврейка? — засмеялась Кэтрин. — Скоро раввин пригласит меня провести собрание с чудесами в синагоге».

Орган, который играл тихо, тут возвысился до кресендо. Кэтрин закричала в зал: «Давайте скажем ей: "Бог благословит тебя"». Аудитория ответила громовым всплеском аплодисментов, когда Кэтрин возложила руки на голову этой девушки: «Дорогой Иисус, драгоценный Мессия, я воздаю Тебе славу...» Она не успела продолжить. Девушка свалилась назад, на руки людей, стоявших на сцене.

Кэтрин смотрела на это в изумлении. Затем, повернувшись в зал, она сказала: «Ну, как вам это? Иисус также любит и евреев!»

Грохот в зале был оглушительный.

Обернувшись к другой части сцены, она дала знак ассистенту, который стоял рядом со старым мужчиной, держав-

шим в руке слуховой аппарат: «Вот то исцеление слуха с балкона, мисс Кульман».

Процедура была всегда одной и той же, от собрания к собранию. Она никогда не менялась. Попросив человека закрыть рукой здоровое ухо, она стала позади него.

— Вы можете меня слышать?

— Да.

Она отступила на шаг.

— Вы можете меня слышать?

— Да.

— Вы еще меня слышите?

Теперь она была в нескольких футах от него, шепча. То, что усилители превращали ее шепот в грохот, не играло никакой роли. Люди понимали.

Еще один человек, с бумажным коричневым пакетом в руках, был готов свидетельствовать, подходя к микрофону. Он что-то прошептал Кэтрин, затем тихо стоял, пока она хлопала по бедру рукой, согнувшись в приступе смеха.

«Люди, я хочу сказать вам очень смешную вещь. У Бога, несомненно, есть чувство юмора». Оборачиваясь к человеку, она велела: «Поднимите ее. Покажите им вашу картошку. Он говорит, что слышал, якобы картошка помогает при артрите, и поэтому никуда без нее не ходил. Пока он сидел там, он был исцелен от артрита бедра. Теперь он не знает, что исцелило его, — картошка или Бог». Смеясь, она слегка подтолкнула старика и сказала: «Пройдитесь, сэр, по сцене. Посмотрите на него, как он идет, а ведь он оставил свои картофелины мне, чтобы я сварила их дома».

Никто в целом свете не мог бы все это делать, не будь на нем Святого Духа. Иногда люди думали, может, Святой Дух работал не благодаря, а вопреки Кэтрин? Это — хороший вопрос. Но она была уникальна. Не было никого, подобного ей. Многие пытались имитировать ее методику на сцене, но у них ничего не вышло. Они использовали ту же самую технику, ту же методологию. Но не было силы. Кэтрин, возможно, была самой обыкновенной личностью, но невозможно «служения с чудесами» описывать как обычные служения.

Молодой канадский репортер, ехавший на «собрания с чудесами» скептиком, а вернувшийся верующим, писал в 1972 году: «Что можно сказать? Ничего, кроме того что три тысячи голосов пели песню Кэтрин «Он коснулся меня и исцелил меня», а шесть тысяч рук были подняты к небу — узловатые руки, дрожащие руки, тонкие руки, руки молодых людей, руки с обкусанными ногтями, руки рабочих — это то, что невозможно понять, не побывав там. ...«Служение с чудесами» — это нечто цельное, неделимое».

Глава 15

Отдавая всегда и никогда не опустошаясь

Большинство религиозных знаменитостей подстраивали свою жизнь под стать растущей славе. Но хотя слава Кэтрин росла, как атомный гриб, даже перешагнув за шестьдесят, она всегда оставалась «артистом небольшой труппы». В то время, когда «Организация Кэтрин Кульман» была сформирована в 1957 году, ее ежегодный доход превышал один миллион долларов. Все же, она упорно отказывалась делать то, что делают большинство «артистов большого полета от религии». Она никогда не издавала журнала. Она редко отправляла свои деньги по почте, хотя никто так не управлялся с почтовыми делами, как Кэтрин Кульман. Она редко говорила о деньгах на своих собраниях. Она никогда не делала на сцене объявлений с целью оказать давление на публику. Она не использовала трюков для привлечения внимания. Она никак не подпадала под категорию «денежного насоса». Она оставалась, до самой смерти, «простушкой из Миссури».

Ее единственным способом расширить служение в ранние годы было радио.

Однажды в 1958 году, когда она боролась за радишоу в одной местной студии, ее друг представил ей молодого инженера по звуку Стива Зеленко, который работал на «Канале II» в Питтсбурге. Зеленко, принадлежавший к

Римско-католической Церкви, стоял около студии и несколько минут слушал, как она заканчивает свою передачу. Когда она вышла из студии, он мрачно спросил: «Боже мой, леди, не могли бы вы заняться чем-то другим?»

Кэтрин тут же наняла его.

Почти шесть месяцев Стив сражался с ее старым оборудованием и в конце концов пришел к ней сказать: «Послушайте, мисс Кульман, это все — старая рухлядь. Не могли бы вы делать что-то более профессиональное? Если вы хотите делать что-то для Бога, оно должно быть сделано хорошо».

Кэтрин принимала критику подобного рода. Она предоставила Стиву свободу разместить всю звуковую студию в ее расширяющихся офисных помещениях в «Карльтон-Хаус». Средства на вещание были ограничены. Но он смог достать денег на покупку оборудования, и с новыми возможностями расширил количество шоу с начального уровня (4 станции) до 20, 30 и в конце — почти до 60 станций. В то время как большинство людей, работавших с ней, получали указания, Стив знал, как их давать. И хотя ей не нравился его набор слов, она любила его прямоту и откровенность. Иногда он прерывал ее в середине записи, вырываясь из своей инженерской будки, и говорил: «Мисс Кульман, вы же можете сделать лучше. Вы же величайшая. Люди по всей Америке настраивают свои приемники, чтобы слушать вас. Вырежьте всю эту сентиментальную болтовню и проповедуйте Слово».

Он бросался назад в будку, перематывал ленту и давал ей знак: «пошли». Она редко отвечала на его критику, разве что улучшая качество в следующем раз.

С другой стороны, Кэтрин не давала промашки, когда речь заходила о технике вещания. Ей нравилось, как ведущий Билл Мартин представлял ее, и она хранила эту ленту, используя его голос в течение четырех лет после его смерти. Она была экспертом в редактировании записей и могла сказать Стиву, с точностью до секунды, где включить запись, а где живой звук. Ввиду нехватки времени, особенно в последние годы своего служения, она часто включала выдержки из «служений с чудесами» или приглашала специальных

гостей. Она была мастером экспромта и умела смотреть на часы, чтобы до секунд выдержать время своих передач. Несмотря на то, что некоторым людям не нравилась ее манера выходить в эфир: «Привет! Вы, конечно, ждали меня?..» и несмотря на странный театральный голос, Кэтрин была профессионалом, и она знала это.

Тем не менее, Кэтрин оставалась «артистом малой сцены». «Служения с чудесами» по пятницам в «Карнеги-холл» всегда следовали одному сценарию, и всегда происходили десятки исцелений каждую неделю. Воскресные служения в зале «Стэмбог», где люди называли ее «пастором», покрывали весь восточный Огайо, а также западную Пенсильванию. Буквально сотни алкоголиков и случайных прохожих были спасены через ее служения. Доктор Меткалф, конечно, руководил мужским хором в триста голосов, а также он вел концертный хор из двухсот молодых людей. Все же Кэтрин не менялась. Она не меняла стиль своей прически, она не меняла методов проведения богослужений. Она со всем управлялась сама. Она проводила изучение Библии по понедельникам вечером в Первой пресвитерианской церкви. Она вела брачные церемонии, панихиды, инструктировала организаторов, вела прославление, делала объявления, и вела большую часть молитв.

В Кливленде у нее было 17 тысяч прихожан. В Вилинге, Западная Вирджиния, она привлекла к себе 18 тысяч за одну неделю, и фотографии исцеленных на ее собраниях ежедневно появлялись на первой странице местной «Ньюс Реджистер». Женщина 56 лет, глухонемая с четырех лет, посещала богослужения со своей дочерью, которая переводила проповеди Кэтрин на язык жестов. Однажды, сидя дома у радио, дочь услышала, как ее мать сказала медленно: «Я слышала, как мисс Кульман смеется по радио», с того момента она слышала и говорила отлично.

Случилось также то, что сама Кэтрин считала невозможным. Известные теологи начали благословлять, и даже с энтузиазмом благословлять, ее служение. Среди них был Вейд Джампер, канадский баптист и эксперт по синтезу Д-Бакингом религии и психологии. В своей статье в «Торонто

стар» от 6 июня 1964 года Джампер защищал служение Кэтрин:

«Служение Кульман уникально с теологической точки зрения. Здесь я имею в виду то, как изображается Бог в этих служениях. Он — щедрый и сострадающий Создатель и Воссоздатель, который свободно дает чудесные исцеления. Эта концепция находится в контрасте с тем Богом, который часто изображается как Бог, у которого есть любимчики, и который скупно дает чудеса в обмен на человеческую праведность.

Некоторые служения с исцелениями напоминают мне священный аукцион. Бог — невидимый ведущий, а люди, ищущие исцеления — покупатели, наличные деньги — вера человека. Только самые «богатые» (с самой сильной верой) могут приобрести ограниченное число исцелений.

На такого рода собраниях исцеления, вероятно, прежде всего зависят от прикосновения и молитвы центральной фигуры — евангелиста. На таком служении очереди на исцеление и карточки с номерками, судя по всему, необходимы.

Бывает, что случаются исцеления, но бывает много неудач. Некоторые владельцы карточек с номерами так и не получают желаемого личного внимания от целителя.

Другие же, получившие внимание целителя, но не сумевшие ответить на его команду исцелиться, чувствуют себя отвергнутыми, поскольку им сказали, что у них мало веры. Приняв диагноз целителя по поводу своего духовного состояния и возложив вину за свою продолжающуюся болезнь на слабость веры, они возвращаются домой еще более удрученными, чем они прибыли на служения. И им гораздо тяжелее нести новые эмоциональные и духовные раны, чем физическую болезнь.

Некоторые люди, наблюдая этих разбитых духовно и физически «отказников», прекращают следовать за Богом. Если Бог такой — заставляющий людей страдать за нехватку их веры, — то я не хочу иметь такого Бога и не хочу никаких служений с исцелениями.

Бог не такой, заявляет мисс Кульман. Проблема не с Богом, а с неправильным пониманием Бога.

Я думаю, что тысячи обращения в христианство и исцелений доказывают, что ей с успехом удалось найти и донести до Других истинную природу Бога — Бога, Чья сила направляется Его любовью к Его людям.

Надлежащий фокус на свободной любви Божьей возводит исцеление на его законное место. Каждое истинное исцеление, независимо от техники его проведения, — это дар от Бога, зависящий, в первую очередь, от любви Божьей, а не от силы веры больного.

Есть надежда, что другие люди, благословленные даром исцеления, подобно мисс Кульман, последуют ее примеру. А до тех пор я должен утверждать, что ее служение — это нечто уникальное. Ибо я полагаю, что говоря так, я действительно воздаю славу Богу, а не мужчине (или женщине)».

При таком согласии Бога с человеком, видимо, Кэтрин достигла той степени уверенности, на которую она так долго уповала. Все же, как и многих знаменитостей, Кэтрин постоянно преследовал внутренний страх, что она не сможет сохранить свой имидж перед публикой. Это — тот самый возвращающийся ночной кошмар, что никто не придет на ее проповедь, и глубинный ужас, что однажды Святой Дух будет отнят от нее и она останется бессильной, неспособной излучать веру и надежду, останется стареющей и некрасивой. А потому она создала свой собственный шкаф компенсаций, из которого в течение многих лет она доставала различные одеяния, чтобы скрыть свои страхи и беспокойства.

Когда она умерла, у нее осталось более 75 кафедральных платьев, висящих в подвале, плюс множество платьев для телевидения, каждое из которых стоило больше сотни долларов. Она следила за своими расходами — большинство платьев были модельными, и она просила продавцов откладывать их, пока не упадет цена. Надев их всего несколько раз, она часто предоставляла своим сотрудницам — Мэгги, Марион и особенно Руфи, у которой был тот же размер, право выбора. Некоторые из самых счастливых воспоминаний этих женщин связаны с теми случаями, когда

Кэтрин брала их в свой чудесный дом в Фокс-Чэпеле порыться в шкафах и взять то, что они выберут — наряды, вязанные вещи и даже ниспадающие кафедральные платья. Никто не сомневался, что Кэтрин любила изысканные туалеты.

В последние годы Кэтрин была частым посетителем модных магазинов (бутиков) на бульваре Вилшир и на Беверли-Хиллз. Калифорнийский репортер, пишущий для журнала «Лос-Анджелес» уверял, что знает женщину, которая клялась, что в один памятный вечер она обнаружила Кэтрин, крутящуюся перед зеркалом в одном из самых дорогих магазинов на Западном побережье. «Молодая барышня, — говорила Кэтрин продавщице, — я не смогу общаться с Богом в таком платье!»

Ей нравились дорогие украшения и антикварные вещи — все, что компенсировало ей разочарование от того, что она — женщина в мужском мире, мире служения Богу. В то же время ее чрезмерное внимание к одежде создавало впечатление, что она причисляет себя к знати, вроде герцога Виндзорского, который, как говорят, воспитывался иначе, чем простые смертные. Много лет спустя после того, как герцог отрекся от английского престола, он признался: «Я никогда ничего не поднимал в своей жизни. Когда я снимаю свою одежду, я просто бросаю ее на пол. Я знаю, что всегда есть кто-то позади меня, кто поднимет ее».

И хотя Кэтрин родилась простолюдинкой и осталась ею до конца жизни, она всегда жаждала быть герцогиней — так же, как всякий бедняк мечтает быть принцем. Все же она знала, когда она возвращалась к своей «приемной семье» в Питтсбурге или Янгстауне, что чрезмерное количество «знатности» разрушит ее отношения с теми, кого она любила: поляков, ирландцев, угольщиков и сталелитейщиков, простых парней с улицы, алкоголиков — тех неприкаянных людей, которое видели в ней образ Божий. Возможно, репортер неправильно понял заявление Кэтрин в магазине от «И. Магнин». Не то, чтобы Кэтрин не могла общаться с Богом в «таком платье», а скорее то, чего она постоянно боялась — Бог не будет говорить с простыми людьми через нее. Правда,

она любила свои дорогие платья, драгоценные камни, роскошные отели и поездки первым классом. А потому ей приходилось постоянно рассказывать (как оправдание) все эти истории о том, как она ночевала в индюшатнике в Айдахо, и о том, что она ходила в общую баню за 5 центов, когда была слишком бедна, чтобы позволить себе комнату с душем. Это давало ей самой, как она считала, необходимое отождествление с бедняками теперь, когда она жила как королева. Все же оставались сомнения, рассказывала Кэтрин эти истории, чтобы произвести впечатление или чтобы напомнить себе свое прошлое, подобно тому, как в античные времена царь давал поручение одному из своих солдат ехать с ним в его повозке и шептать ему на ухо: «Помни, царь тоже смертен».

Кэтрин преследовала идея о количестве прихожан. И хотя это было оправдано с точки зрения психологии — иметь полные залы, — нечто в ней самой жаждало удовлетворения от сознания того, что «тысячи не смогли попасть и потому вернулись домой». Это чувство имело глубокие корни в земле Конкордии: «Смотри, мама, я говорила тебе, что смогу сделать это сама».

Как и большинство неуверенных в себе людей, она была ниспровергателем авторитетов, хотя большинство из тех, кого она ниспровергла, были гораздо ниже нее на королевской шкале. Ей нравилось говорить об актерах и актрисах кино, которые посещали ее «собрания с чудесами» в Калифорнии, — как сильные, так и слабые актеры. Они появлялись инкогнито в темных очках, ища, подобно всем остальным в зале «Святыня», духовной реальности. Одним из устоявшихся ритуалов перед каждым собранием был следующий: организаторы разыскивали в зале знаменитостей и докладывали Кэтрин в ее примерной. Она всегда уважала желание «звезд» быть анонимно на собрании, но ей нужно было знать, что они там были, сидели и ждали, подобно королям и принцам, стучащимся в ее дверь.

Когда Бетти Хаттон в одно дождливое воскресенье появилась в зале «Святыня», Кэтрин буквально скомандовала: «Позаботьтесь, чтобы ей дали место в первом ряду.

Можно кого-то подвинуть, но я хочу, чтобы она была передо мной». Ее просьба была исполнена помощниками, которые понимали, что это более важно для Кэтрин, чем для мисс Хаттон.

После ее личной аудиенции у папы римского Павла в Ватикане она послала сообщения в несколько крупнейших газет Америки вместе с фотографией, где папа держит ее за руку — «Его святейшество поздравляет мисс Кульман с «чудесной работой», которую она делает, и благословляет ее: *«Делайте ее отлично»*».

Самые стойкие протестанты из ее последователей могли не понять, но для миллионов людей папа является заместителем Христа на Земле... и для необразованной девушки из Конкордии в штате Миссури получение его благословения оправдало бы многое из того, что было в прошлом.

Но, с другой стороны, Кэтрин, конечно, ничего не нужно было доказывать. Весь мир знал, что она была подручной Бога, избранной. Дочерью судьбы. Все же, похоже, она так и не могла выйти из образа маленькой рыжей девчонки, которая пользуется кремом от веснушек Спиллмена, пытаясь скрыть их, чтобы сделать себя более привлекательной для окружающих.

«Видели ли вы ту статью в *"Муви лайф"**?» — засмеялась она, когда я как-то заглянул в ее офис.

Я признался, что *«Муви лайф»* — это не тот журнал, который я держу на полке в ванной. Кэтрин засмеялась.

***«Муви лайф» — «Жизнь кино» — журнал о жизни звезд Голливуда и других знаменитостей. — Прим. ред.**

«Мэгги, подай его сюда. Он где-то там лежит. Ох, это действительно нокаут. Вы никогда в это не поверите. Вот он. Принеси его сюда. Вот! Это заставит их посмеяться там, в Конкордии».

Она раскрыла его, подала мне, затем стала ждать моей реакции. Я едва верил своим глазам. Первая страница состояла из рекламы, как увеличить размер бюста на 3 дюйма за две недели. Дальше шел странный заголовок: «Сенсация!

Лиз Лёрнс Бёртон завела другую женщину». Затем шел разворот на две страницы о Кэтрин и Роберте Янге. Через

две страницы шел кричащий заголовок: «Роберт Янг исцелен чудотворной верой Кэтрин Кульман!» Я посмотрел на Кэтрин. Я знал, как сильно она ненавидит, когда ее называют «целительницей верой». На мгновение я подумал о том, чтобы сказать ей, что я действительно думаю об этом. Затем я посмотрел на ее лицо — улыбка замерла, руки нервно дергались, она вся была в ожидании моей реакции — моего одобрения. Я капитулировал, спрятавшись за свою маску: «Ох! Это действительно нечто!»

Она снова ожила. «А что я вам говорила, — засмеялась она. — Все говорят обо мне».

Обернувшись к Мэгги и Марион, которые не прекращали барабанить на своих машинках, хотя мы стояли в нескольких дюймах от их столов, Кэтрин сказала: «Как вы думаете, не заберут ли они назад мой почетный диплом Университета Орала Робертса, когда увидят это?» Она похлопала себя по бедру, снова подняла голову и снова засмеялась: «Вы знаете, даже Орал никогда не попадал на страницы "Муви лайф"».

Я не думал, что она попадет под обстрел Университета Орала Робертса. Я как-то не мог себе представить «Муви лайф» украшающим университетскую библиотеку.

В декабре 1974 журнал «Пипл»* поместил обзор на 4 страницы, который включал фотографию Кэтрин, лежащей на кровати в своем красивом доме в Фокс-Чэпеле, и читающей Библию под антикварной люстрой. Заголовок гласил: «Дорогой Иисус, я не хочу дворца на Небе, просто посмотри, какая у меня хорошая кровать». Кэтрин думала, что это весело.

*** *People* дин из многочисленных бульварных журналов в США. — Прим. ред.**

Она была также под впечатлением, когда теологический журнал «Христианство сегодня» поместил ее фотографию на обложку и посвятил ей семь страниц интервью типа вопрос-ответ. Ее реакция была такой же, когда журнал «Американский католик» уделил ей пять страниц и в заключение писал: «Многие католики Римско-католической Церкви в 1970-х годах более открыты той идее, раньше

осмеянной, что Святой Дух действует через женщину-проповедника по имени Кэтрин Кульман и исцеляет людей в наши дни».

Она читала каждый обзор, каждую статью о себе, которые появлялись в воскресных журналах по всей Америке. Казалось, словно она действительно черпала поддержку из них, даже из плохих. Во всяком случае, ее признавали, и ее человеческая, плотская часть, похоже, нуждалась в этой поддержке, чтобы двигаться дальше.

В 1973 году меня пригласили выступить на Большой питтсбургской харизматической конференции, которая проходила в Питтсбургской духовной семинарии. Я только что прилетел в Питтсбургский аэропорт, и в то же время туда прибыла Кэтрин из Луизвилля, штат Кентукки. Увидев меня в аэропорту, она засмеялась: «Что вы здесь делаете?» — «Я приглашен выступить на "Большой питтсбургской..."»

Я ничего не знаю об этом, — прервала она меня, — но позвольте мне показать вам кое-что. Где они, Мэгги? Они вон в той сумке, наверху. Принеси их мне. Вы никогда не поверите, что луизвилльские газеты написали сегодня утром. Можете себе представить? В последний вечер мы провели сильнейшее служение в баптистской церкви «Волнат стрит». И доктор Вейн Дехони, бывший президент «Южной баптистской конвенции»... просили женщину-проповедника... Вы верите?.. и чудеса... сотнями. Ох, милый мой, где же эти газеты? Мы читали их в самолете. Ох, вот и Лёш с автомобилем. Мы не спали три дня. Идем, Мэгги».

И они ушли. Я так и не увидел этих газет. Сомневаюсь, что Кэтрин просматривала их снова. Но в то время чтение их дало ей больше пищи, чем полноценный завтрак.

Та же самая неуверенность преследовала ее, когда ее путали с другими, ведущими служение исцеления, особенно с теми, кто подпадал под категорию «целителей верой». В течение ряда лет, хотя они и не встречались лично, она негодовала на служение Орала Робертса, часто подтрунивая над ним в прессе или во время своих проповедей-импровизаций. Орал никогда не отвечал, и это, несомненно, не доводило ситуацию до точки кипения. Когда его служение обратилось

от исцеления к образованию и он открыл свой дорогой университет в Талсе, Кэтрин заметила: «Он всегда умел делать деньги».

Эта односторонняя вражда продолжалась. В 1970 году Кэтрин получила приглашение провести субботнее послеобеденное служение в Вашингтоне, округ Колумбия, на региональном съезде «Общины полноевангельских бизнесменов». Богослужение должно было происходить в зале «Вашингтон хилтон». В субботу вечером, сразу после окончания проповеди Кэтрин, Всемирная акция певцов из Университета Орала Робертса должна была давать концерт, сопровождая проповедь самого Орала.

В тот вечер, кончив проповедовать и переодевшись, Кэтрин проскользнула в затемненную аудиторию, чтобы послушать Орала. Она уже несколько раз делала так в прошлом, появляясь инкогнито на его палаточных собраниях. Но теперь он изменился, и Кэтрин хотела посмотреть, на кого он стал похож. Виола Малачук, жена Дэна, заняла для нее место в конце зала. Расположившись на стуле, Кэтрин опустила руку на плечо Виолы и удовлетворенно рассмеялась: «А у нас было больше народу сегодня, не правда ли?»

Весной 1971 года, однако, произошло нечто, изменившее его отношение к Кэтрин. Орал слушал теле- и радиопередачи Кэтрин и был засыпан рекомендациями друзей посетить «служение с чудесами». Он прилетел в Лос-Анджелес с этой целью. Инкогнито, так же как и Кэтрин посещала его собрания в прошлом, он прошел на балкон и растворился в большой толпе. Это было переживание, изменившее жизнь того, кто первым представил чудеса широкой аудитории.

Вспоминая тот момент, Орал рассказывал: «Я огляделся вокруг. Это были другие люди, не те, что приходили на мои собрания. Можно сказать, что эта публика включала в себя так называемый высший слой общества, но также и людей попроще, вроде меня».

Затем внезапно произошла перемена, которая целиком захватила всю Кэтрин. Я мог видеть это с балкона. Она сказала: «Здесь слева есть человек, который ощущает при-

сутствие Божье и получает исцеление. Встаньте и выйдите вперед».

Я повернулся и увидел женщину, стоящую с маленьким ребенком. Ребенок был в браслетах и на костылях. Этот мальчик стоял, и ему помогали переставлять ноги. На полпути к сцене они остановились. Они сняли браслеты и отняли костыли, и маленький мальчик сделал шаг — и еще шаг. Когда он подошел к ступеням, ведущим на сцену, люди кинулись помогать ему.

«Не трогайте его, — сказала Кэтрин. — Давайте посмотрим, что сделал Святой Дух».

«Я был абсолютно сломлен, — продолжал Орал, — когда малыша отпустили и он не пошел, он побежал. В этот момент я осознал, что Кэтрин Кульман — помазанный Богом сосуд, и я был возбужден, потому что я сам сидел там и лично видел вещи, которые Бог не делал через меня. Я видел вещи, которые Бог не делал через других, которых я знал. И я порадовался, что Бог так велик. Он был более велик, чем я мог себе представить. Он был более велик, чем она могла себе представить. Я посмотрел на сцену, увидел там католических священников, протестантских служителей и еврейского раввина. Я никогда не видел, чтобы такие люди собирались вместе. Я понял, что всемогущий Бог сделал что-то совершенно особое, чтобы собрать всех этих людей вместе, да еще и меня привел на балкон.

Я понял, что Бог был в этой женщине и что она была уникальной, потому что Бог использовал ее особым образом. Он всегда использовал не только мой голос, но и мои руки. Но Он не использовал ее руки, чтобы исцелять людей. Ей не нужно было касаться людей так, как Бог давал мне касаться их. Пока я не возлагал руки, редко бывали чудеса. Но с Кэтрин было совсем иное. Я начал понимать, что Бог использует не один и тот же метод, у Него много методов».

После собрания Орал вышел с балкона и встретил друга, Тинка Вилкерсона, состоятельного дилера из Талсы, который был в совете попечителей Университета Орала Робертса.

Тинк был знаком с Кэтрин. Он сказал, что она слышала, что Орал пришел на собрание и хотела бы встретиться с ним.

«О, нет, — возразил Орал, подняв руки вверх, — я знаю, на что это похоже, когда заканчиваешь подобное собрание. Ты так истощен, что едва можешь стоять. Я имею в виду, что когда помазание уходит, то ты так ослабеваешь, что нужно прилечь, иначе свалишься».

«Это не относится к мисс Кульман, — сказал Тинк. — Она еще крепче, когда завершает собрание, чем когда его начинает, даже если она 5 часов стояла на ногах».

«Но я истощен, просто смотря на нее, — запинаясь сказал Орал, — как может эта слабая, хрупкая женщина быть сильнее, когда все уже позади, чем когда она начинает? Я должен это увидеть».

Направившись по длинному коридору вдоль зала, Тинк и Орал дошли до гримерной Кэтрин. Это была их первая встреча лицом к лицу. Тинк стоял позади, словно опасаясь того, что может произойти.

Орал взял инициативу в свои руки. Прежде чем Кэтрин успела что-либо вымолвить, он сказал: «Бог поднял Вас как Свою подручную. Ваша работа шла мимо меня, так что я не могу в полной мере воздать Ему хвалу».

Кэтрин кивнула. Горечь ушла из нее. Она заглянула глубоко в глаза того человека, которого раньше рассматривала как соперника и сказала: «Орал, я знаю. Я знаю, кто я, и я знаю, кто Вы. Я знаю, что я есть, и я знаю, что есть Вы. Я знаю, что я есть в Царстве, и я знаю, что есть Вы. Я знаю свое место».

Они стояли, смотря друг на друга, затем Орал сочувственно сказал: «Вы, должно быть, устали».

«Вовсе нет, — засмеялась Кэтрин, — я хочу где-то тихо пообедать с друзьями, но я чувствую себя хорошо».

Орал покачал головой: «Отлично, Кэтрин, у Вас есть нечто, чего нет у меня и никогда не было».

Начиная с этого момента их отношения изменились. Осенью следующего года Кэтрин приехала в Талсу, чтобы провести «собрание с чудесами». Орал посетил его и благословлял со сцены. Служение произвело сильное впечатление на город. Более 9 тысяч человек набилось в муниципальный центр, где впервые собрались вместе служители всех деноминаций. Католики и протестанты пришли вместе.

Первым человеком, «сраженным Духом», была католическая монахиня. Далее по ходу собрания пастор Первой методистской церкви, доктор Билл Томас, был также «сражен Духом». Христианское общество Талсы было наэлектризовано еще несколько дней после ее отъезда.

Весной 1973 года Университет Орала Робертса, теперь уже имея все полномочия, дал свою первую почетную степень доктора гуманитарных наук Кэтрин. «Мы сделали это, — сказал Орал, — потому что она представляет самое лучшее служение исцеления во имя Иисуса. Я хочу, чтобы мир вспомнил, почему этот университет был создан и что это несколько больше, чем академическая организация. И тем человеком в мире, который вобрал в себя все, во что мы верим, является Кэтрин Кульман».

Кэтрин, одетая в шапочку и мантию, которые она раньше не имела права носить, получила свою докторскую степень и обратилась к залу. Конечно, у нее текли слезы. Она подняла свой диплом высоко и сказала: «Никто здесь не может представить, чего мне это стоило. Только Бог». Затем она повернулась к Оралу и, улыбаясь, закончила: «Орал, Вы знаете, мы — одно. Мы — одно».

После церемонии Кэтрин подозвала Орала: «Ричард и Хэтти хотят довести меня до аэропорта».

Ричард и Хэтти Роберте были сыном и невесткой Орала и участвовали в его телевизионном шоу. Оба были артистами и в течение ряда лет пели со Всемирной акцией певцов. Однако, возможно, из-за славы, возможно, из-за того, что отец Ричарда был знаменит, их отношения становились натянутыми. _

Орал взял руку Кэтрин: «о нашей семье никогда не было разводов. Моя жизнь выдерживала многое. Но Эвелин и я — мы бессильны в этом. Это было трудно для Пэтти... войти в семью, подобную нашей... Но есть еще проблемы...» Его голос упал, и они оба пошли к парковочной площадке молча.

Никто точно не знает, что произошло в автомобиле в тот день. Но когда Ричард и Пэтти вернулись домой из аэропорта, их брак был уже иным. Спасенным.

Кэтрин вернулась в Университет осенью 1975 года. Это было одно из последних служений перед ее смертью. Собрание проходило в новом зале на 4000 посадочных мест. Она говорила студентам о самой себе и о Святом Духе. «Мир назвал меня глупой за то, что я отдала всю мою жизнь Тому, Кого я никогда не видела, — сказала она печально. — Я знаю точно, о чем я буду говорить, когда я буду стоять в Его присутствии. Когда я посмотрю на чудесное лицо Иисуса, я смогу сказать только одно: «Я пыталась». Я делала все, что только могла. Мое искупление станет совершенным, когда я встану перед Ним и увижу Того, Кто сделал все это возможным».

Когда она призвала к покаянию, все ответили на призыв. Плача. Падая на колени вокруг сцены и в проходах. Один из известных баскетболистов, которого никто не мог обратить в веру, упал на колени у сцены и стал молиться. А еще через три минуты он начал восхвалять Бога на новом молитвенном языке.

Позднее Орал вспоминал: «В тот день я понял, что она имела в виду, когда говорила: «Это не Кэтрин Кульман, это — Святой Дух!» Святой Дух — это Живой Христос, вернувшийся в этой невидимой, неограниченной форме. Святой Дух был более реален для нее, чем любой человек. Они были в таком общении — она и Святой Дух, — что когда они говорили, ты не мог сказать, где начинает говорить Святой Дух и кончает Кэтрин. Они были одно».

Это был странный альянс между двумя служителями, каждый из которых был велик в своей области. В этом альянсе они дополняли, даже благословляли один другого. Оба учились друг у друга, и взаимное влияние продолжалось до конца жизни Кэтрин.

Несмотря на то, что критики Кэтрин пытались объяснить этот союз ее неуверенностью в себе, это было не так. Большая часть из того, что она делала, рождалось из позитивных устремлений, а не из восполнения комплексов. Я лично никогда не знал человека с более высокими мотивами — она доводила себя до полного истощения ради Господа.

«Вы знаете, — однажды сказала она мне, — если бы некоторые из людей, делающих небрежно работу для Господа, так же работали на работодателя, их бы уволили еще до конца рабочего дня».

Хотя у Кэтрин была особая любовь к служащим, она жестко относилась к тем из них, кто удовлетворялся второсортной работой. Она требовала совершенства от себя и своих работников и ожидала того же от всех остальных, кто представлял Господа. Она часто судила по внешнему виду. «Я не хочу, чтобы этот человек был организатором, — могла она сказать о том, кто был занят на служении в зале. — Если у него нет самодисциплины, чтобы начистить свои ботинки, то я не хочу, чтобы он касался служения Божьего».

Когда Кэтрин впервые приехала в Питтсбург, у нее возникла необходимость напечатать некие тексты. Она обратилась к местному работнику. Но когда материал вернулся в ее офис, она пришла в ярость. «Огрехи этой работы непростительны», — сказала она. Она вызвала работника в офис и велела забрать работу. Она не могла принять ее.

Когда человек, наконец, пришел, Кэтрин встретила его у дверей и устроила ему выговор. Он стоял и робко слушал, как она указывает на ошибки. В конце он стал извиняться: «Хорошо, мисс Кульман. Я полагал, что поскольку вы — религиозная организация, то люди не заметят несколько ошибок».

Кэтрин взорвалась: «Сэр, вы ведь не стали бы делать небрежную работу для мистера Харриса из фирмы «Айс капейдс». Вы знаете, он стал бы требовать совершенства, и вы сделали бы для него хорошую работу. Но я представляю нечто большее, чем эта фирма. Вы можете и не считать так, но то, что выходит из этого офиса, представляет величайшую корпорацию в мире, и за столом директоров в ней сидят Отец, Сын и Святой Дух. Мне поручено сделать их работу, и я хочу совершенства для них».

Естественно, у нее были свои страхи. Они есть у всех нас. Она была так наполнена ими, что даже случайный наблюдатель мог заметить прорехи в ее защитных латах. Но не они направляли ее, ибо в глубине сердца она была самой

уверенной женщиной, которую я только встречал. Об этом свидетельствовал ее непререкаемый авторитет в духовных вопросах. Это не было маской. Это было подлинным. И когда ее кто-то серьезно ранил, друзья или враги, даже переживая сильное поражение, она находила Иисуса.

Нет, движущей силой в ее жизни была любовь. Подобно апостолу Павлу, который сказал: «Любовь Христа понуждает меня», она была ведома любовью — ее любовью ко Христу и ее любовью к людям.

Живо в моей памяти всплывает время, когда я сидел с ней в грязной примерной в Орландо, штат Флорида. Собрание кончилось. Люди разошлись. Но она плакала, почти бессознательно всхлипывая. Я хотел обнять ее, как отец утешает свою разбитую жизнью дочь. Но я не смел коснуться ее. Помазание Божье было еще на ней, и я знал, что ей надо дать побыть в печали. Было только одно плечо, на которое она могла бы положить голову, только одно сердце, из которого пришло бы успокоение, — сердце ее Небесного Отца. Я уже знал из рассказов Мэгги и других, близких ей людей, что она постоянно плакала в темноте, покидая «собрание с чудесами». Так много было тех, кто был в боли, так много потерянных в самообвинении и проклятии душ, а она была всего лишь женщиной. Одна хрупкая, обыкновенная женщина — с сердцем большим, как у Самого Бога. Неудивительно, что она умерла от расширения сердца, стучавшего и расширяющегося в попытках объять весь мир Христов.

Я видел ее в десятках случаев, берущей ребенка, который был хромым, может быть, парализованным с рождения, и поднимающей этого ребенка к груди с любовью матери. Я убежден, что в любой момент, если бы это потребовалось, она была готова отдать свою жизнь за исцеление ребенка. Она обнимала алкоголиков с туманным взглядом и плакала с ними. Проститутки, приходившие на ее собрания, размазывали вместе со слезами свой макияж; они знали, что если только коснутся ее, то коснутся любви Божьей. И те маленькие старушки, прихрамывающие с палками или на костылях, некоторые из них даже не говорили по-английски,

были привлечены универсальным языком любви. Ни один человек не мог так любить. Нужна была женщина, лишенная любви мужчины, без детей, чтобы любить так, как любила она. И она давала из своей опустошенности. Наполненная единственным любимым, которого ей было позволено иметь — Святым Духом.

Глава 16

Предательство!

Похоже, что Кэтрин наконец чего-то «достигла». Ее стол был завален письмами от ведущих телепрограммы с просьбами поучаствовать в их шоу — Майка Дугласа, Дины Шор, Мерва Гриффина. Некоторые из них, например Джони Карсон из «Вечернего шоу», пытались «подманить» ее. «Большинство докторов говорит, что до 85 процентов всех болезней носят психосоматический характер, — подзуживал ее Карсон. — Как Вы можете представить, что эти люди получили исцеление, если они не были по-настоящему больны?»

Кэтрин отвечала в том же стиле — в конце концов, он был на ее поле с подобными вопросами: «Если доктора не в состоянии помочь психосоматическим больным, и они приходят на эти великие служения с чудесами, и Бог касается их, и они уходят без костылей, и остаются здоровыми, то какая разница, психосоматика это или нет?»

Карсон слабо улыбнулся, прочистил горло и сказал, что пришло время для рекламы.

Но вместе с растущей популярностью Кэтрин пришел и мрак опасности. Она была влюблена в мистику Голливуда. Ральф Вилкерсон представил ей Дино Картсонакиса. Это был настоящий самородок. Красивый молодой пианист с внешностью греческого бога пришел в «Мелодиленд» Вилкерсона в качестве музыкального директора. Ральф понял, что несмотря на выдающиеся музыкальные способ-

ности молодого грека, он не был дирижером хора. Он был музыкантом. То, что было нужно Кэтрин.

Кэтрин сходу взяла его на работу. Она использовала многих пианистов на телевизионных шоу, но Дино превосходил ее мечты. С темными волосами, горящими глазами, он сидел за пианино, словно за арфой. И хотя ему не было тридцати, когда она наняла его, он уже считался одним из лучших клавишных музыкантов во всей стране. И скоро он уже выходил у нее на сцену: «А теперь — Диинноооо». Прожектор выхватывал его, когда он появлялся из-за кулис одетый в темно-голубой вельветовый пиджак, в рубашке с жабо и сияющими запонками. Когда он кончал играть, она брала его за руку и рассказывала те самые глупые истории о маленькой девочке, которая хотела, чтобы Дино был на ее Рождественской елке, а он стоял и кротко слушал все это. В конце концов, она подобрала ему одежду, лучше, чем он мог бы сделать это сам, и она научила его носить ее. Она послала его в Италию, чтобы он сшил там у портных свои костюмы, она селила его в лучшие отели и финансировала записи его музыки.

Она находила приятным быть в компании красивого молодого человека, который сопровождал ее на обеде, сидел рядом во время долгих перелетов, давал чаевые портье и ловил такси. Ее работники в питтсбургском офисе называли его «жиголо» — наемный сопроводитель Кэтрин.

Стив Зеленко, помощник Кэтрин в питтсбургском офисе, увидел опасность и попытался предостеречь ее: «Смотрите, мисс Кульман, это выглядит просто нехорошо. Ну ладно, этот парень забавен. Он легкомысленный. К нему можно привязаться, когда стареешь. Но будьте осторожны».

Кэтрин была уверена в себе: «Я знаю, что делаю. Я знаю, со стороны кажется, словно он использует меня и мою протекцию. Но я знаю, что делаю. Не беспокойтесь об этом».

Но Стив беспокоился, так же, как и многие другие друзья Кэтрин. Дела пошли хуже, когда Дино убедил Кэтрин, что ей следует нанять его родственника Пола Бартоломью для распространения телевизионных программ и в качестве ее личного администратора. Он стал самым высокооплачи-

ваемым сотрудником Кэтрин. В свое лучшее время он зарабатывал свыше 130 тысяч долларов в год, плюс 15 тысяч за то, что является личным администратором. Кроме того, Кэтрин платила всю арендную плату за его офисы в Нью-порт-Бич.

«Смотрите за этим парнем, — предупреждал Стив Зеленко. — Он не нужен вам. Многие ходят за вами, чтобы получить у вас работу. У вас есть варианты, о которых этот парень и не мечтал. Избавьтесь от него, пока не поздно».

Кэтрин вихрем вырвалась из студии звукозаписи и сказала Марион Марш в ближайшем офисном помещении: «Не знаю, зачем я разговаривала с этим человеком. Он зациклился на одной теме».

Но Стив был прав, и если бы Кэтрин могла прислушиваться к нему или к другим вокруг нее, это избавило бы ее от многих переживаний и проблем, может быть, это продлило бы ей жизнь.

Кэтрин стало известно, что Дино ухаживает за Дебби Кинер, которая, по слухам, была эстрадной артисткой. Кэтрин пришла в бешенство. Она знала, что Дино на короткой ноге с Джун Хант, дочерью техасского миллиардера Х. Л. Ханта из Далласа. С этим она смирилась. Но встречи с бывшей артисткой — это совсем иное. Она выразила Дино свое недовольство. Он отрицал, что Дебби в прошлом была артисткой из шоу, но признал, что они встречались. Кэтрин все еще была вне себя. Их отношения после этого ухудшились — хотя были редкие счастливые моменты.

В декабре 1973 года Кэтрин, Мэгги и Дино летели из Питтсбурга в Лос-Анджелес. Мэгги просматривала бульварные газеты: «Нейшнал инквайер», «Нейшнал таттлер» и другие сборники сплетен.

«Посмотрите на это!» — воскликнула она. Она вручила газету Кэтрин. В ней была история о Дебби Кинер. Дино молчал, когда Кэтрин вырвала статью и положила ее в свою папку. Она снова выступила против него: «Смотри, ты должен решить. Если ты хочешь продолжать общение с этой девушкой, то ты покидаешь наше служение. Вот так».

Дино пытался объяснить, что они лишь случайные друзья.

«Оставь ее! — сказала Кэтрин. — Если ты не оставишь ее, ты прекращаешь работать со мной».

Дино обещал больше не встречаться с ней, и казалось, что отношения Кэтрин с Дино наладились. Кэтрин взяла его с собой, когда она и Мэгги поехали отдыхать в Бразилию, в Рио-де-Жанейро, в январе 1975 года. Дино сказал, что ему надо сделать кое-какие покупки, и Кэтрин нехотя дала ему денег. Позднее, когда она узнала, что он покупал вещи, чтобы отдать их Дебби, она была сильно огорчена. Все же она была достаточно мудра, чтобы понять, что он «созрел» для женитьбы. Она надеялась и часто говорила Мэгги, что когда он женится, он не будет бросать тень на служение.

22 февраля 1974 года она подписала контракт с голливудской фирмой Ральмана и Мангера по поводу выступлений на телевидении. Немедленно Пол Бартоломью заявил, что он также должен быть упомянут в контракте. Он уговорил ее подписать еще один контракт, в котором говорилось, что он — исключительный агент в управлении всеми делами на телевидении для «Организации Кэтрин Кульман». Ральман и Мангер подали в суд, но Кэтрин, в конце концов, удалось замять это дело.

Дино наблюдал за всем этим, и в феврале 1975 он уговорил своего родственника Бартоломью подготовить письменный контракт, чтобы Кэтрин его подписала. В контракте он запрашивал, чтобы она платила ему 20 тысяч долларов зарплаты, плюс 500 долларов за каждое личное выступление (включая телевизионные шоу), плюс все расходы. Дино серьезно обдумывал женитьбу на Дебби и хотел защитить свои интересы. Кэтрин была в Лос-Анджелесе на «служении с чудесами» в зале «Святыня» в воскресенье и затем осталась, чтобы записать восемь телевизионных шоу в среду и в четверг.

Во вторник вечером Бартоломью прибыл, чтобы встречаться с Кэтрин. Он пришел в отель «Сентури плаза». Из вестибюля он позвонил в ее номер на 18-м этаже и спросил, может ли он подняться к ней. Кэтрин была подозрительна.

«Вы знаете, Пол, у нас завтра запись, мы рано начинаем». — «У меня есть письмо к Вам. Вы должны посмотреть его до записи завтра утром».

Кэтрин сжала губы. «Отдайте его швейцару и попросите его принести письмо, — сказала она. — Я позабочусь о нем».

Через несколько минут после прочтения письма Дино она уже звонила Мэгги в Питтсбург. Офис был уже закрыт, но она нашла ее дома. «У нас проблемы», — сказала она.

«В чем дело?» — спросила Мэгги.

«Дино выдвинул несколько вызывающих запросов и хочет, чтобы я подписала контракт до завтрашнего утра. Мне нужен пианист — срочно».

«Как насчет Пола Феррина?» — посоветовала Мэгги. Пол Феррин женился на Байни Андерсон, одной из девушек из «Трио Андерсон» в Денвере. Он был хороший музыкант и играл в церкви для моряков в Сан-Хосе, в Калифорнии.

«Попробуй узнать, можем ли мы заполучить его, — сказала Кэтрин уставшим голосом. — Позвони мне потом».

Мэгги объяснила ситуацию Полу, и он согласился вылететь в среду рано утром, чтобы быть на студии Си-би-эс на тот случай, если он понадобится.

Все было готово для конфронтации на следующее утро. Дино прибыл рано, но увидел в студии Пола Феррина, разговаривающего с Диком Россом. Не теряя времени, он направился в примерную Кэтрин.

— Ну что? — спросил он, стоя в дверях.

— Что, ну что? — ответила Кэтрин, не вставая со стула.

— Вы подписали?

— Нет, и не собираюсь подписывать. Вы знаете, что так давить на меня нельзя. У вас все было хорошо. Слишком хорошо.

— Что там делает этот парень, Феррин? — спросил Дино.

Кэтрин улыбалась.

— Вы ведь не думали, что я найду замену, не так ли? Я в этом деле состою гораздо дольше, чем вы. Теперь вас нет. Исчезли. Уходите и не приходите больше.

Кэтрин была уже на ногах, ее лицо пылало от гнева. Дино хлопнул дверью. Пальцы у нее дрожали, она закрыла лицо

руками и заплакала. Но она была, как назвал ее один репортер, «тертый калач». Она знала аксиому Голливуда. Шоу должно продолжаться. Она собралась с силами и направилась в комнату для макияжа. Нужно было делать дело.

Это была невероятно тяжелая неделя. В воскресенье 2 февраля она вела «собрание с чудесами» в зале «Святыня». В понедельник она записывала шоу Дины Шор на Си-би-эс. Во вторник она снова была на Си-би-эс, чтобы записать шоу Ларри Сольвея для канадского телевидения. В тот вечер она получила записку Пола Бартоломью и контракт. На следующее утро у нее был разговор с Дино, и она записала 4 программы для Си-би-эс. На следующий день она записала еще 4 программы. В субботу она вылетела в Питтсбург, чтобы проводить служение в Янгстауне в воскресенье. На следующей неделе у нее было еще «служение с чудесами» в Первой пресвитерианской церкви в Питтсбурге, а затем, 16 февраля, она снова была в «Святыне», чтобы провести еще одно «служение с чудесами» в Лос-Анджелесе. Во вторник она полетела в Окленд для «служения с чудесами» в Оклендском «Колизее». В тот же день она сделала телепрограмму «Утро в Сан-Франциско». В четверг она вылетела в Питтсбург, чтобы провести в пятницу утром «служение с чудесами» в «Первой пресвитерианской». В тот же день после обеда ей нужно было записать программу Дэвида Саскинда, а затем снова отправиться в Янгстаун в воскресенье.

Казалось, что ничто уже не может сделать график более плотным. Но это было не так. В течение нескольких месяцев доктор Артур Меткалф, дирижер хора Кэтрин, чувствовал боль в груди. Его врачи в Питтсбурге проверили его состояние и дали ему «зеленый свет», сказав, что будут обследовать его, когда он вернется домой из Калифорнии. Он был с Кэтрин в «Святыне» и в Окленде, а затем, 19 февраля, полетел домой. Утром 20 февраля 1975 года он вышел из дома и поехал на машине в офис. Боль в груди возобновилась, и ему пришлось вернуться домой. Еще до полудня

госпожа Меткалф позвонила в офис и промолвила: «Арт только что умер».

Марион безмолвствовала. Не только из-за горя о своем дорогом друге, но и потому, что она знала, что мисс Кульман уехала в Питтсбург, только что пережив тяжелое время в своей жизни. Выдержит ли она еще один удар? Марион послала Лёша встретить Мэгги и сказать ей о смерти доктора Меткалфа. Мэгги затем могла бы сообщить эту новость Кэтрин.

Никто не знал, как повлияли проблемы с Дино на сердце Артура Меткалфа. И никто не знает, как оба эти события повлияли на Кэтрин.

Вопрос с Дино был далек от своего решения. 15 февраля Кэтрин уволила Пола Бартоломью как своего личного администратора, хотя она не могла уволить его как телевизионного агента. Она опрометчиво подписала контракт, в котором было записано, что она не может уволить его без уведомления об этом за 90 дней — уведомления, которое не может быть выписано ранее 31 декабря. Таким образом, она не могла освободиться от контракта до 31 марта 1976 года — больше года было впереди.

В 1972 году, когда Кэтрин была в Талсе для проведения «собраний с чудесами», именно Тинк Вилкерсон пожертвовал офисные помещения для Моды Филлипс, чтобы помогать в организации собраний. Тогда же Тинк предложил помочь мисс Кульман из своих собственных денег. «Я действительно чувствую, что могу помочь вам, — сказал он. — Вы уже ведете дела успешно, но вам нужен человек, чтобы действовать в качестве управляющего делами, и кто вел бы ваши деловые контракты».

Не было секретом, что Кэтрин обманывали несколько раз. Впрочем, Кэтрин заинтересовалась предложением Тинка. Она поблагодарила его и восприняла это предложение как дружеский жест.

Однако Тинк и его жена продолжали посещать «служения с чудесами». У Кэтрин возникла привязанность к Сью, и она часто звонила ей по субботам утром, просто чтобы поговорить. Сью начала понимать, что Кэтрин была, в

общем, одиноким человеком, и она могла служить ей просто выслушивая ее. Это было теплое общение, хотя и не очень близкое.

В апреле 1975 года Тинк и Сью вылетели в Сент-Луис, чтобы посетить «служение с чудесами» в зале «Кейл» и встретиться с Кэтрин. Тинк дошел до ее отеля после собрания, и они поговорили. Он знал, что Дино уволен, но остались еще проблемы с Полом Бартоломью, и он говорил с ней об этом.

Кэтрин сказала ему, что она была связана контрактом с Бартоломью, и она боялась, что он попытается обмануть ее.

Она сказала ему, что планирует выкупить этот контракт и взять нового агента. Это стоило бы ей больше 120 тысяч долларов, но ей было необходимо, чтобы Бартоломью ушел; она чувствовала это.

«Кэтрин, насколько я могу судить, это наихудший поступок, который вы можете совершить», — сказал Тинк. И хотя у него не было никаких сведений в то время, Тинк подозревал, что Бартоломью возьмет деньги, а затем снова будет обманывать ее.

Кэтрин покачала головой: «Я собираюсь сделать это. Я решилась. Я уже сформировала новую корпорацию под названием «Кульман медиа интернешнел», которая будет заведовать моими служениями в средствах массовой информации».

Тинк тоже покачал головой: «Вы делаете ужасную ошибку. Я не буду спорить об этом, но я говорю, что это неправильно. Сью и я улетаем на Гавайи, но мы остановимся в Лос-Анджелесе и повидаемся с вами на пути домой в Талсу».

В субботу вечером, 3 мая, Тинк и Сью прибыли в Лос-Анджелес с Гавайских островов. Они позвонили ей в отель. Кэтрин только что вернулась с «собрания с чудесами» в Лас-Вегасе.

«Я устала сейчас, — сказала она, — но я буду рада видеть вас завтра. Может, мне стоит прислушаться наконец к вашим советам».

На следующий день Тинк и Кэтрин встретились, чтобы обсудить растущую проблему с Бартоломью. Тинк побуждал

ее нанять адвоката. Кэтрин не решалась нанять питтсбургского адвоката, ибо она боялась, что информация дойдет до жителей ее родного города. Удивительно, ведь у нее был адвокат в совете директоров «Организации Кэтрин Кульман», но она запретила ему заниматься этим делом. Вилкерсон рекомендовал адвоката Орала Робертса — Сола Игера. Похоже, что Кэтрин устала, и она сказала ему, чтобы он делал то, что считает нужным. Вилкерсон позвонил Оралу Робертсу и обсудил вопрос с ним. Игер согласился немного помочь, но он был наполовину в отставке и не мог уделить должное время этому делу. Тогда Вилкерсон позвонил своему адвокату Ирвину Э. Унгерману и попросил его вести дело. Унгерман изучил условия контракта и затем посоветовал Кэтрин уволить Бартоломью.

Пол Бартоломью следил за ходом дела. Во вторую неделю мая он «срочно» позвонил Мире Вайт, одной из секретарш Кэтрин на Западном побережье, прося ее встретиться с ним в вестибюле отеля «Сентури плаза». В записке для мисс Кульман Мира Вайт сообщала о том, что там происходило:

«В ходе встречи господин Бартоломью спрашивал меня оказать помощь в новом голливудском офисе господина Картсонакиса. Он обсуждал свой собственный уход из «Организации Кэтрин Кульман» и говорил мне, что написал книгу о мисс Кульман и носит ее в чемоданчике с собой. Он сказал мне, что носит ее везде, куда бы ни шел, и не выпускает ее из рук. Я выразила озабоченность этим делом и заинтересовалась его мотивами и последствиями для всех участников дела... Мое ощущение, что он хочет, чтобы я стала посредником для выплаты компенсаций и удостоверения, что он не опубликовал книгу. Он продолжал уверять, что не будет публиковать книгу, если только мисс Кульман согласится поговорить с ним. Он утверждал, что у него есть большой человек в прессе, готовый сотрудничать в деле издания книги».

Мисс Вайт сказала, что это сообщение напомнило ей тот случай, когда она случайно услышала телефонный разговор в офисе господина Бартоломью в Ньюпорт-Бич в сентябре 1973 года. Он говорил с кем-то по телефону и сказал: «Когда

я не буду больше работать с мисс Кульман, я готов сотрудничать в написании статьи».

Несколько вещей стали очевидными. Вот уже некоторое время Дино и Пол строили планы, как выудить побольше денег из этого предприятия, и собирали информацию, чтобы опубликовать разоблачительный материал о жизни Кэтрин.

Также стало очевидным, что Бартоломью намеревался попытаться нажать на Кэтрин, прося денег в обмен на отказ от публикации своей книги. Это было неприятное дело.

1 июля 1975 года Пол Бартоломью подал иск в Верховный суд Лос-Анджелеса, в котором утверждалось, что Кэтрин или ее помощники нелегально взяли его личные записи из его офиса в Ньюпорт-Бич, связанные с его бизнесом, и что она разорвала свой контракт с ним. Иск требовал 430 тысяч 500 долларов в качестве компенсации. Поскольку этот офис Бартоломью был снят на деньги «Организации Кэтрин Кульман», то она чувствовала себя вправе войти, взять записи и вывезти мебель. Но Кэтрин была уже знаменита, а потому все газеты в Америке давали освещение этой битвы. Журнал «Пипл» послал репортера взять интервью у Дино и Пола. Рассел Чандлер, редактор отдела религии в «Лос-Анджелес тайме», дал репортаж на первой странице газеты.

Дино и Пол не ограничились в своих заявлениях проблемами, связанными с иском. Чандлер сообщил, что, по словам Дино, он покидает служение ввиду якобы имеющегося несоответствия ее профессионального имиджа и ее личной жизни. «Ее двойная мораль оказывала плохое воздействие на мою совесть», — сказал он.

Почему же, можно спросить, он хотел подписать контракт, чтобы продолжать работать в таких условиях?

Кэтрин пыталась бороться. Она защищала свое решение об увольнении Бартоломью как только могла, хотя сердце говорило ей иное. Снова и снова она думала о том, чтобы следовать за велением своего сердца и выплатить по контракту. Она понимала, что может устроить все так, чтобы он не опубликовал свою книгу. Но теперь все это попало в газеты.

Одна из величайших трагедий Кэтрин состояла в том, что она собрала вокруг себя несколько человек, не понимающих работу Святого Духа. Похоже, они не воспринимали Его как характер Иисуса Христа, как святость Бога, как первичный двигатель Вселенной. Он был просто некой невидимой силой, которая обитала внутри и вокруг Кэтрин. И по этой причине большинство работников Кэтрин не испытывали нужды становиться духовными людьми. Было достаточно, что мисс Кульман была духовной.

В конце сентября судебный процесс наконец-то завершился. Но не без взаимного обмена исками и встречными исками. Кэтрин согласилась выплатить Полу Бартоломью 75 тысяч долларов, плюс 16230 долларов 70 центов в качестве комиссионных. Кроме этой наличности в пользу Бартоломью, оба постановления были одинаковыми: «(Стороны, вовлеченные в дело) соглашаются, таким образом, никогда не делать обидных, скандальных или клеветнических комментариев относительно прошлых отношений с «Организацией Кэтрин Кульман», Кэтрин Кульман или «КМИ», без ограничения всего вышесказанного, и на период десяти лет с этой даты не готовить и не распространять (в одиночку или в составе группы) никаких манускриптов или информационных источников, ссылающихся на биографический или исторический материал или содержащих таковой...»

Договор был подписан Полом и Кристиной Бартоломью и Дино и Дебби Картонакис.

Битва окончилась, но, как это было во Франклине и Акроне, никто не выиграл, а на Царство была брошена тень. Только на сей раз, Кэтрин страдала больше других. Ее ослабленное тело не могло выдержать наказания. Во время слушания дела она попала в госпиталь города Талсы с серьезной болезнью сердца. Врачи предупреждали ее, что она может стать фатальной. Она не захотела слушать. Ей нужно было лететь в Калифорнию. Нужно было записывать телепрограммы, отвечать на письма, вести борьбу. После всего этого осталось лишь одно место, куда она должна была пойти непременно. Как Анна и ее подруга, в остальном она станет жить, словно ничего этого не было.

В том же сентябре Кэтрин нанесла краткий визит в Конкордию, штат Миссури. Она захотела посетить кладбище. Мама умерла весной 1958 года, в возрасте 86 лет. Кэтрин хорошо относилась к маме. Однажды она послала плотника из Питтсбурга, чтобы починить просевшее крыльцо и поправить оконные переплеты в маленьком домике на Апельсиновой улице, куда мама переехала.

Было бабье лето, когда она приехала. Листья на вязах, кизиле и древовидном оксидендруме неподвижно висели в послеобеденном зное, когда она ехала по улице Сен-Луис мимо большого белого двухэтажного дома, где она провела столько счастливых часов своего детства. В конце улицы было кладбище, разделенное на три секции: одна — для «Объединенной церкви Христа», другая — для баптистов и третья — для методистов. Лютеранское кладбище было на другой стороне городка, рядом с большой автострадой.

Кэтрин попросила водителя подъехать к третьей секции и подождать ее. Она вышла из машины и медленно пошла туда, где были надгробные камни. *Эмма, 1872—1958*. Мама, которая порола ее в подвале. Как Кэтрин теперь нуждалась в ней!

Рядом с этим камнем был камень папы. *Иосиф Адольф, 1866—1934*. Она вспомнила, когда в последний раз видела его живым. Он стоял на заднем дворе и одной рукой держался за бельевую веревку.

— Кэтрин, ты помнишь, когда ты была маленькой девочкой, ты стояла позади меня, пока я читал газету. Ты говорила: «Папа, дай мне пятицентовик». А я сидел и посмеивался над тобой, делая вид, что не расслышал. Ты просила снова, и я, наконец, порывшись в кармане, доставал тебе монетку. Ты помнишь?

Кэтрин тогда только начала служение в Денвере. Она улыбнулась и кивнула головой: «Да, папа, я помню».

— Есть нечто, чего ты не знала, милая. Я любил тебя так сильно, что дал бы тебе все, что бы ты ни попросила. Ты сама ограничивала себя, поскольку ты хотела лишь 5 центов.

Кэтрин стояла, смотря вниз на выцветший камень, и ее глаза были полны слез.

— Папа, как я хочу, чтобы ты был сейчас здесь. Я бы положила голову тебе на плечо. Ты так нужен мне.

Она отвернулась от могил и посмотрела вверх. Слова кардиолога звучали у нее в голове: «У Вас может быть еще один приступ, может быть через месяц, а может быть и через три месяца. Но я твердо могу сказать, что у Вас еще будет приступ. Ваш митральный клапан не в порядке».

«Дорогой Иисус, — всхлипывала она, — исцели меня. Я не хочу умирать. Я не хочу умирать».

На кладбище было тихо. Она слышала лишь щебетание и пение птиц. Она повернулась к могилам. Вазочка с поблекшими пластмассовыми цветами лежала рядом с маминной могилой. Она была опрокинута, и Кэтрин нагнулась, чтобы поставить ее. Она видела, что кроты изрыли землю вокруг камня — коричневая горка выдавалась на фоне зеленой травы. Солнце садилось как раз за холмами. Прямо на запад была молочная ферма. Бриз доносил мычание коров, идущих на дойку. Бурундучок промелькнул в траве и исчез позади другого надгробного камня. Все имена были немецкие. Старые, знакомые имена: Хейенброк, Кох, Детерк, Лохёфенер, Вестерхаус, Хервальд, Баргфреде, Франке, Шрёдер... Дальше на север, позади вязов и ив, был шпиль лютеранской церкви.

В центре кладбища стояла огромная ель. Узловатая, она вытянулась более чем на 100 футов по направлению к небу. Одна из нижних ветвей была сломана, и в самом низу ствола образовалась пустота. Она походила на маленький грот, наподобие тех, что можно найти в католической церкви, со статуей и свечкой. Возможно, что ветка была сломана зимой, потому что она не смогла нести вес снега и льда на ней. Ничего не осталось, кроме этой пустоты.

Вытерев слезы, Кэтрин медленно пошла к основанию дерева, смотря на уродливую рану. На ум пришли слова Иисуса, те слова, которые она проповедовала так часто:

«Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... как ветвь не может приносить плода сама по себе,

если не будет на лозе, так и вы, если не будете во Мне» (Иоан.15:2,4).

Она закрыла глаза и стояла молча. Были слышны только легкий звук ветра, гуляющего в елях у дороги, и чириканье маленьких птичек. Как и та большая ветка, Кэтрин была перегружена. Возможно, пришло время ей сломаться, чтобы другие ветви могли нести ношу. Она ужаснулась от мысли, что она оставит уродливую рану после себя. Не было никого, кто бы мог занять ее место. Впрочем, возможно, Бог не планировал продолжать ее служение. Возможно, другая и десятки других подхватят его — как более высокие ветви на старой ели понесут зимой ношу льда и снега. Она не могла осмыслить этого. Она пошла к автомобилю, слишком усталая и слабая, чтобы даже молиться.

Глава 17

Последняя работа

«Если я взойду на сцену и помазания Святого Духа не будет, я уйду и никогда больше не буду проводить «служение с чудесами». Без Него я — ничто», — это Кэтрин говорила тысячи раз в последние годы своей жизни. В начале своего служения она верила в это. Но ближе к концу, я убежден, она просто произносила эти слова. Не было возможности остановиться. Телевизионное служение требовало само по себе 30 тысяч долларов в месяц. Тот факт, что у нее была самая длинная серия из всех, что производились на дорогих студиях Си-би-эс, был частью ее имиджа. Остановиться или урезать служение означало бы начало конца. То же самое касалось и «служений с чудесами». Когда боль в груди стала почти нестерпимой, вместо того чтобы проводить меньше собраний, она проводила их еще больше. Она должна была продолжать.

В мае 1975 года она приехала в Лас-Вегас для проведения «служения с чудесами». Святой Дух действовал с большой силой. Это был один из тех случаев, когда я думал, что вот придет день, и все в зале будут исцелены. Но ее физическое состояние было плохим. После собрания, когда мы были с ней в ее номере-люкс во «Дворце Цезаря», я побуждал ее сократить ее расписание.

«Я не могу, — сказала она, нервно шагая взад и вперед. — Нет возможности. Служение должно продолжаться».

Она была старым членом труппы. Шоу должно было продолжаться, независимо от того, как она себя чувствовала. Ибо «опустить занавес» означало бы смерть еще более быструю и болезненную, чем горение на сцене.

Все же, глубоко в своем сердце она знала, что не была непогрешимой и что она не могла командовать Богу, что делать. Это было одной из причин, почему она ревновала, когда слышала, что другие служители, например Ральф Вилкерсон, проводили собрания, на которых чудеса случались почти так же часто, как и на ее собраниях. И Кэтрин верила всем своим сердцем, что Бог хочет, чтобы каждое церковное собрание было «собранием с чудесами», чтобы через каждого пастора, каждого священника, каждого раввина Святой Дух действовал и приносил людям чудеса.

Она также верила, что приближается день великих «служений с чудесами». Она знала, что не может жить вечно. Она знала, что умирает, и она собиралась уйти пламенеющим факелом, а не едва горячей, с колеблющимся огоньком свечкой. Но когда она умрет, «служение» закончится. И по мере того как факт близкой смерти становился ей ясен (хотя никто, похоже, не сознавал, как близка она была к смерти), мне казалось, она позаботилась о том, чтобы другие, особенно близкие ей люди, не пытались поддерживать жизнь в том, чему Бог позволил умереть.

Все же у нее было мало времени, чтобы осмысливать будущее. Загадывать вперед, даже на 6 месяцев, было выше ее возможностей.

В то же время у нее была ужасная дилемма в вопросах веры. С одной стороны, Святой Дух и «служение с чудесами» были так связаны воедино, что нельзя было проводить служение без Его присутствия. С другой стороны, ее преследовал тот возвращающийся ночной кошмар, что она могла сделать что-то, не понравившееся Ему, и Он ушел от нее.

Снова и снова она молилась на сцене и в тишине своей комнаты, словно штурмуя небесные врата: «Не отбирай Святого Духа от меня». Она проповедовала ту же самую проповедь: «Бог не делится славой с человеком. Он — Бог-

ревнитель, Он требует всю славу Себе». Она проповедовала себе, ибо она знала, как близко она была от «дележа славы».

Осенью 1972 друзья Кэтрин запланировали парадный вечер в питтсбургском отеле «Хилтон», чтобы отпраздновать ее 25-летнее служение в Питтсбурге. Одним из событий на вечере должна была стать презентация Евы Анжелико Фрудакис, известного скульптора, которая изготовила золотую медаль к празднованию юбилея. Кэтрин позировала ей долгими часами и, похоже, была довольна рельефным портретом на золоте медали.

На следующее утро я задержался в ее офисах в «Карльтон-Хаус» перед тем, как вернуться во Флориду. Она щедро подарила мне одну из медалей, размером с серебряный доллар, а затем вручила копию информационного сообщения для национальных газет. Описание медали в этом сообщении было изложено следующим образом: «Мисс Кульман изображена с протянутыми для исцеления руками на передней стороне медали в виде золотого рельефа. На другой стороне медали — рельефное изображение Иисуса, исцеляющего больного».

Я прочел напечатанное сообщение, затем снова взглянул на Кэтрин. В таком напряженном ожидании ответного знака или реакции я видел ее много раз: взгляд, пристально смотрящий на меня, прямо в лицо, словно замороженная улыбка.

Я знал, что на сей раз мне нужно дать ей нечто большее, чем просто согласие, о котором она просила. Я сказал мягко: «Как Вам кажется, не лучше было бы сказать, что Иисус изображен на передней стороне медали, а Кэтрин — на оборотной?»

Она не стала упорствовать: «Вы правы! Вы абсолютно правы!» Повернувшись к Мэгги, которая сидела за своим столом, она сказала: «Мэгги, нам нужно изменить это сообщение».

Но было слишком поздно. Сообщение уже пошло по всей стране. И хотя Кэтрин не обращала на это внимания, я знал, что она была неспокойна, ибо это означало, что нечто

случилось с ней, нечто, чего она не любила, хотя и не знала, как бороться с этим.

Два года спустя Кэтрин приехала в Монрит в штате Северная Каролина, чтобы выступить перед «Собранием христианских издателей». Почти три тысячи человек собрались в большом зале «Андерсон холл», и большинство из них надеялись увидеть чудеса. Когда она прибыла, я проскользнул за кулисы, чтобы сказать ей, что мы все готовы. Она схватила меня крепко за руку и шепотом спросила: «Джеми, что вы здесь делаете?»

Я улыбнулся: «Я здесь, чтобы поддержать вас».

Она покачала головой. Ее лицо выглядело уставшим. «Мы не будем проводить «собрания с чудесами», — серьезно сказала она. — Я буду только проповедовать. Это все. Я буду только проповедовать».

Несколько секунд спустя она была уже на сцене, привычно жестикулируя. Она махала руками и говорила о Святом Духе. Пока она таким образом вышагивала по сцене, люди начали беспокоиться. Кэтрин имела в распоряжении едва больше часа, а она привыкла использовать 4 или 5 часов для «служения с чудесами». В конце служения она отчаянно пыталась спасти собрание, но было слишком поздно.

Бывшая певичка из ночного клуба, которая была спасена и исцелена на служении мисс Кульман, вышла на сцену. К концу собрания она подошла к одному из стоявших на сцене микрофонов, чтобы усилить звучание голоса, и начала петь «Аллилуйя». Кэтрин была недовольна. Чтобы положить этому конец, она дотронулась до женщины, молясь за нее. Та упала, сраженная силой.

Затем Кэтрин обернулась, схватила меня за руку и подтолкнула к микрофону. Если уж кто-то должен был вести пение, то она хотела, чтобы это был знакомый человек, а не посторонний. Люди пели, но апатично. Кэтрин ходила взад и вперед по сцене, произнося свои любимые фразы. Они, похоже, были пусты. Певица поднялась на ноги, и Кэтрин коснулась ее снова. На этот раз ничего не произошло. В отчаянии я услышал, как она сказала: «Дух сейчас на Вас, Джеми». Она махнула рукой в мою сторону, указывая

пальцем на мое лицо, когда я пел. В прошлом были случаи, когда, даже если она просто приближалась ко мне, я падал под действием силы. Но в тот день это была просто Кэтрин и рука, указывающая на мое лицо. Я любил ее слишком сильно, чтобы разочаровать. Со смиренным вздохом я упал назад на руки человека позади меня. Пока он помогал мне встать на ноги, Кэтрин снова начала говорить: «Я воздаю Тебе славу. Я воздаю Тебе хвалу» и пыталась коснуться меня, чтобы я упал. Но на сей раз это уже не получилось. Я просто отступил назад, когда она коснулась меня. Она повернулась и пошла к другой части сцены. Затем она исчезла за дверь. По пути в аэропорт она сказала Дэну и Виоле Малачук, которые везли ее: «Я хотела бы еще провести «служение с чудесами», но мне надо сесть в этот самолет, чтобы вернуться в Питтсбург».

Сила была слабее, чем в прошлые годы. Были другие случаи. Руфь Фишер рассказывала о том, как она была с ней в Тампе, когда случилось похожее. Там, кажется, она соединила вместе все проповеди, накопленные за прошлые годы, и представила их «в одном пакете». Получилось путано и слабо. Люди были обеспокоены, они бродили вокруг в ожидании начала «служения с чудесами». Бог наблюдает за Своим словом, и чудеса были, но все происходило так, словно они были несмотря на Кэтрин, а не благодаря ей.

Нечто странное, судя по всему, происходило в ее служении. Внешне это был пик ее славы. Аудитория была самой широкой за всю ее карьеру. Телевидение сделало ее имя привычным домашним словом. Ее книги читались по всему свету. А внутри все разваливалось и рушилось. Дино и Бартоломью ушли, облив ее грязью. Несколько ее давних работников дошли до аморального поведения, и, очевидно, она была действительно смущена и не знала, что делать. Отношения между Мэгги и Кэтрин стали натянутыми. Тинк и Сью были теперь с ней все время. И в довершение ко всему, тело ее было больным.

Двадцать лет назад она улизнула из Питтсбурга и отправилась к доктору в Вашингтон на обследование. Он предупредил ее, что у нее увеличенное сердце. Ей нужен был

покой. Вместо этого она продолжала следовать своей философии относительно всех плохих вещей — она жила так, словно этого никогда не случалось. Но проблемы с сердцем при этом оставались. По мере того как она старела и стресс возрастал, состояние сердца ухудшалось.

Стив Зеленко рассказал мне, что однажды Кэтрин, после спора с одной из своих секретарш, вошла в радиостудию в своем офисе в «Карльтон-Хаус». Ее лицо было пепельного цвета.

«Идите сюда», — сказала она Стиву.

Взяв его правую руку, она прижала ее к левой части груди.

«Я мог чувствовать, как билось ее сердце между ребрами, пытаюсь подгонять само себя, — рассказывал Стив. — Когда я убрал свою руку, то я почти что видел ее сердце, пульсирующее между ребер, под платьем. Казалось, оно было открыто».

Бывало, что Кэтрин останавливалась во время диктовки писем, без предупреждения вставала со стула и ложилась на пол.

«Однажды она сделала так в радиостудии, — продолжал Стив, — и напугала меня почти до смерти. Она готовилась к записи. Я был в операторской будке и посмотрел вверх. Она исчезла из-за стола. Я вошел в студию и увидел, что она лежит на деревянном полу.

«Продолжайте работу, — сказала она, — я просто отдохну несколько секунд».

Я вернулся в свою операторскую будку, но я испугался, думал, что она умирает. В конце концов я вернулся в студию и предложил ей полежать на диване. Она покачала головой, и на ее лице появилось странное выражение. — «Нет, я останусь здесь на минутку. Со мной все будет в полном порядке». Я понял, когда вернулся в будку, что она не может подняться. Потому что она осталась лежать на полу.

Затем, примерно 10 минут спустя, она вернулась за стол, готовая начать запись. Это было так, словно этого и не происходило. Но это было».

Были и другие приступы, более серьезные. Летом 1974 года Мэгги позвонили из Калифорнии: «Мисс Кульман очень

больна. Мы сажаем ее в самолет. Она нуждается в немедленном медицинском обследовании».

Это было в субботу после обеда. Мэгги встретила ее в Питтсбургском аэропорту. Авиакомпания всегда проявляла особую заботу о Кэтрин. Представитель по делам пассажиров в Питтсбурге был глубоко растроган на одном из ее собраний, и большая часть персонала знала ее. Она сошла с самолета бледная как смерть, но улыбающаяся. Она кивала головой и говорила с людьми в аэропорту. Мэгги довела ее до автомобиля и принесла багаж. Когда она села в машину рядом с ней, Кэтрин сказала: «Вези меня к врачу. Я умираю». — «Хорошо, ты поедешь в больницу?» — «Нет! Никаких больниц».

Кэтрин задыхалась, держась за грудь. Мэгги привезла ее прямо к офису доктора, который согласился быть наготове в случае, если Кэтрин откажется ехать в больницу. Он сделал рентген и сказал, что в легких чисто, но сердце сильно увеличено. Он прописал ей настойку наперстянки. После одного дня отдыха она вернулась к своим обычным делам.

Хотя ее организм быстро сдавал, казалось, она только увеличивало активность. Помимо своих обычных служений, она запланировала октябрьскую серию собраний на юге: Мобил, Тампа и Уэст-Палм-Бич. Она запланировала выступить в «Мелодиленд» в Калифорнии, а затем вернуться в Израиль на Вторую всемирную конференцию по Святому Духу в ноябре. Это выглядело почти как самоубийство.

Затем она без предупреждения решила ввязаться в величайшую полемику, чтобы дать новый толчок харизматическому движению, которое началось в начале 1950-х годов. Это поставило в тупик даже самых близких ей людей. Более года христианские лидеры по всей Америке обсуждали «за» и «против» так называемого «движения послушания». Это учение выдвигалось вначале проповедниками из «Служения христианского роста» из Форт-Лодердейла в штате Флорида, хотя оно поддерживалось не только ими. Учение призывало всех христиан — даже тех, кто занимал ведущие позиции, — подчинить свою жизнь и служение другим христианским лидерам. Был призыв ко всем христианам — соединиться в

«посвященных группах» (церквях) и подчиниться «пастырям» (пасторам).

Никто не требовал большей верности или подчинения от своих последователей, чем Кэтрин.

Впрочем, учение служителей из Форт-Лодердейла шло дальше. Оно настаивало, что даже лидеры в Царстве должны быть в подчинении один у другого. Это для Кэтрин было невыносимо.

5 сентября 1975 года она получила толстый пакет материалов от одного из сотрудников «Общины полноевангельских бизнесменов». Видимо, «Община» боролась за подчинение и послушание по той же причине, по которой Кэтрин противостояла этому учению. Многие люди, будучи раньше лояльными к «Общине», входили теперь в состав домашних групп и ячеек под руководством пасторов-мирян (пастырей). Некоторые из этих людей больше не вносили деньги в «Общину», а платили десятину своим пастырям. Сцена была готова к битве.

В этом пакете была вся нужная Кэтрин информация. Он включал несколько личных писем, написанных различными независимыми служителями и мирянами, которые нападали на лодердейлское учение, и в частности, — на Боба Мамфорда, лидера «Служения христианского роста».

Хотя Кэтрин была пионером в движении открытия Святого Духа заново, она, казалось, не осознавала, что Дух также движется во многих других частях Царства. Фактически, в течение последних пятнадцати лет своей жизни Кэтрин посетила лишь несколько собраний, проводимых другими служителями. Она не была под влиянием учений других людей. Она была слишком занята своим собственным служением. Она говорила мне: «Святой Дух — это единственный учитель, который мне нужен». Это было уязвимое место в ее доспехах, и через эту щель в нее попало копьё, призывающее к ответным действиям.

В середине сентября, будучи уверенной, что и другие на ее стороне, Кэтрин начала битву против тех, кто учил подчинению и послушанию. Предполагалось, что Мамфорд будет одним из учителей на Второй всемирной конференции по

Святому Духу в Израиле в конце октября. Конференция спонсировалась «Логосом», и Кэтрин видела, что сможет оказать существенное влияние на нее. Она позвонила своему старому другу, Дэну Малачуку, президенту «Логоса», и сказала: «Если Боб Мамфорд поедет в Израиль, то я не поеду».

Это было сюрпризом для Дэна. «Этот человек — еретик, — сказала Кэтрин. — Я не хочу появляться на одной конференции с ним. Выбирайте — либо Мамфорд, либо я».

Более пяти тысяч человек со всего света уже зарегистрировались для посещения конференции. Многие из них приезжали не только послушать учителей (одним из которых был Мамфорд), но и посетить «служение с чудесами», которое Кэтрин собиралась проводить в Тель-Авиве. Заявление Кэтрин поставило Малачука в трудную ситуацию. И хотя у него самого были серьезные оговорки относительно многих концепций учения послушания, он все же верил, что Мамфорд был человеком Божьим. Кроме того, «Логос» делал все возможное, чтобы проповедовать единство Тела Христова, и Дэн чувствовал, что присутствие Мамфорда поможет исцелить раны.

Малачук был человеком волевым, и его первой реакцией было воспротивиться угрозам и запугиваниям Кэтрин. Он знал ее в течение многих лет как добрую приятельницу, но он не знал, что она может действовать так резко.

Он собрал Совет директоров и сказал: «Что-то не так. Это так не похоже на поведение Кэтрин. Я знаю, что она очень больна. Я опасюсь за ее жизнь».

Совет директоров международной ассоциации «Логос», который включал в себя самые известные имена в харизматическом движении — Давид дю Плесси, преподобный Деннис Беннетт, генерал Ральф Хейнс и другие, — со всей серьезностью рассмотрел дело. Дэн уже позвонил Бобу Мамфорду и рассказал ему, что произошло, пытаясь выяснить его позицию. Боб немедленно предложил снять свою кандидатуру, если захочет Совет. Это была исключительная ситуация, и она привела людей к сильной молитве. Многие вещи не стыковались с возможными вариантами

выбора, но ни один из аргументов не указывал ясно на волю Божью. Тем не менее, им нужно было выбирать, и в конце концов они решили принять предложение Боба и подчиниться требованию Кэтрин.

В следующее воскресенье Кэтрин появилась в зале «Стэмбог» в Янгстауне, что случалось теперь не так уж часто. Она собиралась нанести, как она полагала, смертельный удар движению «послушания».

«Робкие могут покинуть зал прямо сейчас», — начала она. Больше часа она проповедовала, стуча по кафедре, защищая «служение» от лжеучителей.

«Есть новая доктрина, называемая «движение послушания и подчинения», — сказала она. — Возможно, вы о ней не слышали прежде. Но она настолько хитра и приносит так много зла, что если кто-то не противостанет сатане и не остановит это движение, то оно полностью разрушит великое харизматическое движение».

Кэтрин также напала на учение о работе в группах, утверждая, что это — зло: «Они не только призывают вас отдавать деньги пастырю, но и позволяют вовлекать в работу по группам и открывать ваши самые сокровенные мысли. Вот что я вам скажу: я не собираюсь кому-либо говорить о моих сокровенных мыслях».

Зал смеялся и аплодировал, когда она сообщила, что потребовала, чтобы Мамфорд не присутствовал на сцене Всемирной конференции по Святому Духу.

Это полностью выходило из рамок характера Кэтрин. Ни один человек в истории не был использован таким демонстративным образом, чтобы соединять вместе уклонившихся от общения членов Тела Христова. Ее вера обычно была спокойной, но на сей раз она, похоже, умышленно раскачивала лодку. Это походило на некую силу, которая побуждала защищать «свое служение».

Когда Дино и Бартоломью обнажили на публике свои сабли против нее, она успокоилась тем, что Бог позаботился и о ней, и о них. Она знала о строгом предупреждении Писания «не поднимать руку на помазанников Божьих». И даже когда у нее была тяжба с Далласом Биллингтоном из Акрона в

штате Огайо, она не позволяла ей перейти в личную битву и никогда не называла его еретиком. А в конце приложила все силы, чтобы «починить заборы». Но теперь, в гневе и разочаровании, подогреваемая своей неуверенностью и побуждаемая людьми, которые дали ей лишь частичную информацию, она бросилась в бой против тех, кого многие считали также помазанниками Божьими — в той же степени, как и ее.

В октябре Кэтрин проехала по югу. Тинк и Сью Вилкерсоны сопровождали ее. Тинк, похоже, был польщен постоянным вниманием со стороны Кэтрин. Он убедил Кэтрин, что ей нужен личный реактивный самолет. В конце концов, Орал Роберте имел свой собственный. Кэтрин согласилась с предложением Тинка. Он должен был купить самолет «Лир Джет» за 750 тысяч и держать его в своей компании по прокату автомобилей в Талсе. Кэтрин затем должна была арендовать самолет для своих нужд за 12 тысяч в месяц. Хотя Тинк убедил Кэтрин, что самолет сэкономит деньги, реальные расчеты показали, что «Организация Кэтрин Кульман» тратила меньше половины этой суммы на обычные авиабилеты для всего персонала, а «Лир Джет» вмещал только шесть человек, двое из которых были Вилкерсоны. Уолтер Адамак резко протестовал против покупки, но Кэтрин настаивала, что она и «Организация» — это «одно», и если Тинк считал, что ей нужен был самолет, то она должна его получить. Кэтрин воспользовалась им лишь дважды, и оба раза она была слишком больна, чтобы понимать, что происходит. В конце концов Вилкерсон остался не только с самолетом, но и с двумя пилотами, которых он нанял.

Тинк также купил Кэтрин автомобиль и доставил его из Талсы в Лос-Анджелес. Это был желтый двух-дверный «мерседес-бенс», но это было все равно, что заставить ее сменить свое кафедральное платье на бикини, ибо ее стилем были «кадиллак» и «континенталь». Она ездила на нем лишь однажды, да и то с неохотой.

Несмотря на очевидную неспособность Вилкерсонов понять стиль жизни Кэтрин и ее общение со Святым Духом, ее все еще тянуло к ним, и это отталкивало от нее персонал офиса

в Питтсбурге. Хотя бывали дни, когда она заглядывала в офис, дела шли не так как раньше. Мэгги навещала ее не очень часто в доме в Фокс-Чэпеле, куда они раньше вместе уходили отдохнуть, посидеть, поговорить и провести ночь. Теперь же Кэтрин ограничивала свое тесное общение семьей Вилкерсонов.

К сожалению, они знали Кэтрин недостаточно долго и не могли почувствовать тонкие изменения, которые происходили в ее жизни. Они заботились о ее здоровье, желая защитить ее от недружелюбной прессы, как и от тех, кто хотел использовать ее. С 6 мая 1975 года до 20 февраля 1976 года, когда Кэтрин умерла, Тинк провел только 31 день в своем доме в Талсе. Остальное время он находился в поездках с Кэтрин. Каковы были его настоящие мотивы, никто не знает. Был ли он польщен ее зависимостью от него или это было подлинное служение Господу, знают только Бог и Тинк Вилкерсон. Но ясно то, что даже когда она была очень больна, Кэтрин пыталась держать дела под контролем: звонила сотрудникам и с невероятным чувством времени строила планы, вплоть до самой смерти. Она выглядела как одержимая, отчаянно пытавшаяся соединить распустившиеся концы и в то же время «следовать за облаком», которое по какой-то причине, известной только Богу, вдруг снова начало двигаться, оставив ее позади.

Первого ноября она была в Тель-Авиве на Всемирной конференции по Святому Духу. Давление на нее было невероятно сильным.

Кэтрин хотела проповедовать о пророчествах, но местные христианские лидеры в Иерусалиме и Тель-Авиве подошли к Дэну Малачуку и Ральфу Вилкерсону, побуждая их пойти к Кэтрин и уговорить ее избрать другую тему. Политическая ситуация в Израиле была слишком напряженной, чтобы известный христианский лидер мог приехать и занять сторону еврейского народа. Кэтрин неохотно согласилась с увещаниями близких ей людей.

Вечером, за день до своей проповеди, она встретила с большой делегацией из Финляндии в отеле в Тель-Авиве. Во время служения женщина, приехавшая из Хельсинки, у

которой был рак в последней стадии, умерла. Испытывая душевную муку, Кэтрин вернулась в свой номер в отеле. Насколько она знала, это был первый случай, когда происходило что-то подобное. То, что произошло, поколебало ее.

Спортивный стадион в Тель-Авиве был словно сумасшедший дом на следующий день. Техники готовились к синхронному переводу служения с помощью наушников для тысяч людей, которые придут на стадион, но которые не говорят по-английски. У них было достаточно наушников, чтобы обслужить восемь основных языковых групп, за исключением израильтян, говорящих на иврите, а ведь примерно 2000 местных жителей придут вечером. Конечно, это было здорово, гораздо больше, чем ожидалось, — все благодаря исключительному освещению новостей в израильской прессе. Разумеется, руководители конференции были рады, что так много местных жителей — большинство которых, видимо, были неверующими — будут открыты для проповеди Евангелия. Но это поставило Дэна Малачука в неловкое положение. Ему предстояло идти к уставшей и огорченной Кэтрин и сказать, что ей придется работать бок о бок с переводчиком на иврит. Он знал, что это ей не понравится, что переводчик будет отвлекать ее и что это было бы тяжело для нее даже при более благоприятных обстоятельствах.

Но обстоятельства не были благоприятными. Многие пришедшие на стадион в тот вечер чувствовали странное угнетение.

Пока молодая группа «Живой звук» пела на сцене, Кэтрин вышагивала по переходам. Вверх и вниз по темному туннелю под сценой. Молясь. Плача. Умоляя: «Дорогой Бог, позволь мне жить, пожалуйста! Дай мне жить! Я молю Тебя, я хочу жить». Это была та самая молитва, которой она молилась много раз в течение последних двух лет. В затемненном туннеле эхо отвечало на ее молитву и плач.

Дэн Малачук, извинившись, что вынужден прервать ее общение с Богом, объяснил ситуацию. Чтобы быть понятой евреями, ей предстоит обращаться к ним через переводчика. Кэтрин упрямылась. Дэн настаивал. Они имели обязатель-

ства перед израильтянами. В конце концов, это был их народ и они пришли, чтобы услышать ее.

«У вас хороший переводчик?» — спросила Кэтрин.

Дэн кивнул и дал знак пожилому человеку подойти к ним. Это был доктор Роберт Линдси, крещенный Святым Духом миссионер Южной баптистской церкви, который прожил среди евреев почти 30 лет. Он был, пожалуй, одним из лучших знатоков иврита во всем мире и заслужил уважение еврейской общественности.

Кэтрин отрицательно покачала головой: доктор Линдси носил ботинки для хождения по пустыне. Она не могла измениться. Она не могла вести служение рядом с человеком в таких ботинках, хотя половина израильтян на стадионе носили такие же ботинки.

«Я скажу вам, что мы сделаем, — решила она. — Пусть доктор Линдси выйдет на сцену передо мной. Он сможет поприветствовать израильтян на их языке и скажет им, что я буду проповедовать лишь десять минут, а затем мы приступим к "служению с чудесами"».

Но вместо десяти минут Кэтрин проповедовала один час пятнадцать минут. Более тысячи евреев встали и начали уходить, крича на организаторов и хлопая дверьми. Кэтрин продолжала проповедь, словно ничего не произошло. Она должна была так делать. Она не могла начинать «служение с чудесами», пока сила Святого Духа не сошла на нее. Спустя час с четвертью она начала. Она называла исцеление за исцелением. Многие из тех, что вышли вперед, были исцелены, и многие христиане были воодушевлены чудесами. Но это было не так, как бывало раньше.

Той ночью она плакала в Израиле. Она была слишком уставшей, чтобы продолжать сражаться. Слишком уставшей, чтобы жить. На следующее утро она пошла с Дэном в близлежащую больницу, чтобы молиться за прикованную к постели маленькую девочку. Это была своего рода тихая миссия сострадания, на которую у нее так долго не хватало времени. После мук предыдущего вечера она была в смиренном и подавленном состоянии — смягченная и готовая к еще одному, последнему помазанию.

Глава 18

Последнее помазание

Конец был неровный и полный суеты, вместо того чтобы быть гладким и величественным, как любила Кэтрин. Три дня спустя после возвращения из Израиля она провела свое последнее служение в зале «Святыня». Все было так, как бывало всегда. Однако Кэтрин была так слаба на этот раз, что с трудом смогла пройти от гримерной до сцены. Но когда хор, руководимый Полом Феррином, начал петь свою любимую «Аллилуйя», лицо Кэтрин внезапно засияло. Сверхъестественная сила излилась на ее тело, и еще один раз она стала молодой женщиной. Она летала по сцене, размахивая руками, чтобы руководить музыкой. В тот момент она была вне времени — сосуд Святого Духа, канал силы Божьей.

После служения Кэтрин спросила Тинка, который прилетел в Лос-Анджелес один, оставив Сью в Талсе, не позвонит ли он своей жене: «Может быть, она прилетит сюда и сделает что-нибудь для моего желудка. Мне так плохо».

И хотя она лишь несколько часов назад прилетела из Израиля, Сью бросила все и полетела в Лос-Анджелес. Она приехала примерно в 19.30, когда Кэтрин уже легла в постель. Рано утром Тинк встал и полетел в Денвер, чтобы проверить «Лир Джет», который был почти готов. Пока он

был там, ему позвонила Сью: «Кэтрин нехорошо. Тебе надо вернуться сюда поскорее».

Тинк вернулся в середине вечера. Кэтрин сказала, чтобы Сью послала Мэгги назад в Питтсбург. Она была еще в постели, жалуясь на боли в верхней части желудка. Тинк пытался уговорить ее отменить встречу с ее телевизионным продюсером, Диком Россом, назначенную на вторник утром. Кэтрин отказалась. Во вторник утром она встала рано, но сказала Сью, находившейся в комнате: «Я чувствую себя не очень хорошо. Я хочу встретиться с Диком внизу, в зимнем саду, но ты будь рядом, на случай, если понадобится мне».

Сью и Тинк проводили ее на встречу. Они спустились с ней вместе, а затем заняли столик поблизости. На середине разговора с Россом Кэтрин внезапно встала из-за стола и, шатаясь, направилась в дамский туалет. Сью бросилась помочь ей. Они зашли в туалет, где Кэтрин вырвало. Тинк и Сью довели ее до ее номера, и пока Сью готовила ее, чтобы уложить в постель, Тинк спустился поговорить с Россом.

«Дик, если вам что-то нужно делать, то идите и делайте. Она не сможет сегодня работать. Возможно, она будет готова записать программу завтра».

Тинк думал, что Кэтрин подхватила грипп и скоро выздоровеет.

В тот вечер он позвонил кардиологу, который лечил ее в Талсе в июле. Он расспросил о симптомах болезни Кэтрин по телефону.

«Может ли она спокойно лежать в постели?» — спросил доктор.

«Да, — сказал Тинк, — и, похоже, у нее нет трудностей с дыханием».

«Я предполагаю, что у нее грипп», — сказал доктор. Он порекомендовал некоторые лекарства, чтобы не было тошноты.

Тинк и Сью сняли номер как раз напротив номера Кэтрин. Они забрали ключи от ее номера и настояли, чтобы она не запиралась на замок, тогда они смогут войти ночью проверить ее состояние и потихоньку выйти. На еле-дующее утро улучшения у нее не наступило. Однако, поскольку

восемь человек прилетели со всех концов Америки для записи телепрограмм, она настояла, что она оденется и пойдет на Си-би-эс на запись программы.

Это было тяжелое утро. Спускаясь вниз в холл и на пути к студии, Кэтрин несколько раз останавливалась, тяжело опираясь на руку Тинка. Она записала утренние программы, но несколько раз чуть не теряла сознание.

В то же утро раздался телефонный звонок в операторской будке Дика Росса. Звонил Орал Роберте из Талсы. «Передайте Кэтрин, чтобы она позвонила мне во время обеда, — сказал он. — Тинк звонил мне раньше и просил меня и Эвелин молиться. Я хочу поговорить с ней».

Тинк ответил на этот звонок в полдень и подвел Кэтрин к телефону.

— Кэтрин, Господь сейчас показал мне нечто, как только я взял телефонную трубку. Вокруг вас — тьма.

— Да, — сказала Кэтрин, кивая. — Я чувствую это.

— Я вижу пучок света, и этот свет разгоняет тьму и засасывает вас.

— Я знаю, — сказала она. — Я знаю. Я знаю. Я знаю.

— Вы собираетесь доделать эти записи на телевидении, не так ли?

Кэтрин живо кивнула. Казалось, что сила возвращается к ней. Орал молился за нее по телефону, повелевая силам тьмы оставить ее, прося Бога дать ей новую силу. Кэтрин, казалось, становилась сильнее. Она закончила послеобеденную запись без проблем.

Однако сразу после записи она упала на стул в гримерной. «Вы можете отменить просмотр, — сказала она Дику Россу. — Я слишком слаба, чтобы идти в просмотровый зал».

Впервые (а было сделано уже почти пятьсот записей) она не просмотрела свои программы перед тем, как их размножат и отошлют в различные станции по всей стране.

В тот вечер Тинк и Сью обедали с Дианой Мак-Грегор и Джимом Вестом в зале для гурманов в «Сентури плаза». Диана, которую пригласили на телевидение, была бывшей танцовщицей в Лас-Вегасе, исцеленной на «служении с

чудесами» в зале «Святыня». Вест, калифорнийский миллионер, был приятелем Дианы.

Во время обеда Вест сказал: «Тинк, если вам понадобится медицинская помощь для мисс Кульман, позвоните мне. Я знаю весь персонал в госпитале святого Иоанна, а также в медицинском центре Калифорнийского университета».

Тинк поблагодарил его и сказал, что надеется на выздоровление Кэтрин и на то, что врач ей не понадобится.

Кэтрин провела еще один день за записью программ на Сиби-эс и вернулась в «Сентури плаза» совершенно изможденная. В субботу утром в 5.30 Сью тихонько вошла в номер Кэтрин, чтобы проверить ее состояние. Она наполовину сползла с постели и лежала лицом вниз, настолько слабая, что не могла поднять голову.

Сью помогла ей лечь в постель и сказала: «Вы знаете, нам нужно что-то предпринять. Нам следует обратиться к врачу».

Не в состоянии говорить, Кэтрин просто кивнула головой. Живот у нее распух, и это создавало, очевидно, дополнительное давление на ее уже расширенное сердце. Она чувствовала сильную боль.

Тинк пытался дозвониться до Джима Веста, но того не было дома. Он набрал номер Дианы Мак-Грегор.

— Где Джим?

— Он на своем ранчо в Элко, в Неваде.

— Нам нужен доктор для Кэтрин. Как мне с ним связаться?

— В этом нет необходимости, — сказала Диана. — Я знаю доктора, к которому он обращался, когда у него был сердечный приступ. Это — доктор Карл Забия.

Она дала Тинку его номер. Было почти 9 часов утра, когда Тинк наконец связался с доктором Забия.

— Мое имя Вилкерсон. Я — знакомый Джима Веста. Я с Кэтрин Кульман в «Сентури плаза», у нее сильные боли из-за болезни сердца.

Доктор сказал, что он как раз едет в госпиталь и по пути заедет в отель.

Случайно у Тинка были все медицинские карты Кэтрин из Талсы. Доктор Забия приехал, осмотрел Кэтрин и затем повел Тинка в холл. — «Нужна немедленная госпитализация.

Я вызову «скорую». Дайте мне ее карты, я просмотрю их, пока вы довезете ее до госпиталя святого Иоанна».

Доктор вызвал «скорую» из номера Тинка и затем поехал в госпиталь. Тинк вернулся в номер Кэтрин. — «Нам надо собираться. «Скорая» приедет сюда через несколько минут».

«Что?!» — сказала Кэтрин со сверкающими глазами. В первый раз она заговорила, если не считать того, что она пробормотала доктору. Она села в кровати, отбросив одеяло. — «Я не пойду ни в какую «скорую», и не говорите об этом больше. Все в этом отеле будут знать об этом, а значит, и весь мир узнает. Я пойду пешком, прежде чем сесть в "скорую"».

Пока Сью помогала Кэтрин одеться, Тинк спустился вниз, встретил «скорую» и отправил ее в госпиталь святого Иоанна, заплатив 40 долларов за поездку. Он вернулся в номер Кэтрин, и они втроем пошли по коридору к лифту, а затем — к автомобилю Тинка.

Она чуть не умерла в машине. Тинк думал, что она умерла. По дороге в госпиталь она теряла сознание. Вдобавок к этому, в госпитале доктор Забия ждал, что ее привезут на «скорой». На то, чтобы найти ее и положить на носилки в комнате первой помощи ушло почти 15 минут. К тому времени давление крови у нее упало ниже критической черты, и ее направили в кардиологическое отделение, где врачи лихорадочно работали почти 5 часов, пока ее жизненные показатели не стабилизировались.

Тинк и Сью были при ней постоянно. Тинк звонил Мэгги каждый день, рассказывая о ее состоянии.

«Она хочет домой на Рождество, — сказал Тинк. — Она хочет, чтобы вы запланировали большую рождественскую вечеринку, как вы всегда делали».

Прилетел доктор Ричард Овеллен из «Джона Гопкинса» и провел почти неделю, навещая Кэтрин в ее палате — больше как друг, чем как терапевт. Мэгги тоже прилетела, но получилось не совсем удачно. Они едва поговорили. Мэгги молча стояла у кровати. С разбитым сердцем она вышла в маленький холл в конце коридора и сказала: «Я посижу здесь. В конце концов, пастор узнает, что я здесь, и что я

люблю ее». Казалось, какие-то силы пытаются разрушить общение, которое существовало более 30 лет.

Мэгги вернулась в Питтсбург в День Благодарения. Доктор Овеллен улетел на выходные в Балтимор. Кэтрин, похоже, пошла на поправку.

В январе 1974 года Кэтрин пересмотрела свое завещание. В нем она завещала Джерому и Эллен Стерн из Портленда в штате Орегон ценную картину «в благодарность за доброту, проявленную господином и госпожой Стерн по отношению к моей сестре, Миртл Парротт в то время, когда она отчаянно нуждалась в такой доброте».

Остаток ее ценных вещей был оставлен Маргарите (Мэгги) Хартнер «в абсолютное владение или на распределение таким образом, как она посчитает нужным, поскольку она знает мои желания в отношении данных вещей» (Кэтрин дала Мэгги подробную информацию, кому из «Организации» должны отойти те или иные вещи из ее дома и коллекции драгоценностей).

Характерным образом она добавила: «В течение моей жизни я щедро обеспечивала и снабжала мою сестру, Женеву Диксон и ее сыновей Гари и Роберта, мою племянницу Вирджинию Крейн и ее детей, Пола, Коллен и Терезу, и по этой причине я не делаю никаких завещаний им здесь».

Остаток ее состояния должен был быть разделен на пять частей между ее сестрой, Миртл Парротт, Маргаритой Хартнер, Чарльзом Лёшем, Марион Марш и Уолтером Адамаком. Они должны были получать 5% от «суммарной рыночной ценности вверенного состояния» на ежегодной основе. Если что-либо останется после смерти всех пятерых, остаток должен поступить в «Организацию Кэтрин Кульман». Вильям Хьюстон и Питтсбургский национальный банк были назначены доверенными лицами для распределения средств между пятью упомянутыми лицами.

Врачи в Калифорнии продолжали настаивать, чтобы Кэтрин согласилась на сердечную катетеризацию. Она отказывалась, говоря, что есть «личные вещи», которые ей надо сделать вначале. Одной из этих «личных вещей» было составление нового завещания.

Некая неразбериха опутывает реальные факты нового завещания. Тинк Вилкерсон сообщил мне, что даже когда Кэтрин попросила его позвонить его адвокату Ирвину Унгерману и попросить его прилететь из Талсы в Лос-Анджелес на конференцию, то он не спросил, зачем. «У меня было ощущение, что они могли говорить о подобных вещах, — сказал он, — но у меня не было никаких сведений, что там происходило. Фактически, я обнаружил, что есть новое завещание, когда я говорил с Мэгги в воскресенье, после того как Кэтрин умерла в пятницу».

«И вы только тогда впервые узнали о ее новом завещании?» — спросил я его.

«Да, тогда я впервые узнал о нем», — ответил он.

Мэгги, однако, рассказывала мне со слезами, что она не имеет представления, когда Кэтрин обсуждала составление нового завещания. Она ничего не знала о нем, пока не прибыла в Калифорнию на похороны. Это открытие упало на ее надломленный дух, как кузнечный молот. Я поверил ей, когда она сказала, что не говорила с Тинком о завещании ни в воскресенье, ни в какой-либо другой день.

Итак, Унгерман полетел в Лос-Анджелес и говорил с Кэтрин в ее палате. «Меня в палате не было», — сказал Тинк.

Унгерман составил черновик и затем вернулся в Талсу. В среду, 17 декабря, он прилетел снова. Кэтрин выписали из госпиталя, и она была в своем номере в «Сентури плаза». Сиделки дежурили возле нее круглосуточно. Новое завещание было подписано Кэтрин, а свидетелями были Унгерман, доктор Карл Забия и Джим Вест. Тинк сообщил, что Кэтрин попросила его позвонить Весту, чтобы он приехал в госпиталь в качестве свидетеля, но Тинк продолжал утверждать, что он не знал, что она готовила новое завещание. «Пожалуй, я чувствовал это, — признался он, — но, как я сказал, решил не вмешиваться. Я полагал, что это ее дело».

Новое завещание полностью отличалось от того, которое она сделала почти за два года до этого. В нем она завещала конкретные и существенные суммы четырнадцати человекам, которые были или родственниками, или сотрудниками

питтсбургского офиса. Среди них были Миртл Парротт, Женева Диксон, Агнес Кульман, Маргарита Хартнер, Марион Марш и Стив Зеленко. Меньшие суммы шли десяти другим сотрудникам. Общая сумма наличности, подлежащей завещанию, была 267500 долларов.

После этого в завещании говорилось: «Остальная часть моей собственности, реальной и личной, любого вида и места размещения, завещаемая ли или случайно принадлежащая мне на время моей смерти, по моему завещанию отходит к Сью Вилкерсон и Д. Б. Вилкерсону младшему, совместно, абсолютно свободно от всяких условий и ограничений».

Ирвин Е. Унгерман из Талсы штата Оклахома назначался единственным исполнителем завещания.

Хотела Кэтрин, чтобы «служение» продолжалось, или нет, могло быть указано в завещании. Она подготовила записи, чтобы их использовали после ее смерти, но она знала, что сама Кэтрин Кульман была служением. Оказывал ли Тинк давление? Был ли он интриганом? Работал ли он на кого-то еще? Придумывал ли он завещание и использовал ли он слабость Кэтрин? Трудно сказать. Могло ли это быть намерением Кэтрин, чтобы «служение» прекратилось?

Некоторые люди уже предполагали, что если бы она думала ясно, то могла бы сделать все иначе. Но кто может знать?

Четыре дня спустя Тинк поручил своим пилотам доставить новый «Лир Джет» в Лос-Анджелес. Они взяли Кэтрин назад в Питтсбург. Мэгги и Стив Зеленко помогали переправить ее домой. Две сиделки летели вместе с ней. Тинк забрал самолет назад в Талсу, взял Сью и полетел в Вейл штата Колорадо, чтобы провести Рождество в их лыжном коттедже.

В Рождество он позвонил Кэтрин. Он мог сказать по ее голосу, что ей плохо. Сиделки были там, а также Мэгги и еще несколько человек.

На следующий день Тинк вылетел в Талсу, взял с собой кардиохирурга и полетел в Питтсбург. Стало очевидно, что ей нужна операция на сердце.

Тинк позвонил Мэгги в офис из дома Кэтрин в Фокс-Чэпел: «Мэгги, пожалуйста приходите. Я забираю мисс Кульман в Талсу».

Мэгги была потрясена. Она села в машину и ехала так быстро, как только могла. Они уже собирались уходить, когда она прибыла.

«Мисс Кульман хочет, чтобы вы остались и позаботились об офисе, — сказал Тинк, — Сью и я сделаем все остальное».

Хирург из Талсы был вместе с ними, когда они везли Кэтрин из дома в аэропорт на автомобиле. Мэгги плакала.

«Доверьтесь мне, — сказал Тинк. — Они собираются оперировать в среду. Я пришлю самолет назад, так что вы сможете быть там, когда ее возьмут на операцию».

На следующий день, в субботу 27 декабря, Тинк позвонил Мэгги: «Они забирают мисс Кульман на операцию прямо сейчас».

«Вы серьезно? — сказала Мэгги, зло и возмущенно. — Вы сказали мне, что дадите время, чтобы приехать туда».

«Врачи говорят, что нет выбора. Ей нужна операция прямо сейчас, или она не выживет».

Личная медсестра Кэтрин из медицинского центра «Хиллкрест» позвонила Тинку домой в Талсу в 6 утра в то субботнее утро: «Вам лучше бы приехать сюда. Дыхание мисс Кульман ослабевает. Я волнуюсь».

Тинк повесил трубку. Он хотел позвонить Оралу Робертсу, но он знал, что Орал поздно лег и долго проспал утром. Он постеснялся. Потом все-таки набрал личный номер Орала. К телефону подошла Эвелин Роберте.

«Извините, что беспокою вас», — начал он, затем обрисовал ситуацию.

«Орал встанет и будет готов через 15 минут, — сказала она. — Вы можете заехать за ним».

Двое мужчин вошли в палату Кэтрин и стояли, смотря на нее. Она умирала. Орал положил свою руку на ее лоб, помолился короткой молитвой, и затем они оба вышли. — «Все, что вы хотите сделать для Кэтрин, делайте скорее. Я никогда не чувствовал смерть сильнее за всю мою жизнь».

Эвелин Роберте и Сью Вилкерсон присоединились к своим мужьям в госпитале, пока команда хирургов заканчивала свои приготовления. Пять врачей делали операцию, включая крещенного Святым Духом кардиолога из Канады, который недавно поступил на отделение новой медицинской школы в Университете Орала Робертса. В 10.00 врачи вошли в кардиологическое отделение, где их встретили Вилкерсоны и Робертсы. Кэтрин уже была подготовлена к операции и лежала на койке поблизости. Хирург-еврей посмотрел на Орала: «Почему бы нам не соединить руки, пока вы молитесь за нас?»

Несколько мгновений спустя санитары вкатили Кэтрин в операционную, где врачи работали почти 5 часов на открытом сердце, чиня митральный клапан. В конце этого испытания весь медицинский персонал спустился в зал ожидания.

«Не я делал операцию, — сказал главный хирург. — Кто-то Другой двигал моими руками».

Кардиолог из Университета сказал, что он провел большую часть времени, возложив руки на Кэтрин, молясь в духе, пока остальные работали. Все были довольны результатами.

Но в следующую пятницу у нее случилась закупорка легкого. Потребовалась срочная операция. В течение двух следующих недель им пришлось сделать три бронхотомии, потому что размер сердца препятствовал дренированию левого легкого. Много суеты было из-за этого. Тинк звонил в Питтсбург каждый день, говоря Мэгги, чтобы она продвигалась вперед и составляла планы на ежемесячные служения в «Святыне» и на «служения с чудесами» в Окленде в апреле. Он выпускал сообщения, что у Кэтрин серьезные улучшения и что скоро она выйдет из госпиталя. Однако сообщения от медсестер (пока им не запретили говорить) были совершенно противоположные. Поступили сообщения из надежных источников, что Кэтрин фактически умерла два раза и что ее пришлось оживлять с помощью механических средств.

Орал дважды возвращался помолиться за нее.

Миртл Парротт прилетела из Калифорнии. После одного из ее визитов она отозвала Тинка в сторону для разговора. — «Тинк, Кэтрин говорит, что она хочет домой».

Ее воля жить и бороться ушла. Она была готова принять более далекий зов. В конце концов она осталась одна, подобно стареющему Моисею, когда Бог положил Свои руки на его плечи и повел его с вершины горы Нево в высший мир.

Так и Кэтрин. Ее мечта о том дне, когда в каждой церкви будут чудеса, все еще не осуществлена. Она отступила назад, в туман и наблюдала, как мимо проходит Царство. Ее задача была выполнена. Она познакомила людей со Святым Духом. Она показала им, что чудеса возможны. Несмотря на все неудачи и недостатки, она доказала, что Бог может взять даже самое несовершенное творение и использовать его как инструмент для отражения Своей славы. В смерти, как и в жизни, она воздавала Ему хвалу.

20 февраля 1976 года ее лицо начало снова сиять, когда Святой Дух сошел на нее в последний раз. Медсестра в палате обернулась и увидела, как сияние окутало постель. Неописуемый покой, казалось, наполнил всю палату. И она ушла.

Радостным я жил и радостно умру.

И я ухожу добровольно.

(Роберт Луис Стивенсон. Реквием).

Глава 19

Послесловие: Оглядываясь Назад

На панихиде в «Викирк о'Хетер» в мемориальном парке «Лесная поляна» в Глендейле штата Калифорния Орал Роберте сказал, что произошло с ним, когда пришло известие, что Кэтрин умерла: «Я сосредоточился на служении исцеления. Затем я вспомнил ее слова, и они ударили меня как гром. «Это не Кэтрин Кульман. Она никого не может исцелить. Это — работа Святого Духа».

Затем я увидел семь огней и двенадцать людей. Я спросил Бога, что значат эти огни. Он открыл мне, что огни нисходят на людей... не они выбирали, но их избирали. Будут специальные люди, поднятые для этого. Эти семь огней будут сиять на этой Земле, и после ее смерти ее служение будет еще более великим, чем при ее жизни».

Спустя два месяца я навестил ее могилу и затем, проезжая по городу, зашел на обычное «служение с чудесами» во вторник в «Мелодиленд» в Анахайме. Вел собрание Ральф Вилкерсон. Было почти 2000 человек — в 10 часов во вторник утром.

Это не было похоже на собрания в «Святыне» или в Питтсбурге. Не было хора. Организаторы не носили униформу. Ральф вел собрание непритязательно, неформально, когда он ходил вокруг по фронту гигантского кольцевого зала,

говоря с людьми, молясь за них, возлагая руки. Некоторые падали назад, сраженные Духом. Некоторые исцелялись. Другие не исцелялись. Чувствовалось, что это дело Бога, а не Ральфа.

Он начал петь: «Конечно, благодать и милость будут со мной все дни, все дни моей жизни». Он взял слишком высоко, и всем приходилось пищать, чтобы петь. Он улыбнулся и продолжал ходить. Он не пытался произвести на кого-либо хорошее впечатление, а только старался угодить Богу.

Я огляделся. Два десятка людей, бизнесменов и домохозяек, ходили взад и вперед по проходам, молясь за больных и вызывая тех, кто получил исцеление. Кэтрин никогда не допускала подобного. Все же, когда я закрыл глаза и стал прислушиваться, я понял: здесь был тот же самый Святой Дух, что и на «собраниях с чудесами» у Кэтрин. Он посещал «служение», служение чудес.

Но это происходило не только в «Мелодиленд». В Сент-Луисе, в Талсе, в Санкт-Петербурге, в Форт-Лодердейле, в Денвере... в тысячах церквей и молитвенных групп по всему свету Святой Дух двигался, ибо тот же самый Дух, что воскресил Христа, теперь обитает в нас, оживляя наши бренные тела.

Я думал о видении Орала. В конце Библии число 7 представляет все церкви, ибо тогда было 7 великих церквей, к которым обращался воскресший Христос. Число 12, конечно, представляет совершенство — бесконечность. Это не значит, что 12 человек продолжат дело Кэтрин. Скорее — все церкви, которые открыты для движения Духа Святого, везде, должны увидеть чудеса. Мечта Кэтрин исполнится. Аксиома Иисуса остается истинной, даже если ее перефразировать для нынешнего поколения: «Более великие вещи будут делать они, чем делала она».

Кэтрин не было суждено войти в Землю Обетованную. Она была из другого поколения. Она была пионером, она показывала нам путь, ведя нас к берегам Иордана. Она была Иоанном Крестителем служения Святого Духа. Теперь дело за нами — видеть, как это начнет происходить — во всех церквях по всему миру. Кэтрин ушла, но Святой Дух жив.

«И будет после того, излию от Духа Моего на всякую плоть... И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего. И покажу знамения на небе и на земле... И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется...»
(Иоил.2:28—30, 31)